

# Россия и Азия

№ 1 (35), 2026

[russia-asia.org](http://russia-asia.org)



# Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 1 (35), 2026 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: [red@russia-asia.org](mailto:red@russia-asia.org)

---

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

**Редакционный совет**

**Шкваря Людмила Васильевна** — главный редактор, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

**Члены редакционного совета:**

**Соловьёва Юлиана Владимировна** — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), г. Москва, Россия.

**Айдрус Ирина Ахмед Зейн** — кандидат экономических наук, доцент, независимый эксперт г. Манама, Бахрейн.

**Аль Сайяд Мохаммед Джаффар** — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

**Кириллов Виктор Николаевич** — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

**Муха Денис Викторович** — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

**Неновски Николай Ненов** — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

**Платонова Елена Дмитриевна** — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

**Смирнов Евгений Николаевич** — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

**Филькевич Игорь Александрович** — доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

**Фролова Елена Дмитриевна** — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

**Угрюмова Александра Анатольевна** — доктор экономических наук, профессор, Всероссийский научно-исследовательский институт систем орошения и сельхозводоснабжения «Радуга», г. Коломна, Россия.

**Хэ Минцзюнь** — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминьского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

**Пернацкая Ольга Олеговна** — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Москва, Россия.

**Содержание****МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ  
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

<b>Шкваря Л. В.</b> Азиатский сдвиг: новые контуры современной мировой экономики и глобальной торговли	<b>6</b>
<b>Тарасов А. Г., Карх Д. А.</b> Формирование основ финансового суверенитета в Азии: необходимость и возможность	<b>20</b>
<b>Соловьёва Ю. В.</b> Цифровой ландшафт Азии: стратегии технологического рывка и роль трансфера технологий	<b>32</b>
<b>Кириллов В. Н.</b> Энергопереход как современная реальность для экспортной экономики стран Азии	<b>47</b>

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ**

<b>Айдрус И. А. З.</b> Анализ конкурентных преимуществ ОАЭ в мировой экономике с использованием модели «Ромб Портера»	<b>63</b>
<b>Русакович В. И.</b> Тенденции «зеленой» политики Японии	<b>74</b>
<b>Чернова М. В., Савин В. Ю.</b> Российский рынок акций последние пять лет: сравнительный анализ эффективности инвестиционных стратегий	<b>89</b>

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

<b>Асмятуллин Р. Р.</b> О проведении Всероссийской научно-практическую конференцию с международным участием «Хасбулатовские чтения»	<b>104</b>
---	------------

---

---

**Content****WORLD ECONOMY  
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

<b>Shkvarya L. V.</b> The Asian Shift: New contours of the modern global economy and global trade	<b>6</b>
<b>Tarasov A. G., Karkh D. A.</b> Formation of the foundations of financial sovereignty in Asia: necessity and opportunity	<b>20</b>
<b>Solovieva Yu. V.</b> Asia's Digital Landscape: Technological breakthrough strategies and the role of technology transfer	<b>32</b>
<b>Kirillov V. N.</b> Energy transition as a modern reality for the export economy of Asian countries	<b>47</b>

**DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES**

<b>Aidrous I. A. Z.</b> Analysis of the UAE's competitive advantages in the Global Economy Using the Porter Rhomb Model	<b>63</b>
<b>Rusakovich V. I.</b> Trends in Japan's «Green» Policy	<b>74</b>
<b>Chernova M. V., Savin V. Yu.</b> The Russian stock market over the past five years: a comparative analysis of the effectiveness of investment strategies	<b>89</b>

**SCIENTIFIC LIFE**

<b>Asmyatullin R. R.</b> On holding the All-Russian scientific and practical conference with international participation «Khasbulatov readings»	<b>104</b>
---	------------

---

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ  
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /  
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

---

**Азиатский сдвиг: новые контуры современной мировой экономики и  
глобальной торговли**

*Шкваря Людмила Васильевна<sup>1</sup>*

*Мировая экономика переживает период беспрецедентной трансформации, как социально-экономической, так и территориально-экономической (экономико-географические сдвиги), что актуализирует необходимость изучения и анализа этих взаимосвязанных процессов. Цель исследования — анализ современного положения Азии в глобальной экономике и торговле, а также определение вектора развития Азии в мире с учетом основных тенденций мирового хозяйства и выявление его актуальных особенностей. Современная Азия находится в эпицентре крупных торгово-экономических изменений и сталкивается с новыми возможностями и вызовами. Трансформируясь сама, Азия осуществляет преобразование мировой экономики и торговли и создает новые предпосылки развития, в том числе глобальные. В то же время страны и субрегионы Азии остаются весьма дифференцированными и разноуровневыми в различных аспектах социально-экономического и внешнеторгового развития. Фактически Азия — самый динамичный и потенциальный регион в мире с начала XXI в., и она по-прежнему, на наш взгляд, будет оставаться катализатором глобальной эволюции и фактором международной устойчивости, как минимум, в среднесрочной перспективе, благодаря ряду характеристик и тенденций своего развития. Автор приходит к выводу о том, что опережающий рост Азии — результат не случайного стечения обстоятельств, а последовательной реализации экономической модели, сочетающей экспортную ориентацию, активную промышленную политику, инвестиции в человеческий капитал и институциональное развитие. Проведенный анализ базируется на количественном и качественном сопоставлении статистических данных международных и региональных организаций, национальных статистических структур.*

**Ключевые слова:** мировая экономика, мировая торговля, Азия, векторы развития, факторы развития, структура экономики, трансформация мировой экономической системы.

**JEL коды:** F01, F14, F62, F63.

### Введение

В последние годы в силу резкого роста глобальной нестабильности и все более интенсифицирующихся сдвигов как в экономическом и социальном, так и технологическом и

---

<sup>1</sup> Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

цифровом аспектах, связанных с этим изменениями позиций стран в различных регионах мира (Стратегические направления, 2019), актуализируется задача исследования глубинных причин и факторов сложившегося положения и выявление возможных перспектив развития мировой экономики в планетарном и континентальном аспектах. Экономика Азии, ее тенденции, факторы роста и особенности протекающих здесь процессов традиционно вызывают интерес у исследователей (Кандалинцев, 2013). Авторы обращают все более пристальное внимание на исследование хозяйственной динамики и ее эволюции в странах Азии, целому ряду которых, например, Китаю (Авдокушин, 2023), и не только, удалось в той или иной степени преодолеть негативные тренды, и прежде всего — высокую степень зависимости от «Центра» в финансовом, продовольственном, научно-техническом и других сферах, и сформировать собственное видение национальных позиций, задач и возможностей (Тураев, 2017). Исходя из необходимости национального суверенитета, сформированы стратегии и планы развития Китая и Индии, стран АСЕАН и ССАГПЗ, которые нацеливают соответствующие государства и объединения на дальнейшие достижения в этом направлении.

Растет интерес к анализу влияния глобальных экономических вызовов на развитие перспективных рынков, среди которых особенно выделяются страны Азии, такие как Китай, Индия, Саудовская Аравия, и др., а также интеграционные объединения, например, АСЕАН и ССАГПЗ (Соловьёва, 2019), наращивающие свою экономическую мощь и присутствие в мире. Но обращает на себя внимание и тот факт, что Азия зачастую становится «передним краем» воздействия санкционных, протекционистских и других негативных факторов, применяемых развитыми государствами в целях снижения конкурентоспособности азиатских экономик (Лаврикова и др., 2019).

Территориально-экономическое развитие мира приобрело новое качество (Страны Азии и Африки, 2024). Государства Азии становятся все более значимыми субъектами мировой экономики, так как темп роста стран Азии зачастую выше среднемирового (Соловьёва, 2020; Головин, 2025). Они более активно создают ВВП по сравнению с «развитыми странами», энергично трансформируют и диверсифицируют национальные экономики, не просто осваивают, но генерируют НТП, формируют новые цепочки создания стоимости, разрабатывают новые товары и услуги, усиливая азиатское сотрудничество и торговлю (Мельянцев, 2025). Имеет место рост азиатского населения, и не просто количественно, но и качественно — все более полно страны Азии обеспечивают свои экономики высокообразованными и высококвалифицированными специалистами и численно увеличивают средний класс, сокращая уровень бедности. Азиатский регион «...обнаружил себя в центре глобальной экономической активности. Он стал важнейшим мотором экономического роста мира. Действительно, мы сейчас находимся, как говорят многие, в «азиатском столетии»» (The Asian, 2019).

В статье сопоставлялись статистические данные по производству ВВП, подушевых доходов, экспорта и импорта и др. на мировом уровне и в Азии.

Цель исследования — анализ современного положения Азии в мировой экономике и основных мирохозяйственных процессах, а также вектора развития Азии в сравнении с миром.

### **Результаты исследования**

Современная Азия находится в эпицентре крупных изменений в мире и в этой связи сталкивается с новыми возможностями и вызовами. Эта часть мира богата землей и ресурсами,

потенциалом и населением, сохраняет разнообразие культур и моделей развития. В целом в последние несколько десятилетий здесь сохранялся достаточно устойчивый экономический рост (табл. 1), как показывают данные *UNCTAD*.

Таблица 1.

Динамика производства ВВП в мире и в Азии в 2000–2024 гг., млн долларов

	2000	2005	2010	2015	2020	2024
Мир	33859671	47928472	66806397	75630164	85789779	110353834
Азия	9623525	12552040	21206220	27046261	32747214	39728755
В том числе						
ЦА	41975	93153	231077	321660	293530	486030
ВА	7298541	8672715	13761386	17962567	22560024	25424710
ЮВА	626687	963140	2023679	2532740	3102510	3926129
ЮА	758915	1300108	2606710	3222638	3817116	5326313
ЗА	987406	1522924	2583369	3006656	2974044	4565573

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Темпы роста в Азии в целом в 2025 г. составили +5,2%. Как видно из табл. 1, экономический рост в Азии был заметно дифференцирован по субрегионам, наиболее заметен он в Восточной Азии (что обеспечивалось, прежде всего, Китаем), а также в регионе Западной Азии, где экономическую динамику «подогревали» страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), за которыми следует Юго-Восточная Азия, т. е. фактически АСЕАН.

Поддерживаемые стабильными процессами и благоприятной хозяйственной средой, развивающиеся экономики АСЕАН постоянно наращивали темпы своего эндогенного роста, внося заметный вклад в общую динамику мировой экономики. Темпы экономического роста Юго-Восточной Азии, по оценкам, в 2025 г. достигли 4,5%, и ожидается, что в 2026 г. они вырастут на 4,4%. Наиболее динамичны экономики Индонезии, Малайзии, Сингапура и Вьетнама. Например, темпы экономического роста Индонезии превысили в 2025 г. 5%, во Вьетнаме они зафиксированы на уровне более 8%. Благодаря высокой динамике в 4-м квартале, темпы экономического роста Малайзии по итогам 2025 г. достигли 4,9% и по факту превзошли оценки. В 2025 г. страны Западной Азии (Ближний и Средний Восток) также продемонстрировали устойчивость экономической динамики, как и государства Южной Азии со значительным вкладом Индии (+6–7% в годовом исчислении). Наиболее низкие показатели ВВП за исследуемый период сохраняются в регионе Центральной Азии (*Asian Development Outlook, 2025*).

Если говорить о краткосрочных перспективах, то в 2026 г., по данным МВФ, экономический рост в Азии сохранится, и будет так же дифференцирован, как и в предыдущие годы. Так, по прогнозам, на долю Китая придется 26,6% прироста реального мирового ВВП, а темпы экономического роста, как ожидается, составят в 2026 г. 4,4% и 4,2% — в 2027 г. (*IMF Annual Report 2025*). Хотя экономическая динамика КНР замедлилась по сравнению с предыдущими годами, огромные размеры экономики по-прежнему обеспечивают ей доминирующее положение в глобальном росте. Ожидается, что темпы экономического роста Индии достигнут 6,2%, а ее вклад в глобальный экономический рост составит 17%. Вместе эти две страны могут обеспечить в 2026 г. более 43% глобального экономического роста, что указывает на то, что мировой экономический «центр тяжести» продолжает постепенно

смещаться в сторону Азии. В десятку крупнейших экономик также входят Индонезия, Турция, Саудовская Аравия (в том числе за счет роста неуглеводородной деятельности, включая обрабатывающее производство и сферу услуг), Вьетнам. Ожидается, что темпы экономического роста этих стран в 2026 г. составят 3,7–5,6%, что будет, по-видимому, выше общемирового показателя. Это указывает на все более заметную их роль в структуре глобальной динамики (Global economic prospects, 2026).

За четверть века Азия увеличила — как в совокупности, так и в субрегиональном аспекте — свою долю в мировой экономике в 1,17 раза (рис. 1), оставаясь очень значимым двигателем восстановления и экономического роста в мировом хозяйстве.

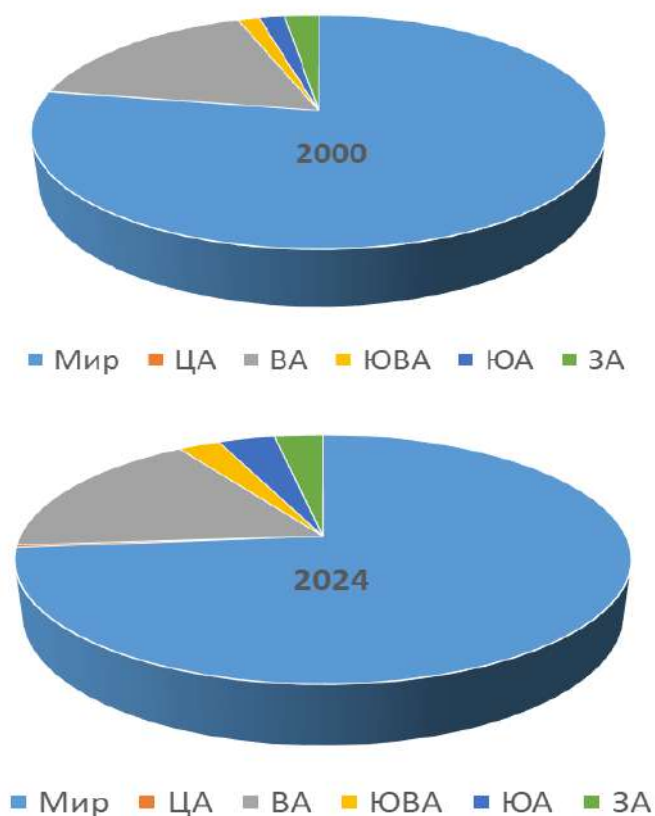


Рис. 1. Доля стран Азии (по субрегионам) в мировом ВВП в 2000 и 2024 гг., %

Источник: составлено и рассчитано автором по данным табл. 1.

Если углубляться в качественные аспекты анализа, то можно отметить, что в Азии сохранились весьма заметно отличающиеся от общемировых трендов, задаваемых преимущественно развитыми странами ОЭСР, отраслевые и другие структурные особенности, представленные нами в табл. 2, что особенно заметно при сравнении мира и Азии в 2000 и 2023 гг. (хотя страны и субрегионы последней также весьма дифференцированы по рассматриваемым и другим показателям).

Как видно из табл. 2, основу экономики Азии составляет материальное производство, прежде всего промышленность, которая традиционно служила локомотивом азиатского роста, обеспечивая интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости на основе высокой производительности труда. Доля промышленности за исследуемый период в совокупной

азиатской экономике увеличилась, хотя и незначительно, в то время как в мировой экономике она сократилась более чем на 1%, преимущественно — за счет роста сельскохозяйственного производства (почти на 1%, особенно в 2020 г. — до 4,49% — ввиду снижения внешнеторговых процессов во всем мире, а затем в 2022 г. — до 4,5%) и сферы услуг.

Таблица 2.

Структурные особенности мировой и азиатской экономики в 2000 и в 2023 гг., % от ВВП

	2000		2023	
	Мир	Азия	Мир	Азия
Расходы на конечное потребление	75,44	69,68	72,80	63,01
Валовое накопление капитала	24,27	28,31	26,46	34,7
Промышленность	28,88	35,17	27,83	35,75
Сельское хозяйство	3,4	6,09	4,31	7,3
Услуги	67,68	58,74	67,77	56,95

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Другими словами, мировой опыт 2020 и 2022 гг. подтвердил, что в кризисной ситуации реальная экономика обеспечивает большую устойчивость экономическим системам, особенно в развивающейся Азии. Статистические данные ЮНКТАД подтверждают, что сегодня в Восточной Азии на долю обрабатывающей промышленности приходится около 1/4 ВВП — существенно выше, чем в ЕС (примерно 1/6) и США (около 1/8), и Азия продолжает процесс развития своей промышленности как основу своего суверенитета. Как отмечают эксперты МВФ, производительность в обрабатывающей промышленности Азии уже приблизилась к уровню мировых лидеров (Баба и др., 2024). Стоит отметить, что страны Азии занимают ведущие места в мировых рейтингах не только в производстве традиционной промышленной продукции, в том числе добывающих отраслей, но и в выпуске товаров ИКТ (Asian Development Outlook, 2025).

Высокая конкурентоспособность азиатских товаров и услуг на мировых рынках во многом обеспечивается государственной поддержкой, традиционно ориентированной не столько на импортозамещение, сколько на экспортную экспансию. Азиатские предприятия вынуждены конкурировать на мировом рынке, что стимулирует инновации, повышение эффективности и качества продукции. В большинстве случаев государство в азиатских странах действует проактивно, выходя за рамки обеспечения инфраструктуры и благоприятной деловой среды, развивая конкурентные компании в передовых отраслях и компенсируя «провалы рынка». Ключевую роль играют специализированные органы, отвечающие за определение и реализацию промышленной политики — по образцу японского Министерства международной торговли и промышленности. Эти структуры обладают сильной политической поддержкой, внутренней автономией, привлекают лучшие кадры и способны координировать действия правительства и промышленности, накапливая специализированные знания и адаптируясь к изменениям, а также обеспечивая высокий уровень экономической свободы субъектам хозяйствования.

Также во многом показательной в азиатских экономиках остается ситуация с конечным потреблением и валовым накоплением капитала. Как видно из табл. 2, при общей тенденции к снижению этого показателя, в мире доля конечного потребления заметно выше, чем в Азии (где доля потребления сократилась более заметно), что обеспечивает азиатской экономике возможность расширять и диверсифицировать производственную базу и укреплять

хозяйственный потенциал за счет экспортной экспансии (хотя и с разным «товарным наполнением»). Азия сберегает около 1/3 своего ВВП, тогда как в Европе, Латинской Америке и США этот показатель составляет лишь около 1/5 части. Высокий уровень сбережений формирует мощную инвестиционную базу, позволяя финансировать масштабные инфраструктурные проекты и модернизацию производства без критической зависимости от внешнего капитала.

При этом, несмотря на устойчивый рост населения в Азии и урбанизации этой части света — из 30 крупнейших городов мира 21 расположен в странах Азии (Кондратьев, 2020), — экономическая динамика обеспечила повышение уровня душевых доходов, причем в Восточной и Западной Азии этот уровень превзошел общемировой показатель (табл. 3). Растущее население обеспечивает возможности инновационного развития и цифровизацию — как потребители, так и производители, отчасти — как разработчики (Тураев, 2017; Соловьёва, 2020).

Таблица 3.

Динамика душевого дохода в Азии и в мире в 2000–2024 гг., долларов

	2000	2005	2010	2015	2020	2024
Мир	5489	7280	9519	10129	10882	13526
Азия	2407	3143	5002	6033	6985	8265
В том числе						
ЦА	783	1564	3614	4615	3840	5911
ВА	4869	6521	8671	10990	13545	15352
ЮВА	1189	1707	3352	3943	4596	5648
ЮА	513	803	1490	1722	1924	2581
ЗА	4802	7298	10986	11350	10339	14759

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

В Азии уже проживает половина глобального среднего класса. Рост доходов населения трансформирует структуру потребления, создавая долгосрочный спрос на товары, услуги, инфраструктуру и технологии. Этот внутренний спрос, опирающийся на значительную демографическую составляющую таких стран, как Индия, Индонезия, Филиппины, Вьетнам, которые сохраняют молодую и растущую рабочую силу, становится все более значимым драйвером, дополняющим экспортную ориентацию.

Таким образом, фактически Азия — самый динамичный и потенциальный регион в мире с начала XXI в., и она по-прежнему, на наш взгляд, будет оставаться катализатором глобального развития и фактором глобальной устойчивости, как минимум, в среднесрочной перспективе, благодаря отмеченным и другим тенденциям (Экономические системы незападных стран, 2025), хотя темп роста Азии, возможно, снизится из-за глобальной нестабильности (Solovieva, 2020).

В то же время рассматривать Азию как некий монолит не представляется возможным (Смирнов, Леонова, 2025). К тому же, несмотря на общую тенденцию к укреплению политического взаимного доверия между странами этой части света, существуют и обратные процессы.

Во многом первопричиной экономического роста в Азии стало углубление сотрудничества стран как между собой, так и с миром, прежде всего в сфере торговли, сохраняющей важное значение для Азии как по экспорту (доля макрорегиона в 2000 г.

составила 32% от общемирового показателя, а в 2024 г. — уже 42,86%), так и по импорту (27,9% и 38,7% от общемирового показателя в 2000 г. и в 2024 г. соответственно). Внешняя торговля в Азии во многом обеспечивает и поддерживает экономический рост стран, и ее положительная динамика, сохраняющаяся на протяжении уже достаточно длительного периода (тал. 4), очень важна, например, для Китая и др. государств, которые зависят от внешнего рынка в различных сегментах.

Таблица 4.

Динамика экспорта и импорта в мире и в Азии в 2000–2024 гг., млн долларов

	2000	2005	2010	2015	2020	2024
Экспорт						
Мир	6449894	10512045	15299274	16565155	17647831	24456413
Азия	2068214	3591672	5953812	6861476	7449691	10481951
В том числе						
ЦА	15431	39123	81117	67731	69401	120360
ВА	1258590	2136743	3495528	4231136	4648754	6105002
ЮВА	430203	656582	1050067	1167102	1386144	1941420
ЮА	93119	189230	378956	405322	391528	650637
ЗА	270872	569995	948143	990186	953864	1664535
Импорт						
Мир	6652863	10797252	15435497	16726094	17873704	24782764
Азия	1827704	1928248	3220561	6246395	6821754	9599539
В том числе						
ЦА	10756	26398	51376	56533	1270320	1872983
ВА	1124625	1928248	3220651	1098393	1270320	1872983
ЮВА	380640	602840	953358	1098393	1270320	1872983
ЮА	94762	236876	507009	561550	545787	952134
ЗА	216921	430346	729833	950526	893876	1561576

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

Например, Тайвань и Вьетнам сохраняют высокую зависимость от экспорта полупроводниковой продукции в США. Страны АСЕАН традиционно извлекают выгоду из диверсификации цепочки поставок, инвестиций в инфраструктуру и повышения внутреннего спроса (Меланьина, Савинский, 2017). Ухудшение показателей деятельности экспортирующих компаний ведет к снижению занятости и заработной платы, а следовательно, и потребления. Напротив того, восстановление внешнего спроса на электронную продукцию и другие промышленные товары обеспечит дальнейший рост экспорта.

В то же время ВТО снизила свой прогноз роста мировой торговли товарами на 2026 г. до 0,5%, что намного ниже прогнозируемых в 2025 г. 2,4% (WTO Annual Report, 2025), в том числе — из-за слабого спроса, ограничений в сфере транспорта, логистики и цифровых услуг и сохраняющихся в мировой торговле разногласиях, прежде всего — из-за «скрижалей Трампа». На рост дискриминационных мер в мировой торговле обращает внимание и ЮНКТАД (рис. 2). Эксперты ВТО подчеркнули, что торговые ограничения, процессы экономической рецессии и политическая неопределенность, включая усиление экспортного контроля США, обесценивание национальной валюты и «дефляционный экспорт» со стороны

Китая, распространяются на все большее число экономик и отраслей, создавая серьезные риски снижения экономической активности и торговли в мире (WTO Annual Report, 2025).

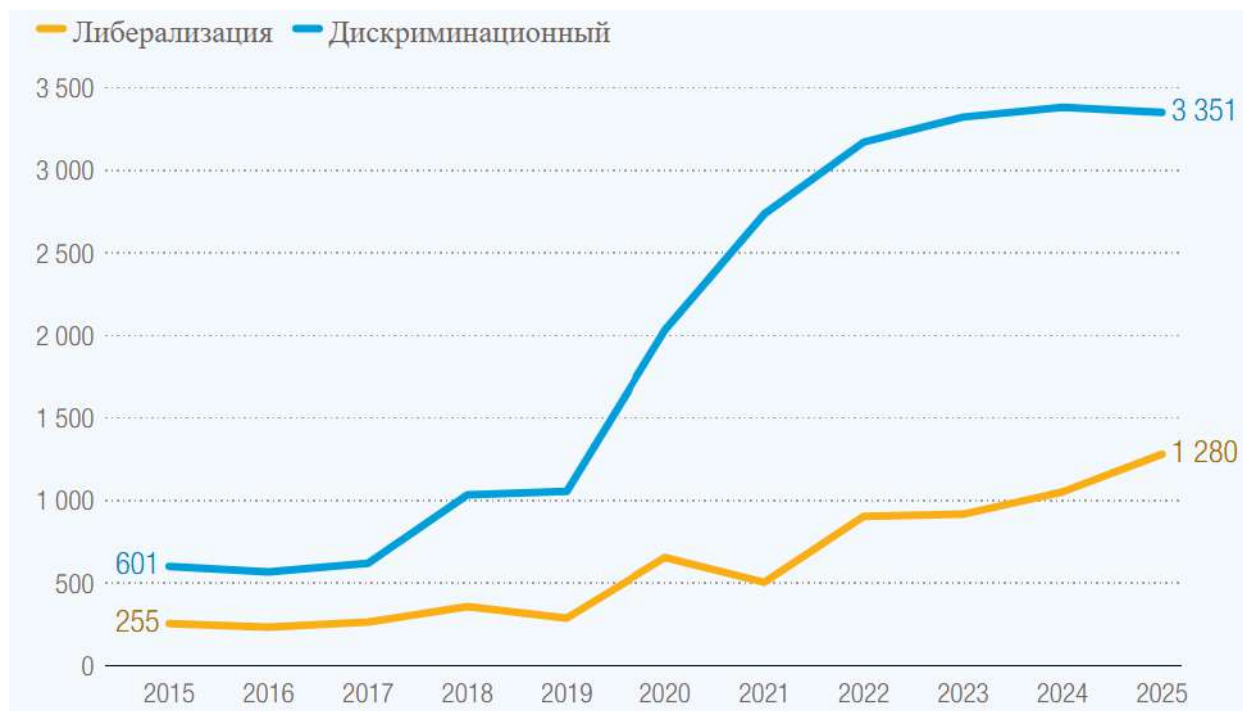


Рис. 2. Количество мер торговой политики, направленных на либерализацию и дискриминацию, 2015–2025 гг.

Источник: Global Trade Update.

Глобальное управление становится все менее эффективным, усиливаются односторонность, протекционизм и гегемонизм, а многочисленные риски, например, энергетические, продовольственные, финансовые, производственные и снабженческие, а также изменение климата, оказывают все более заметное воздействие на Азию (Смирнов, 2025; Дерюгина, 2020).

Все эти тенденции нарушают глобальные цепочки поставок и оказывают давление на азиатские экономики, ориентированные на экспорт, вынуждая страны искать скоординированные ответные меры. Например, введение администрацией Трампа высоких тарифов для стран АСЕАН снизило их конкурентоспособность по сравнению с другими экономиками, что негативно сказывается на привлечении инвестиций в Азию, перспективах азиатской торговли и в целом экономической динамике, и стимулирует активизировать внутрирегиональные процессы и отраслевую диверсификацию.

В этой связи ЮНКТАД отметила, что замедление темпов экономического роста еще более ограничит инвестиции в инфраструктуру и процесс индустриализации развивающихся стран, а укрепление региональной торговли и диверсификация станут ключом к повышению устойчивости (Global Trade Update). Другими словами, ЮНКТАД прогнозирует, и с этим можно согласиться, дальнейшее укрепление региональных процессов в сфере торговли, особенно — в группе развивающихся стран, или «глобального Юга» (рис. 3). Эти тенденции сохраняют высокую значимость для развивающихся стран Азии, так как на региональном уровне у них остаётся больше возможностей для более сбалансированного регулирования

торговли и обеспечения соблюдения правил торговли и взаимной выгоды, а также дальнейшего развития сетевой торговли, что соответствует мировым тенденциям. Сегодня около 60% мировой торговли составляют промежуточные продукты и услуги, что подчеркивает важность трансграничных цепочек поставок.

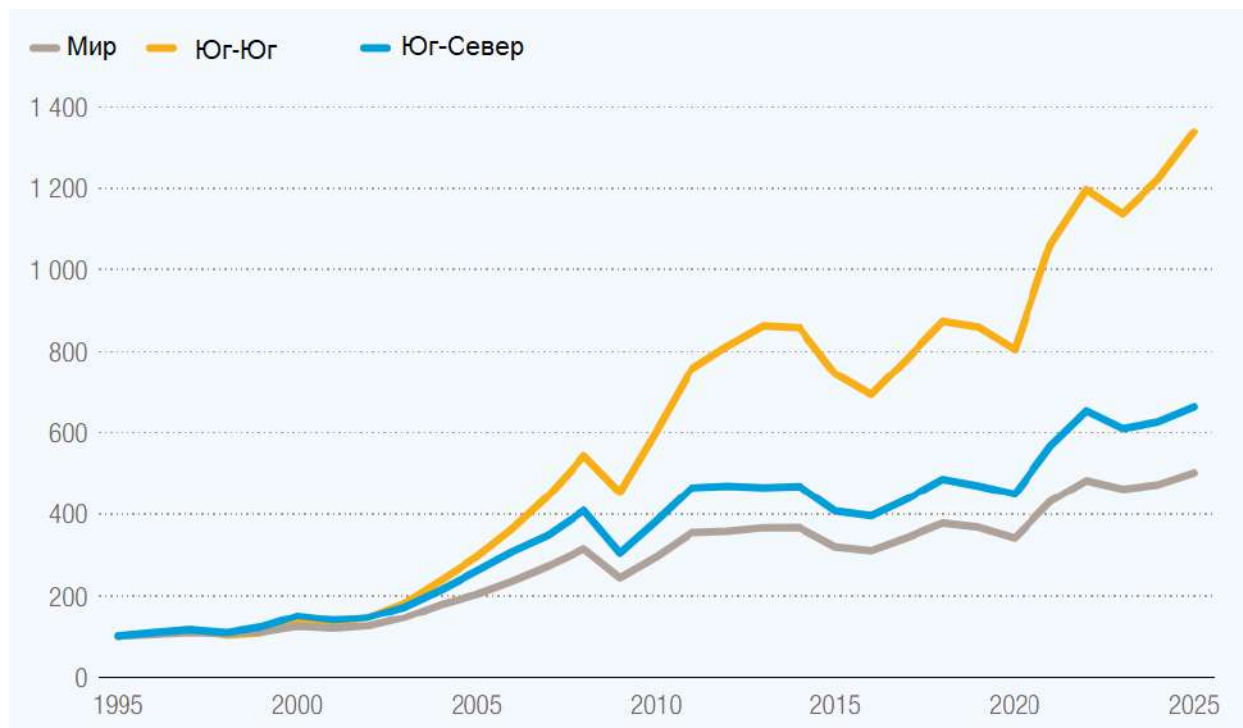


Рис. 3. Экспортные потоки отдельных товаров, индекс 1995 года =100, 1995–2025 гг. Источник: Global Trade Update.

Как видно из рис. 3, торговля сегмента «Юг–Юг» продолжает расширяться. Экспорт сырьевых товаров по линии «Юг–Юг» увеличился с примерно 00,5 трлн долларов в 1995 г. до 66,8 трлн долларов в 2025 г. В настоящее время 57% экспорта развивающихся стран приходится на другие экономики с развивающимися рынками, и азиатская региональная производственно-сбытовая цепочка играет в этом процессе ведущую роль (Global Trade Update).

По мере ослабления спроса в странах с развитой экономикой ожидается дальнейший рост важности торговли «Юг–Юг». Укрепление региональных и межрегиональных связей поможет повысить стабильность глобальных торговых сетей. Непрерывное расширение торговли «Юг–Юг», особенно в Азии, стало важным фактором мировой торговли — ввиду значимости этой части света в мироторговых процессах.

В этой связи мы рассматриваем экономическую интеграцию в Азии, прежде всего в рамках АСЕАН, а также другие форматы регионального взаимодействия, как системообразующий фактор усиления Азии в мировой экономике и торговле.

В то же время рост внутриазиатской торговли во многом базируется на «промежуточных продуктах», в высокой степени зависимых от торговли с Китаем в силу того, что производственные базы для конечных продуктов (например, электронных устройств) переместились из Китая в страны АСЕАН (зачастую для последующего экспорта готовой продукции в США), и была создана цепочка поставок промежуточных товаров, необходимых

для производства в АСЕАН, из Китая. Но США объявили о политике введения дополнительных тарифов в размере 40% на «экспорт в обход правил», направленных на то, чтобы «наказать» Китай. В результате экономика АСЕАН, особенно Вьетнама, сильно зависящая от китайского сырья и комплектующих в области электронного оборудования, может оказаться в затруднительной ситуации, так как влияние тарифов на полупроводники, вкупе с последствиями самих тарифов, может еще больше повредить экспорту стран АСЕАН.

Дефляционный экспорт Китая в страны АСЕАН за короткий период времени значительно увеличился. Если посмотреть на тенденции по странам, то Вьетнам, Таиланд и Малайзия, которые импортируют большое количество сырья и комплектующих для электронных изделий из Китая, продемонстрировали особенно заметный рост китайского экспорта. В Индонезии и на Филиппинах, которые больше зависят от внутреннего спроса, увеличился импорт из Китая, главным образом, готовой продукции. Например, в Индонезии быстро возрос приток дешевых электромобилей китайского производства, а доля Китая в импорте транспортных средств значительно увеличилась — с 2% 2023 г. до 7–9% за 4 первые месяца в 2025 г. Китай, где внутренний спрос невелик, вероятно, в будущем еще больше усилит экспортное наступление своих дешевых товаров на азиатские рынки. Если же импорт увеличится еще больше, существует риск того, что корпоративные прибыли в странах АСЕАН снизятся из-за ценовой конкуренции, а занятость и заработная плата сократятся (Asian development outlook).

### Заключение

Мы приходим к выводу о том, что Азия за исследуемый период заметно активизировала свое присутствие в мировой экономике и международной торговле, выступая важным фактором глобальной стабилизации и роста. Экономическая динамика в Азии в целом демонстрирует положительные тенденции, опирающиеся на структурные особенности стран, особенно по сравнению с общемировыми процессами. Растет внутриазиатская торговля на фоне замедления мироторговых процессов и снижения глобального спроса. Опережающий рост Азии — это результат не случайного стечения обстоятельств, а последовательной реализации модели, сочетающей экспортную ориентацию, активную промышленную политику, инвестиции в человеческий капитал и институциональное развитие.

Одной из основных тенденций развития Азии стал открытый регионализм, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству в различных сферах, содействие развитию. Процесс региональной интеграции придавал импульс экономическому росту. С подписанием Протокола о создании Зоны свободной торговли Китай–АСЕАН версии 3.0 сотрудничество между двумя сторонами в области цифровой экономики, «зеленого» развития и взаимосвязи цепочек поставок получило дальнейшее расширение. За первые 11 месяцев 2025 г. общий объем торговли между двумя сторонами увеличился на 8,5% в годовом исчислении, придав новый импульс углублению региональной координации и реагированию на внешнюю неопределенность.

Таким образом, доля развивающихся рынков Азии в мировой экономике и торговле постоянно растет, следовательно, происходит трансформация движущих сил роста мировой экономики и торговли. Со своей стороны, Азия в высокой степени зависит от мировых процессов, в том числе цифровых и технологических, в силу того что внутренний спрос в макрорегионе, несмотря на попытки отдельных стран, прежде всего Китая, стимулировать его,

в целом пока не дает уверенно устойчивых положительных результатов (хотя и есть исключения, например Индия).

Азия также сталкивается и с такими проблемами, как несбалансированное экономическое развитие и серьезные вызовы в области безопасности и глобального управления. Сохраняются и нетрадиционные угрозы безопасности, такие как терроризм и стихийные бедствия. В число рисков для перспектив региональных экономик входят возобновление торговой напряженности и волатильность финансовых рынков, а также геополитическое давление и более серьезное, чем ожидалось, ухудшение ситуации на рынке Китая.

В перспективе региональные экономики Азии, безусловно, будут играть все более важную роль в глобальной экономике, в международной торговле и глобальных цепочках поставок, во-первых, из-за обострения необходимости диверсификации цепочек поставок, а во-вторых, потому что внутренний спрос этих регионов как экспортных рынков постоянно растет, что углубляет их интеграцию в мировую торговлю. К тому же страны Азии в основном проводят взвешенную экономическую политику и делают усилия к ее координации, что усиливает и увеличивает их преимущества.

### Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф. (2023) 10-летие китайской стратегической инициативы «Один пояс — один путь»: риски, вызовы, проблемы // Вопросы новой экономики. № 3 (67). С. 4–9. [Avdokushin E. F. (2023) 10th anniversary of the Chinese strategic initiative «One Belt, One Road»: risks, challenges, problems // Issues of the New Economy. No. 3 (67). Pp. 4–9. (In Russian).]
2. Баба Ч., Гири Р., Шринивасан К. (2024) Страны Азии могут использовать сферу услуг для стимулирования роста экономики и производительности. [Baba Ch., Giri R., Srinivasan K. (2024) Asian countries can use the service sector to stimulate economic growth and productivity. (In Russian).] URL: <https://www.imf.org/ru/blogs/articles/2024/10/31/asias-economies-can-embrace-services-to-boost-growth-and-productivity>
3. Головин С. (2025) Экономика стран Юго-Восточной Азии в 2025 г.: как сохранить устойчивость в период неопределенности? [Golovin S. (2025) The economy of Southeast Asian countries in 2025: how to maintain stability in a period of uncertainty? (In Russian).] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomika-stran-yugo-vostochnoy-azii-v-2025-g-kak-sokhranit-ustoychivost-v-period-neopredelennosti/>
4. Дерюгина И. В. (2020) Неравномерность экономического роста в современных концепциях. Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития. Отв. ред. И.В. Дерюгина. Кн. 1. М. : ИВ РАН. С. 17–33. [Deryugina I. V. (2020) The unevenness of economic growth in modern concepts. Economic growth in the countries of the East: trends, unevenness, inequality of social development. Ed. by I. V. Deryugina. Book 1. Moscow : IV RAS. Pp. 17–33. (In Russian).]
5. Кандалинцев В. Г. (2013) Крупные экономики Азии в глобальных трендах развития // Восточная аналитика. № 4. С. 106–114. [Kandalintsev V. G. (2014) Major Asian economies in global development trends // Oriental Analytics. No. 4. Pp. 106–114. (In Russian).]
6. Кондратьев В. Б. (2020) Азия как новый центр экономической силы // Перспективы. Электронный журнал. № 1 (21). С. 113–32. [Kondratiev V. B. (2020) Asia as a new center of

economic power // The prospects. Electronic Journal. No. 1 (21). Pp. 113–32. (In Russian.) DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-113-132

7. Лаврикова Ю. Г., Андреева Е. Л., Тарасов А. Г., Ратнер А. В. (2019) Влияние глобальных экономических вызовов на развитие рынков будущего // Экономика и управление. № 9 (167). С. 34–42. [Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Tarasov A. G., Ratner A. V. (2019) The impact of global economic challenges on the development of future markets // Economics and management. No. 9 (167). Pp. 34–42. (In Russian.) DOI: 10.35854/1998-1627-2019-9-34-42

8. Меланьина М. В., Савинский А. В. (2017) Состояние, проблемы и перспективы региональной интеграции в АСЕАН в условиях глобализации: теоретические и практические аспекты // Экономика и предпринимательство. № 1 (78). С. 328–333. [Melanina M. V., Savinsky A. V. (2017) The state, problems and prospects of regional integration in ASEAN in the context of globalization: theoretical and practical aspects // Economics and entrepreneurship. No. 1 (78). Pp. 328–333. (In Russian.)]

9. Мельянцев В. А. (2025) Динамика и факторы экономического и социального прогресса развивающихся стран. Часть 1 // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. С. 128–141. [Melyantsev V. A. (2025) Dynamics and factors of economic and social progress in developing countries. Part 1 // Vostok (Orient). No. 2. Pp. 128–141. (In Russian.)] DOI: 10.31696/S086919080034006-3

10. Смирнов Е. Н., Леонова Т. Н. (2025) Траектории экономической политики в условиях новых глобальных вызовов развития мировой экономики // Вестник университета. № 7. С. 131–144. [Smirnov E. N., Leonova T. N. (2025) Trajectories of economic policy in the context of new global challenges to the development of the world economy // Bulletin of the University. No. 7. Pp. 131–144. (In Russian.)] DOI: 10.26425/1816-4277-2025-7-131-144

11. Смирнов Е. Н. (2025) Трансформация международных экономических отношений: риски и вызовы деглобализации // Международная экономика. Т. 22. № 6. С. 464–475. [Smirnov E. N. (2025) Transformation of international economic relations: risks and challenges of deglobalization // International Economics. Vol. 22. No. 6. Pp. 464–475. (In Russian.)] DOI: 10.33920/vne-04-2506-01

12. Соловьева Ю. В. (2019) Инновационные системы стран Персидского залива: формирование и перспективы развития // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 36–42. [Solovieva Yu. V. (2019) Innovative systems of the Persian Gulf countries: formation and development prospects // Asia and Africa today. No. 11. Pp. 36–42. (In Russian.)] DOI: 10.31857/S032150750007022-6

13. Соловьева Ю. В. (2020) Национальные системы трансфера технологий стран-лидеров технологического развития: региональные особенности стран Азии // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 44–51. [Solovieva Yu. V. (2020) National technology transfer systems of the leading countries of technological development: regional features of Asian countries // Asia and Africa Today. No. 8. pp. 44–51.] DOI: 10.31857/S032150750010450-7.

14. Страны Азии и Африки на пути к многополярному миру / Дерюгина И. В., Акимов А. В., Алексахина С. Н., Алексеева Н. Н., Аристова Л. Б., Бабенкова С. Ю., Баканова М. В., Банчева А. И., Белокреницкий В. Я., Бойцов В. В., Бони Л. Д., Васильева И. Н., Гукасян Г. Л., Замараева Н. А., Корнеева Н. Д., Кулик Л. В., Лопатников Д. Л., Максимова Е. И., Мельянцев В. А., Митрофаненкова О. Е. и др. Москва, 2024. 648 с. [Asian and African countries on the way to a multipolar world / Deryugina I. V., Akimov A. V., Aleksakhina S. N., Alekseeva N. N., Aristova L. B., Babenkova S. Yu., Bakanova M. V.,

Bancheva A. I., Belokrenitsky V. Ya., Boytsov V. V., Boni L. D., Vasilyeva I. N., Ghukasyan. G. L., Zamaraeva N. A., Korneeva N. D., Kulik L. V., Lopatnikov D. L., Maksimova E. I., Melyantsev V. A., Mitrofanenkova O. E., et al. Moscow, 2024. 648 p. (In Russian.)

15. Стратегические направления и приоритеты регионального развития в условиях глобальных вызовов / Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Глухих П. Л., Красных С. С., Мыслякова Ю. Г., Шамова Е. А., Тарасов А. Г., Воронкова О. Н., Масленников М. И., Ливенец М. И., Сапир Е. В., Карачев И. А., Фролова Е. Д., Вылегжанина А. М., Кривенцова Л. А., Попов Е. В., Семьячков К. А., Коровин Г. Б., Акбердина В. В., Романова О. А. и др. Екатеринбург, 2019. [Strategic directions and priorities of regional development in the context of global challenges / Andreeva E. L., Ratner A. V., Glukhykh P. L., Krasnykh S. S., Myslyakova Yu. G., Shamova E. A., Tarasov A. G., Voronkova O. N., Maslennikov M. I., Livenets M. I., Sapir E. V., Karachev I. V., Frolova E. D., Vylegzhana A. M., Kriventsova L. A., Popov E. V., Semyachkov K. A., Korovin G. B., Akberdina V. V., Romanova O. A., et al. Yekaterinburg, 2019. (In Russian).] DOI: 10.17059/1\_2019

16. Тураев К. З. (2017) Тенденции социально-экономического развития Азии: население и инновационное развитие // Проблемы рыночной экономики. № 4. С. 48–55. [Turaev K. Z. (2017) Trends in the socio-economic development of Asia: population and innovative development // Problems of market economy. No. 4. Pp. 48–55. (In Russian).]

17. Экономические системы западных стран / Алешин Д. А., Бирюков Е. С., Булатов А. С., Габарта А. А., Галищева Н. В., Дегтерев Д. А., Елагин Д. П., Захарова Л. В., Калашников Д. Б., Капица Л. М., Карлусов В. В., Кузнецов А. В., Островский А. В., Пак Е. В., Ребрей С. М., Сергеев Е. А., Сидоров А. А., Сидорова Е. А., Сумин А. В. Москва, 2025. 600 с. [Economic systems of Western countries / Alyoshin D. A., Biryukov E. S., Bulatov A. S., Gabarta A. A., Galishcheva N. V., Degterev D. A., Elagin D. P., Zakharova L. V., Kalashnikov D. B., Kapitsa L. M., Karlusov V. V., Kuznetsov A. V., Ostrovsky A. V., Pak E. V., Rebrey S. M., Sergeev E. A., Sidorov A. A., Sidorova E. A., Sumin A. V. Moscow, 2025. 600 p. (In Russian).]

18. Asian Development Outlook (ADO) December 2025: Growth Steadies but Uncertainty Lingers. URL: <https://www.adb.org/publications/asian-development-outlook-december-2025>

19. Global economic prospects (January 2026) / The World Bank group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content>

20. Global Trade Update (January 2026): Top trends redefining global trade in 2026. URL: <https://unctad.org/publication/global-trade-update-january-2026-top-trends-redefining-global-trade-2026>

21. IMF Annual Report 2025: Getting to Growth in an Age of Uncertainty September 24, 2025. URL: <https://www.imf.org/en/publications/areb>

22. Solovieva Yu. V. (2020) Asian technology transfer: in the context of global instability // Socio-economic problems of the regions in the context of global instability, 18–19 July 2020. P. 151–162.

23. The Asian century is set to begin // Financial Times. March 26. 2019.

24. WTO Annual Report 2025. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/booksp\\_e/anrep\\_e/ar25\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/ar25_e.pdf)

25. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal>; URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPComponent>; URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal>

## The Asian Shift: New contours of the modern global economy and global trade

*Lyudmila V. Shkvarya,*

*Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics,  
Moscow, Russia.*

*The global economy is undergoing a period of unprecedented transformation, both socio-economic and territorial-economic (economic and geographical shifts), which highlights the need to study and analyze these interrelated processes. The purpose of the study is to analyze the current position of Asia in the global economy and trade, as well as to determine the vector of Asia's development in the world, taking into account the main trends in the global economy and identifying its relevant features. Modern Asia is at the epicenter of major trade and economic changes and is facing new opportunities and challenges. By transforming itself, Asia is transforming the global economy and trade and creating new prerequisites for development, including global ones. At the same time, Asian countries and subregions remain highly differentiated and multilevel in various aspects of socio-economic and foreign trade development. In fact, Asia has been the most dynamic and potential region in the world since the beginning of the 21st century, and, in our opinion, it will continue to be a catalyst for global evolution and a factor of international sustainability, at least in the medium term, due to a number of characteristics and trends in its development. The author comes to the conclusion that Asia's outstripping growth is not the result of a random combination of circumstances, but of the consistent implementation of an economic model combining export orientation, active industrial policy, investment in human capital and institutional development. The analysis is based on a quantitative and qualitative comparison of statistical data from international and regional organizations and national statistical structures.*

**Keywords:** *world economy, world trade, Asia, development vectors, development factors, economic structure, transformation of the global economic system.*

**JEL codes:** *F01, F14, F62, F63.*

Статья поступила в редакцию 18.01.2026 г.

## Формирование основ финансового суверенитета в Азии: необходимость и возможность

*Тарасов Анатолий Григорьевич,<sup>1</sup>  
Карх Дмитрий Андреевич<sup>2</sup>*

*Азия усиливает не только производственные и торговые позиции, но и постепенно трансформирует мировую финансовую архитектуру, формируя контуры финансового суверенитета, что актуализирует необходимость изучения этого процесса. Цель статьи — выявить ключевые контуры азиатского сдвига в мировой финансовой системе и необходимость, возможность, особенности азиатского финансового суверенитета. В статье обоснована необходимость укрепления финансового суверенитета Азии (дедолларизация, создание альтернативных платежных систем, рост внутреннего инвестиционного потенциала) сейчас действительно меняет мировую архитектуру. Авторами исследуются возможности формирования финансового суверенитета, хотя они дифференцированы по странам Азии. В статье показано, что роль азиатских валют (юань, рупия) в международных расчетах растет, развиваются собственные банки развития (АБИИ, АБР), формируются альтернативные платежные системы. Эти процессы напрямую меняют «архитектуру глобальных финансов», делая ее, а также азиатскую составляющую, менее зависимой от доллара и западных институтов. Авторы приходят к выводу о том, что Азия, будучи фабрикой мира, накопила огромные ресурсы и возможности. Теперь она строит свою финансовую экосистему, чтобы эти ресурсы работали на нее, а не утекали на рынки США. Это фундаментальный сдвиг, который будет определять экономику следующих десятилетий.*

**Ключевые слова:** *Азия, международные валютно-финансовые отношения, мировая валютно-финансовая система, международное валютно-финансовое сотрудничество, платежные системы, финансовый суверенитет.*

**JEL коды:** *F33, F36, F51, O53.*

### Введение

В XXI в. мировая экономика и международные экономические отношения переживают достаточно болезненный процесс реформирования, в том числе и на географическом уровне. В последние 25 лет мир сталкивается с процессом постепенного становления Азии как центра деловой, в том числе финансовой, активности, базировавшегося в течение ряда

---

<sup>1</sup> *Тарасов Анатолий Григорьевич* — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник центра региональных компаративных исследований, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

<sup>2</sup> *Карх Дмитрий Андреевич* — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры логистики и коммерции, проректор, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

столетий в евроатлантическом регионе. Благодаря этой метаморфозе изменяется роль Азии в глобальной финансовой архитектуре, неуклонно укрепляясь. Дело в том, что в Азия сегодня размещается около 55% от общего количества публичных компаний мира и 27% глобальной рыночной капитализации, растут рынки корпоративного — до 13,9 трлн долларов (Asia Capital Markets Report 2025). Таким образом, финансовые структуры Азии превращаются в глобальных ключевых игроков. Лондон зачастую воспринимается уже как «финансовый парк Юрского периода», откуда компании перемещаются в Абу-Даби, Шанхай и Сингапур. Инвесторы ищут здесь не только и даже не столько доходность, но стабильность и предсказуемость, а также и защиту от геополитических рисков. Гонконг, например, парадоксальным образом выигрывает от обострения американско-китайских отношений, оставаясь главным окном Китая в мир (Азия как новый финансовый хаб, 2025). Цифровые финансовые инфраструктуры Азии (индийская *UPI*, китайская *CIPS*, сингапурские платежные системы) зачастую обгоняют западные аналоги по удобству и проникновению.

Поэтому, обладая по факту растущим финансовым весом, желанием применять этот вес во благо собственным социально-экономическим системам, страны Азии вынуждены подчиняться существующим глобальным правилам финансовой деятельности, подвергаясь возросшим рискам, и объективным, и целенаправленно формируемым западными странами, прежде всего США. Поэтому в Азии сегодня ищут возможности обеспечения финансового суверенитета для снижения издержек существующих вызовов. При этом тема финансового суверенитета отдельных стран и регионов настолько слабо проработана в научной литературе, что в настоящее время формируются лишь подходы к его определению, оценке, показателям, методам поддержания, что отмечают многие эксперты (Господарчук и др., 2024; Омелёхина, 2025). Например, методика расчета показателей состояния финансового суверенитета Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 марта 2026 г. № 434-р включает:

- показатели, отражающие уровень развития финансового рынка (доля активов финансовых и небанковских финансовых организаций относительно валового внутреннего продукта, объем капитализации фондового рынка, доля долгосрочных сбережений граждан в общем объеме их сбережений);

- показатель, отражающий устойчивость финансового рынка к внешнеэкономическим факторам (доля расчетов в рублях и национальных валютах дружественных стран при расчетах за товары по внешнеэкономической деятельности) (Распоряжение, 2026).

Таким образом, эта новая реальность — необходимость формирования контуров собственного финансового суверенитета для стран и регионов, в том числе Азии — представляет собой не абстрактную идею, а реальные задачи и даже процесс, который уже постепенно идет в каждом субрегионе со своей скоростью и на основе своих методов, что требует концептуального осмысления этого опыта, его систематизации и научной обработки.

### Результаты исследования

Мировая валютно-финансовая система сталкивается сегодня с целым рядом вызовов и угроз, связанных с нарушением возможности ее использования для социально-экономического прогресса. Она уже не обеспечивает условия такого прогресса для большинства стран мира и на этой основе системно трансформируется (Давтян, 2024; Тарасов, Ишуков, 2023), что представляет собой один из трендов современной (де)глобализации

(Новые тренды, 2023). Мировая научная мысль за последнюю четверть века представила множество исследований направлений, характеристик, результатов этой нестабильности, в том числе и в валютно-финансовой и инвестиционной сферах. Научным и эмпирическим путем доказано, что в последние четверть века мировая валютно-финансовая система и ее элементы зачастую (и все чаще и шире) используются как орудие давления со стороны США, ЕС и в целом стран ОЭСР на отдельные страны, их объединения и целые субрегионы, с целью принуждения тех или иных суверенных государств к проведению экономической политики, нарушающей интересы их народов. Также есть ряд научных работ, изучающих те или иные способы нивелирования валютно-финансовых угроз (Айдрус, 2014).

Например, отмечается, что «Беспрецедентные санкционные меры в отношении Российской Федерации ... уже в марте 2022 г. включали замораживание российских золотовалютных резервов, размещенных на счетах зарубежных банков, а также приостановку операций по счетам наших банков в иностранной валюте, отключение всех российских банков от системы международных расчетов и многие иные меры, предпринятые коллективным Западом, что доказывает особую значимость независимости любого государства в сфере финансов для достижения своего суверенитета в целом» (Грачева, 2023. С. 22). Действительно, мировая резервная валюта (доллар и евро) и глобальная финансовая инфраструктура (система *SWIFT*) сегодня стали финансовым оружием. В этой связи страны Азии (а также Африки и Латинской Америки), попавшие под санкции (например, Иран, Сирия, Ирак, Мьянма и др.), не имеющие финансового суверенитета, столкнулись со значительными рисками развития.

Политика США, направленная на эмиссию ничем не обеспеченных бумажных долларов (нынешней резервной валюты<sup>1</sup>) для покрытия своего быстрорастущего внешнего долга, приводит к обесценению национальных валют многих стран мира и провоцирует рост глобальной инфляции, подрывает устойчивость региональных валютно-финансовых рынков, а глобальный спекулятивный капитал нарушает воспроизводственные циклы. Национальные резервы стран мира, особенно развивающихся, постепенно обесцениваются, стимулируя правительства снизить риски «импортной инфляции» путем формирования контуров национального финансового суверенитета (Сапунцов, 2025).

Кроме того, современные общемировые технологические и цифровые процессы, также создают для многих стран дополнительные (кибер)угрозы и новые виды рисков и возможной зависимости в финансовой сфере от внешних сил. Эти цифровые угрозы также требуют от государств дополнительных мер в сфере финансовой стабилизации и финансового суверенитета как основы экономического роста и сокращения цифровых разрывов, что особенно важно для развивающихся стран. Поэтому теоретики и практики сегодня все активнее изучают возможности формирования финансового суверенитета отдельных стран и регионов.

Мы исходим из того, что финансовый суверенитет — это способность государства (или наднационального объединения, например группы стран АСЕАН) самостоятельно проводить финансовую политику, не будучи зависимым от внешних игроков или международных организаций, возможность контролировать национальную, денежную и инвестиционную ситуацию.

Элементы финансового суверенитета представлены нами в табл. 1.

---

<sup>1</sup> Известно, что еще Дж. М. Кейнс был противником использования национальной валюты в качестве мировой резервной.

Таблица 1.

## Элементы финансового суверенитета Азии

Элемент	Содержание
1. Монетарный суверенитет	Контроль над национальной валютой. Центральный банк может сам устанавливать ключевую ставку, управлять инфляцией и курсом валюты, не принимая во внимание решения и требования ФРС США или ЕЦБ.
2. Независимость от внешнего долга	Низкий уровень государственного долга перед иностранными кредиторами (МВФ, другими странами или частными зарубежным фондами). Чем меньше задолженность «внешнему миру», тем меньше риски внешнего валютно-финансового давления.
3. Контроль над потоками капитала	Возможность регулировать и контролировать на государственном уровне объемы и условия ввоза и вывоза иностранного и отечественного капитала в целях защиты национальной экономики и рынка от резких скачков или угрозы массового оттока капитала.
4. Развитая внутренняя финансовая система	Наличие развитого финансового рынка, национальных крупных банков, бирж и инвесторов, способных финансировать экономику без учета западных кредитных рейтингов или привлечения займов на невыгодных условиях и обеспечивать устойчивости национального финансового рынка.
5. Создание и развитие расчетной и платежной инфраструктуры	Например, развитие финансовой цифровой инфраструктуры и платформ, обеспечение равного доступа этой инфраструктуре.
6. Законодательное регулирование	Наличие национального законодательства, подзаконных актов и норм, регулирующих финансовые отношения для выработки единых правил формирования и использования финансовых ресурсов. Обеспечение благоприятных условий для успешного проведения национальной финансовой политики

Источник: разработано авторами.

В то же время речь не идет о резком и полном сокращении интегрированности той или иной страны в мировую валютно-финансовую систему и в целом в мирохозяйственные процессы, но лишь о возможности государства или группы стран в случае необходимости иметь возможность снизить возникающие риски и создание соответствующего инструментария и способов.

Для Азии формирование финансового суверенитета критически важно в настоящее время, и тому есть, как представляется, несколько причин и мотивов.

Во-первых, финансовый кризис 1997–1998 гг. очень заметно снизил потенциал роста в Азии, особенно в АСЕАН. В результате этого кризиса экономики не только Японии, «выросшей» к этому моменту в конкурента США, но и других стран Юго-Восточной Азии (Таиланда, Индонезии), а также Республики Корея, были очень серьезно ослаблены оттоком

капитала глобальных спекулянтов. МВФ кредитовал эти страны с унижительными и невыгодными для них условиями и требованиями открыть национальные рынки для западных компаний, т. е. прежде всего — для укрепления США. Этот кризис стал моментом истины: странам Азии стала очевидна необходимость дистанцироваться от угроз в будущем.

Во-вторых, очевиден солидный рост внутрирегиональной (внутриазиатской) торговли, проектного сотрудничества, гуманитарных и других направлений взаимодействия в Азии, а их хозяйственная динамика в целом устойчиво положительная. «Оперативный простор» для дальнейшего прогресса в этой сфере требует более стабильных, чем может обеспечить нынешняя мировая валютная система, финансовых возможностей и инструментов в сфере международных расчетов, инвестиций, резервов, финансовой ситуации в целом, которые бы обеспечивали региональные интересы.

В-третьих, финансовый суверенитет может обеспечить возможность одновременно экономического роста (возможность инвестировать в собственные проекты, исходя из национальных интересов, а не программ МВФ) и снизить давление со стороны США в торговых, инвестиционных и других решениях, принимаемых в Азии сегодня и в перспективе.

Можно выделить несколько ключевых направлений, по которым ведется деятельность, направленная на формирование финансового суверенитета в странах Азии — создание «подушек безопасности» на случай кризиса, отказ от доллара во взаимной торговле и строительство собственной финансовой инфраструктуры.

Дело в том, что главным уроком азиатского кризиса 1997–1998 гг. стала уязвимость стран Азии перед западными спекулятивными атаками и диктатом МВФ. Ответ в моменте был найден в форме создания коллективной системы взаимопомощи в рамках Чиангмайской инициативы (*Chiang Mai Initiative*). Эта инициатива, начало которой было положено в 2000 г. государствами АСЕАН+ (Китай, Япония, Южная Корея), представляет собой сеть двусторонних соглашений об обмене валюты (свопах) (Худякова и др., 2016). Изначально важной особенностью договоренности стала возможность стран-участниц оперативно обменивать свои национальные валюты на твердую валюту (доллары) для поддержки курса собственной валюты или преодоления кризиса ликвидности. Этот механизм постепенно укреплялся, и в 2010 г. инициатива была расширена, превратившись в многосторонний фонд валютных резервов объемом 240 млрд долларов (Ноздрев, 2025). Это, по сути, «внутриазиатский мини-МВФ», позволяющий региональным государствам получать экстренную финансовую помощь, не обращаясь к западным институтам. Система валютных свопов в Азии не теряет актуальности и в настоящее время. В этом процессе, особенно с 2018 г., ключевую роль играет Китай, заключивший со странами-партнерами 32 соглашения о валютных свопах на общую сумму 4,5 трлн юаней (Китай продвигает, 2025). Среди партнеров — Южная Корея (соглашение на 400 млрд юаней) и Япония (200 млрд юаней). Это позволяет компаниям соответствующих стран вести взаимную торговлю в юанях и вонах или иенах, минуя доллар.

Самый заметный тренд последних лет — активизация перехода стран Азии на использование во взаимной торговле национальных валют для сокращения их зависимости от курса доллара и политики ФРС США, а также «вторичных» санкций. Например, КНР и Иран все шире применяют эту практику, политика Индии зачастую предполагает вне-долларовые расчеты, Россия и Вьетнам все чаще применяют расчеты в национальных валютах. Эксперты подчеркивают, что «Если рассматривать Азию в целом, то недолларовые расчеты в национальных валютах (индийских рупиях или китайских юанях) обсуждаются с

контрагентами или уже применяются Индонезией, Малайзией, ОАЭ, КСА, Пакистаном, Мьянмой, Бангладеш, Шри-Ланкой, Оманом и другими странами. КНДР уже довольно давно активно использует юань» (Muratshina, 2024).

В рамках попыток стран Азии снизить свою торговую и инвестиционную «долларовую зависимость» и максимально возможно отказаться от долларовых расчетов эволюционируют региональные механизмы движения к более активному использованию национальных валют. Так, страны АСЕАН в своем стратегическом плане на 2026–2030 гг. сделали увеличение использования местных валют в торговле и инвестициях одним из ключевых приоритетов (Еще несколько стран, 2025). В интеграционном объединении уже действуют механизмы расчетов в местных валютах (*Local Currency Settlement Framework*), упрощающие трансграничные платежи (В банке ВТБ, 2025). Как отмечают эксперты, в Азии уже успешно работают механизмы расчетов в национальных валютах целого ряда стран с Индией, Китаем и Вьетнамом.

Помимо формирования «азиатской полушки безопасности» и постепенного отказа от доллара во взаимных расчетах, страны Азии идут по пути создания собственной инфраструктуры. Чтобы расчеты в нацвалютах были технически возможны и безопасны, нужна своя финансовая инфраструктура, независимая от западных систем.

Так, Китай в 2015 г. создал собственную Систему трансграничных межбанковских платежей (*CIPS*). Она позволяет банкам по всему миру проводить расчеты в юанях напрямую, в обход контролируемой Западом системы *SWIFT* (Nikolayevskiy, Gorbacheva, 2025), что обеспечило заметный рост объемов платежей в юанях в мире, в том числе и через *SWIFT* (рис. 1). Это говорит о постепенном укреплении юаня в мировой валютной системе, хотя и более медленном, чем, возможно, хотелось бы Китаю.

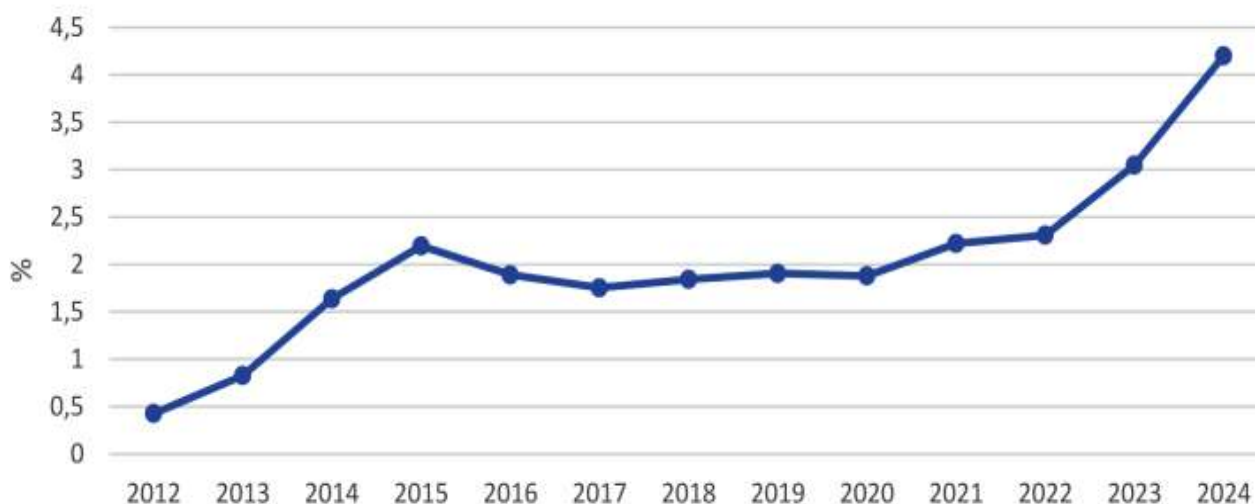


Рис. 1. Доля платежей в юанях через *SWIFT* в 2012–2024 гг., %.

Источник: RMB Tracker document centre (2025).

Особое значение в активизации процесса дедолларизации в Азии имеют цифровые технологии, создающие новые возможности и «цифровые валюты», и в процессе тестирования цифровых валют страны Азии лидируют в мире. Так, Китай активно развивает цифровой юань. Гонконг, Таиланд, Китай и ОАЭ создали платформу для трансграничных расчетов с

использованием цифровых валют центробанков соответствующих стран *mBridge*, которая позволяет осуществлять очень быстрые и дешевые транзакции между компаниями разных стран напрямую, без доллара и без длинных цепочек банков–корреспондентов (Средний коридор, 2025).

Однако создание общей инфраструктуры и механизмов дедолларизации — лишь одна сторона медали. Не менее важно понимать, как эти процессы преломляются в разных частях континента.

Так, Восточная Азия строит суверенитет через создание альтернативных платежных систем (*CIPS*, зеленные облигации) и гигантских внутренних инвесторов (пенсионные фонды Японии и Кореи), которые могут выкупать госдолг и стабилизировать рынки (Solovieva, He, 2024). Стоит отметить, что, более 90% госдолга Японии принадлежит внутренним инвесторам (Банк Японии, пенсионные фонды, страховые компании), но львиная доля этого долга находится на балансе Банка Японии, который является частью государства. То есть это фактически долг государства самому себе. Это делает страну практически неуязвимой для внешнего давления. В восточноазиатском субрегионе самые зрелые рынки, передовые технологии и мощнейшие инвестиционные ресурсы.

Сингапур строит суверенитет иначе — через безупречную нейтральность и институты, которые привлекают капитал со всего мира, становясь незаменимым хабом и «калиткой входа» иностранных инвестиций для стран АСЕАН (Шкваря и др., 2014). Вьетнам, Индонезия, Таиланд — бенефициары переноса производств, преимущественно из Китая. Здесь же бурно развиваются стейблкоины и цифровые финансы.

Индия формирует собственный контур через цифровую инфраструктуру, которая делает экономику менее зависимой от наличных и глобальных платежных систем. Другие страны (Бангладеш, Шри-Ланка) пытаются догонять, но часто упираются в малый рынок и слабые институты.

Страны Центральной Азии только начинают выстраивать свои контуры, используя статус моста и адаптируя международное право (как в МФЦА) под свои нужды. Например, Казахстан (МФЦА в Астане) предлагает понятную юрисдикцию для международных инвесторов.

Западная Азия представляет собой не только «нефтяной хаб», но и глобальный перевалочный пункт для капитала и место размещения крупнейших суверенных фондов мира. Основные игроки имеют собственные особенности.

1. Страны Персидского залива (ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар). Это финансовые тяжеловесы, которые сейчас переживают тектоническую трансформацию. Они активно создают собственные контуры финансового суверенитета, но делают это не через противостояние доллару (как Китай с *CIPS*), а через строительство альтернативных финансовых хабов в собственном субрегионе.

- Дубай (*Dubai International Financial Centre*) и Абу-Даби (*Abu Dhabi Global Market*) превратились в магниты для капитала, бегущего из нестабильных регионов. Сюда переезжают хедж-фонды, семейные офисы и состоятельные люди со всего мира.

- ОАЭ поставили амбициозную цель: удвоить накопленный объем прямых иностранных инвестиций до 354 млрд долларов к 2031 г. и довести общий баланс ПИИ до 600 млрд долларов. Они хотят стать не просто нефтяным хабом, а глобальным финансовым центром.

○ Это регион, который балансирует: сохраняет военные и политические связи с США, но при этом углубляет торговые и финансовые отношения с Китаем и другими азиатскими гигантами.

2. Суверенные фонды благосостояния. Это главное «оружие» «аравийских монархий». Здесь сосредоточены триллионы долларов, и эти финансовые ресурсы очень скоро меняют стратегию, особенно после нападения США и Израиля на Иран.

○ Раньше они вкладывались в западные активы (недвижимость в Лондоне, акции *Apple*). Сейчас тренд — репатриация капитала.

○ Они инвестируют внутрь своих экономик, чтобы создать новые отрасли (технологии, туризм, логистику) и снизить зависимость от нефти. Это создает мультипликативный эффект: внутренние инвестиции привлекают иностранных партнеров.

3. Иран и страны Леванта. В отличие от богатых монархий Залива, здесь ситуация сложнее. Из-за санкций и нестабильности их финансовые системы живут в своей парадоксальной реальности. Иран, например, десятилетиями выживает в условиях отсечения от *SWIFT* и доллара, поэтому у него выстроены уникальные механизмы теневой торговли и расчетов (через третьи страны, криптовалюты, бартер). Это тоже форма финансового суверенитета, но вынужденная и очень специфическая.

Таким образом, «формирование собственных контуров финансового суверенитета» — это не абстрактная идея, а описание реального процесса, который идет в каждом субрегионе своей скоростью и своими методами.

### Заключение

Проведенный нами анализ дает возможность с уверенностью утверждать, что алгоритм формирования финансового суверенитета в Азии уже вышел за пределы лишь абстрактных идей. Он реально перешел в фазу активного и многоуровневого строительства основ и контуров, механизмов и инструментов, и даже институтов и платформ. Будучи жизненно важным и необходимым для стран Азии для обретения регионом финансовой самостоятельности, он подкрепляется экономическим, демографическим, технологическим и финансовым ростом государств этой части света, а также наращиванием их консолидации и решимостью сократить «долларовую» зависимость. Однако главными драйверами этого процесса стали не столько количественные показатели азиатского роста, сколько качественные вызовы современности: превращение доллара и глобальной финансовой инфраструктуры (как МВФ, так и *SWIFT*) в геополитическое оружие ФРС США, «импортная инфляция», санкционные риски, торговые войны, с которыми уже столкнулись Иран, Сирия, Мьянма и другие страны Азии, и необходимость устойчивой и надежной защиты от этих угроз.

При этом авторы обосновывают точку зрения, что финансовый суверенитет Азии не предполагает ни необходимость, ни возможность автаркии. Он представляет собой многокомпонентную стратегию, включающую монетарную независимость, контроль над потоками капитала, развитие и стабилизацию внутренних финансовых рынков и, что особенно важно, создание собственной расчетно-платежной инфраструктуры, подконтрольной исключительно национальным правительствам. Практическая реализация этой стратегии идет по трем ключевым направлениям: институционализация коллективной безопасности через механизмы Чиангмайской инициативы; последовательная, хоть и разнотемповая, дедолларизация взаимной торговли через сеть валютных свопов (прежде всего с участием

Китая) и внедрение механизмов расчетов в национальных валютах (*Local Currency Settlement Framework*); запуск альтернативных *SWIFT* систем (*CIPS*), пионерское развитие цифровых валют центробанков и трансграничных платформ нового поколения (*mBridge*), которые уже сегодня обгоняют западные аналоги по удобству и проникновению.

Принципиально важным выводом работы стало выявление выраженной субрегиональной специфики. Финансовый суверенитет в Азии обретает разные формы: от опоры на гигантские внутренние накопления и зрелые рынки в Восточной Азии (Япония, Корея) через создание финансовых хабов-«калиток» в лице Сингапура до вынужденной адаптации к санкционным реалиям в Западной Азии и активного цифрового строительства в Индии. Страны Персидского залива, аккумулирующие триллионы долларов в суверенных фондах, демонстрируют иной путь: они не противостоят доллару напрямую, а создают альтернативные точки притяжения капитала внутри своего субрегиона, репатрируя инвестиции и диверсифицируя собственные экономики.

Таким образом, в Азии уже идет работа над формированием контуров собственного финансового суверенитета», это новая реальность, предполагающая создание надежных механизмов защиты от глобальных вызовов и возможность проводить независимую политику в интересах собственного устойчивого развития. Опыт стран Азии в этом направлении заслуживает внимания и может быть полезен другим регионам мира.

### Список литературы

1. Азия как новый финансовый хаб: почему «Фридом Финанс» делает ставку на доверие (2025) [Asia as a New Financial Hub: Why Freedom Finance is Betting on Trust (2025). (In Russian).] URL: <https://newizv.ru/news/2025-05-30/aziya-kak-novyuy-finansovyy-hab-pochemu-fridom-finans-delaet-stavku-na-doverie-437023>
2. Айдрус И. А. З. Развитие исламских финансов: роль Королевства Бахрейн // Финансы и кредит. № 47 (623). С. 39–47. [Aidrous I. A. Z. The development of Islamic finance: the role of the Kingdom of Bahrain // Finance and Credit. No. 47 (623). Pp. 39–47. (In Russian).]
3. В банке ВТБ сравнили новую международную финансовую архитектуру с морским портом-хабом (2025) [VTB Bank compared the new international financial architecture with the hub seaport (2025) (In Russian).] URL: <https://portnews.ru/news/print/381381/>
4. Господарчук Г. Г., Зеленева Е. С., Колесников Д. С. (2024) Идентификация финансового суверенитета стран // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. Т. 17. № 3. С. 592–606. [Gospodarchuk G. G., Zeleneva E. S., Kolesnikov D. S. (2024) Identification of financial sovereignty of countries // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. Vol. 17. No. 3. Pp. 592–606. (In Russian).]
5. Грачева Е. Ю. (2023) Финансовый суверенитет — миф или реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. № 7. С. 19–26. [Gracheva E. Yu. (2023) Financial sovereignty — myth or reality? // Bulletin of the O. E. Kutafin University. No. 7. Pp. 19–26. (In Russian).] DOI: 10.17803/2311-5998.2023.107.7.019-026
6. Давтян М. А. (2024) Трансформация инвестиционной политики государства в современных условиях // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. Т. 20. № 2 (77). С. 20–23. [Davtyan M. A. (2024) Transformation of the state's investment policy in modern conditions // Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics. Vol. 20. No. 2 (77). Pp. 20–23. (In Russian).]

7. Еще несколько стран ускорили темпы дедолларизации (2025). [Several more countries have accelerated the pace of de-dollarization (2025). (In Russian).] URL: <https://lenta.ru/news/2025/06/11/esche-neskolko-stran-uskorili-tempy-dedollarizatsii/amp/>
8. Китай продвигает валютные свопы с Японией и Южной Кореей (2025). [China promotes currency swaps with Japan and South Korea (2025). (In Russian).] URL: <https://www.vietnam.vn/ru/trung-quoc-thuc-day-hoan-doi-tien-te-voi-nhat-ban-han-quoc>
9. Новые тренды экономической глобализации / Алешин Д. А., Антюхова Е. А., Булатов А. С., Варнаровский В. Г., Габарта А. А., Галищева Н. В., Грязнова В. А., Гулиев И. А., Дрыночкин А. В., Ёрмирзоев М. М., Иванова Н. А., Калашников Д. Б., Карлусов В. В., Касаткин П. И., Кони́на Н. Ю., Костюнина Г. М., Кузнецов А. В., Крылов А. В., Максакова М. А., Мамедова Н. М. и др. Москва, 2023. [New trends in economic globalization / Alyoshin D. A., Antyukhova E. A., Bulatov A. S., Varnavsky V. G., Gabarta A. A., Galishcheva N. V., Gryaznova V. A., Guliev I. A., Drynochkin A. V., Yormirzoev M. M., Ivanova N. A., Kalashnikov D. B., Karlusov V. V., Kasatkin P. I., Konina N. Yu., Kostyanina G. M., Kuznetsov A. V., Krylov A. V., Maksakova M. A., Mamedova N. M. et al. Moscow, 2023. (In Russian).]
10. Ноздрев С. (2025) Азиатско-Тихоокеанский регион: на пути к диверсификации валют // Мировая экономика и международные отношения. Т. 69. № 5. С. 98–108. [Nozdreva S. (2025) The Asia-Pacific region: towards Currency Diversification // World Economy and International Relations, Vol. 69. Is. 5. Pp. 98–108. (In Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-5-98-108
11. Омелёхина Н. В. (2025) Финансовый суверенитет государства: проблемы актуального правового контента // Актуальные проблемы российского права. Т. 20. № 8. С. 19–32. [Omelekhina N. V. (2025) Financial sovereignty of the state: problems of current legal content // Actual problems of Russian law. T. 20. No. 8. Pp. 19–32. (In Russian).] DOI: 10.17803/1994-1471.2025.177.8.019-032.
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 марта 2026 г. № 434-р Об утверждении Методики расчета показателей состояния финансового суверенитета Российской Федерации [Decree of the Government of the Russian Federation dated March 6, 2026 No. 434-r On Approval of the Methodology for Calculating Indicators of the State of Financial Sovereignty of the Russian Federation (In Russian).] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413720924/>
13. Сапунцов А. Л. (2025) Цифровизация в обществе и экономике стран Африки как фактор привлечения прямых иностранных инвестиций // Экономические отношения. Т. 15. № 4. С. 1229–1248. [Sapuntsov A. L. (2025) Digitalization in the society and economy of African countries as a factor in attracting foreign direct investment // Economic relations. Vol. 15. No. 4. Pp. 1229–1248. (In Russian).] DOI: 10.18334/eo.15.4.124322
14. Средний коридор может дать импульс трансграничному развитию финтех — АБР (2025). [The Middle corridor can give an impetus to the cross-border development of fintech — ADB (2025). (In Russian).] URL: <https://ru.trend.az/business/transport/4136618.html>
15. Тарасов А. Г., Ишуков А. А. (2023) Многополярность как основная характеристика постглобального мира: поиск экономических ориентиров новой модели // Международная торговля и торговая политика. Т. 9. № 1 (33). С. 74–89. [Tarasov A. G., Ishukov A. A. (2023) Multipolarity as the main characteristic of the post-global world: the search for economic guidelines for a new model // International Trade and Trade Policy. Vol. 9. No. 1 (33). Pp. 74–89. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-1-74-89

16. Худякова Л. С., Кулакова В. К., Сидорова Е. А., Ноздрев С. В. (2016) Глобальная реформа регулирования финансового сектора: первые итоги и новые вызовы // Деньги и кредит. № 5. С. 28–38. [Khudyakova L. S., Kulakova V. K., Sidorova E. A., Nozdrev S. V. (2016) Global financial sector regulatory reform: first results and new challenges // Money and credit. No. 5. Pp. 28–38. (In Russian).]
17. Шкваря Л. В., Русакович В. И., Лебедева Д. В. (2014) Ключевые направления торгово-экономического и финансового взаимодействия Российской Федерации со странами АСЕАН // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 12 (72). С. 84. [Shkvarya L. V., Rusakovich V. I., Lebedeva D. V. (2014) Key areas of trade, economic and financial cooperation between the Russian Federation and the ASEAN countries // Management of economic Systems: electronic scientific journal. No. 12 (72). Pp. 84. (In Russian).]
18. Asia Capital Markets Report, 2025. URL: [https://www.oecd.org/en/publications/asia-capital-markets-report-2025\\_02172cdc-en/full-report/executive-summary\\_0ef365cd.html?wcmode=disabled%27%22#execsumm-d1e1776-30276e52bc](https://www.oecd.org/en/publications/asia-capital-markets-report-2025_02172cdc-en/full-report/executive-summary_0ef365cd.html?wcmode=disabled%27%22#execsumm-d1e1776-30276e52bc)
19. Muratshina K. (2024) De-dollarisation in Asia: towards a healthier economic environment and trade exchanges. URL: <https://journal-neo.su/2024/07/25/de-dollarisation-in-asia-towards-a-healthier-economic-environment-and-trade-exchanges/>
20. Nikolayevskiy D. D, Gorbacheva T. A. (2025) China's CIPS in the global payment landscape as a strategic alternative to SWIFT // Bulletin of the S.Y. Witte Moscow University. Series 1. Economics and management. № 2 (53). DOI: 10.21777/2587-554X-2025-2-67-74
21. RMB Tracker document centre (2025). URL: <https://www.swift.com/products/renminbi-tracker/document-centre>
22. Solovieva Yu., He M. Impact of “Green” Financial Innovations on the Development of the Chinese Economy // Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istorii i Sovremennost. 2024. No. 6. Pp. 99-106. DOI: 10.31696/S086919080030478-2.

## **Shaping the Foundations of Asia's Financial Sovereignty: Necessity and Opportunity**

*Anatoly G. Tarasov,*

*Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher at the Center for Regional Comparative Studies, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.*

*Dmitry A. Karkh,*

*Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Logistics and Commerce, Vice-Rector, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.*

*Asia is not only strengthening its production and trading positions, but is also gradually transforming the global financial architecture, shaping the contours of financial sovereignty, which highlights the need to study this process. The purpose of the article is to identify the key contours of the Asian shift in the global financial system and the need, opportunity, and features of Asian financial sovereignty. The article substantiates the need to strengthen the financial sovereignty of Asia (de-*

---

*dollarization, creation of alternative payment systems, growth of domestic investment potential) is now actually changing the global architecture. The authors explore the possibilities of financial sovereignty formation, although they are differentiated by Asian countries. The article shows that the role of Asian currencies (yuan, rupee) in international settlements is growing, its own development banks (AIIB, ADB) are developing, and alternative payment systems are being formed. These processes are directly changing the «architecture of global finance», making it, as well as the Asian component, less dependent on the dollar and Western institutions. The authors conclude that Asia, being the factory of the world, has accumulated huge resources. Now it is building its financial ecosystem so that these resources work for it, rather than flowing into the US markets. This is a fundamental shift that will define the economy of the next decades.*

**Keywords:** *Asia, international monetary and financial relations, world monetary and financial system, international monetary and financial cooperation, payment systems, financial sovereignty.*

**JEL codes:** *F33, F36, F51, O53.*

Статья поступила в редакцию 12.02.2026 г.

## Цифровой ландшафт Азии: стратегии технологического рывка и роль трансфера технологий

Соловьёва Юлиана Владимировна<sup>1</sup>

*Цифровизация в мире становится все более распространенным и эффективным трендом социально-экономического развития, актуализируясь для стран Азии на протяжении длительного периода. Цель статьи — анализ специфики цифровизации в Азии и роль в этом процессе трансфера иностранных технологий. Исследование выявило, что цифровизация в Азии развивается неравномерно, каждый субрегион имеет свою специфику, собственные драйверы и стратегии в зависимости от наличия финансовых, технологических, кадровых институциональных и иных возможностей. Автор выделяет в Азии 5 различных стратегий цифровизации. Общим знаменателем в этом процессе остается высокая зависимость стран Азии от трансфера иностранных технологий, даже при наличии, как в Восточной Азии, собственной базы НИОКР. Трансфер технологий характеризуется автором как «кровоток», который питает цифровизацию, и в разных частях Азии он устроен принципиально по-разному. Ключевое различие заключается в роли соответствующих стран и субрегионов Азии в международном разделении труда. Стратегии цифровизации в Азии также объединяет роль правительства, зачастую основополагающая, вследствие недостаточно высокой активности и финансовых и технологических возможностей частного бизнеса. Информационной базой исследования послужили статистические и аналитические данные международных организаций, период исследования — 2009–2024 гг.*

**Ключевые слова:** Азия, цифровизация, трансфер технологий, цифровое правительство, цифровое неравенство, международное сотрудничество, цифровая инфраструктура.

**JEL коды:** F2, F59, O32, O33, O53.

### Введение

Цифровизация как объект исследования привлекает внимание экспертов на протяжении ряда лет, все больше затрагивая и азиатские страны (Шкваря, 2020; Барини, 2025; Verenikina, et al., 2024).

В Азии цифровизация рассматривается в качестве основного направления развития, что подтверждают как эксперты (Shkvara, Nailing, 2021; Титов и др., 2024), так и стратегии развития большинства стран в различных азиатских субрегионах. У них есть для этого собственные предпосылки, а также возможности, связанные с внешними факторами (ПИИ, глобальный НТП и трансфер технологий и др.). Большое внимание цифровизации уделяется правительствами, разрабатывающими и последовательно внедряющими стратегии цифрового развития (см., например: Государственная программа «Цифровой Казахстан», 2017).

---

<sup>1</sup> Соловьёва Юлиана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры национальной экономики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

Однако, будучи дифференцированы по уровню социально-экономического и технологического развития, а также в финансовых, кадровых и образовательных областях, страны Азии различаются и в выборе направлений цифровизации, включая отраслевой аспект (Костюкова, 2020), в их глубине, в инструментах этого процесса (Меланьина, Пономарева, 2021) и, соответственно, в результатах (Жумашева, Дуламбаева, 2021) с учетом вызовов и угроз, а также глобальной нестабильности (Solovieva, 2020).

Во всех этих аспектах цифровизации страны Азии уже наработали и продолжают формировать практический опыт, требующий научного анализа для дальнейшего развития теории и возможностей ее применения.

Цель статьи — анализ специфики цифровизации в Азии и роль в этом процессе трансфера иностранных технологий.

### Результаты исследования

Одним из направлений развития Азии остается экономическая цифровизация и возможности ее эффективного использования для достижения значимой, измеримой и устойчивой ценности. Этот тренд необходим для укрепления позиций Азии в мировой экономике и торговле, в обеспечении суверенитета и социальной стабильности. В силу высокой значимости цифровизации для стран Азии, эта повестка поддерживается как на страновом уровне, так и международными организациями Азии, такими как Азиатский банк развития (см. Digital Technology). Предпосылками и одновременно факторами роста цифровой экономики в Азии выступает высокая степень доступа к мобильным телефонам и интернету (рис. 1 А) и общее распространения смартфонов в различных регионах Азии (рис. 1 В), молодое «цифровое» население, готовое к цифровым изменениям, и общемировые тренды.

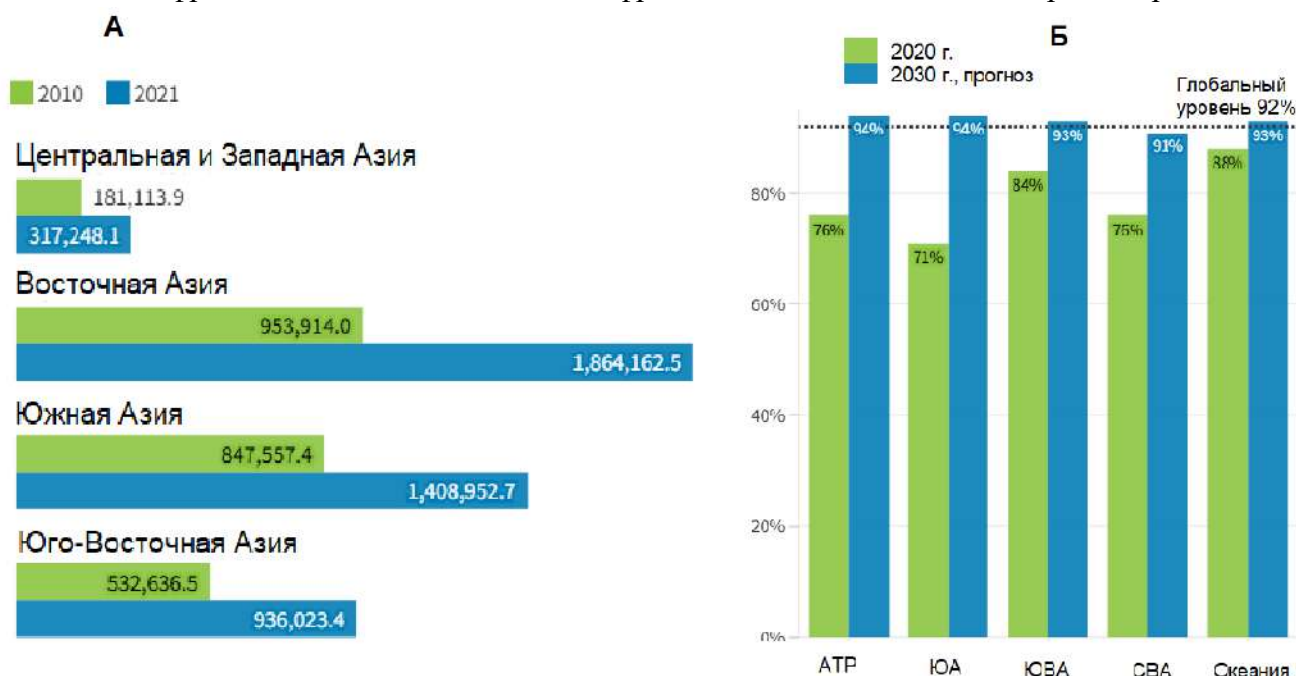


Рис. 1. Общее количество абонентов (2000-е гг.), чел. (А) и распространение смартфонов в различных регионах Азии в 2022 и 2030 гг., % населения (Б).

Источник: Digital Technology.

Растет количество интернет-пользователей в мире и в Азии, особенно в Китае и в Индии (рис. 2). Это связано преимущественно с наличием на территории этого субрегиона молодого и открытого цифровизации, а также быстрорастущего, населения.

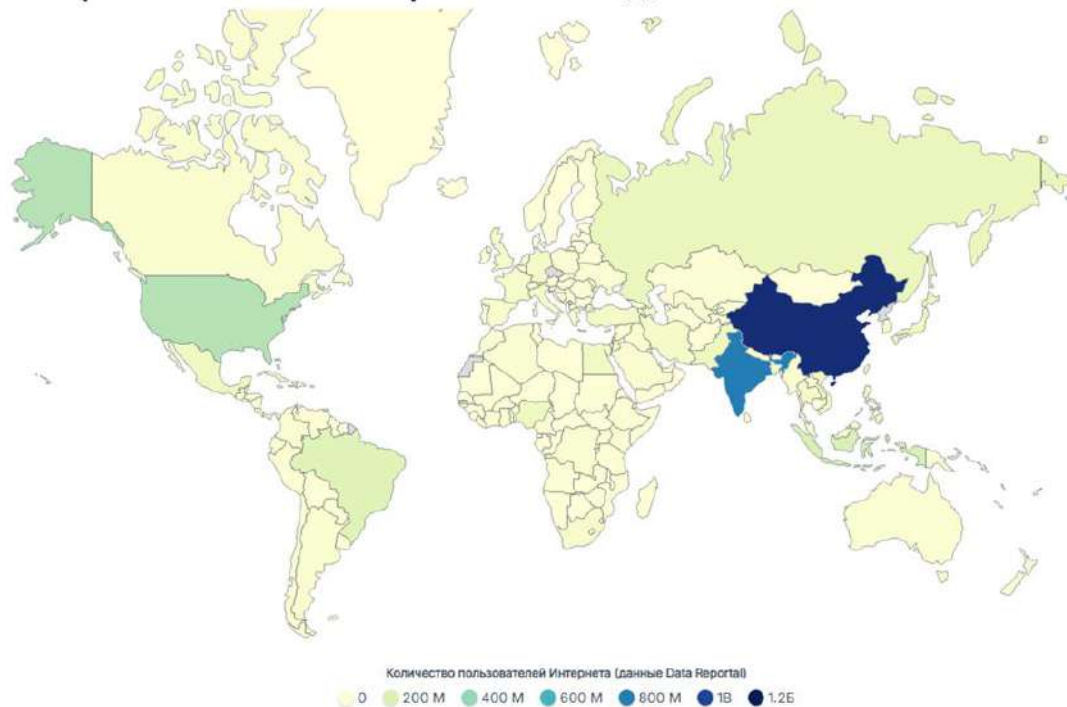


Рис. 2. Количество интернет-пользователей по странам в 2026 г.  
 Источник: Internet Users by Country, 2026.

Обращает на себя внимание характерная для Азии тенденция к продвижению ряда стран на лидирующие позиции в Глобальном инновационном индексе (рис. 3).

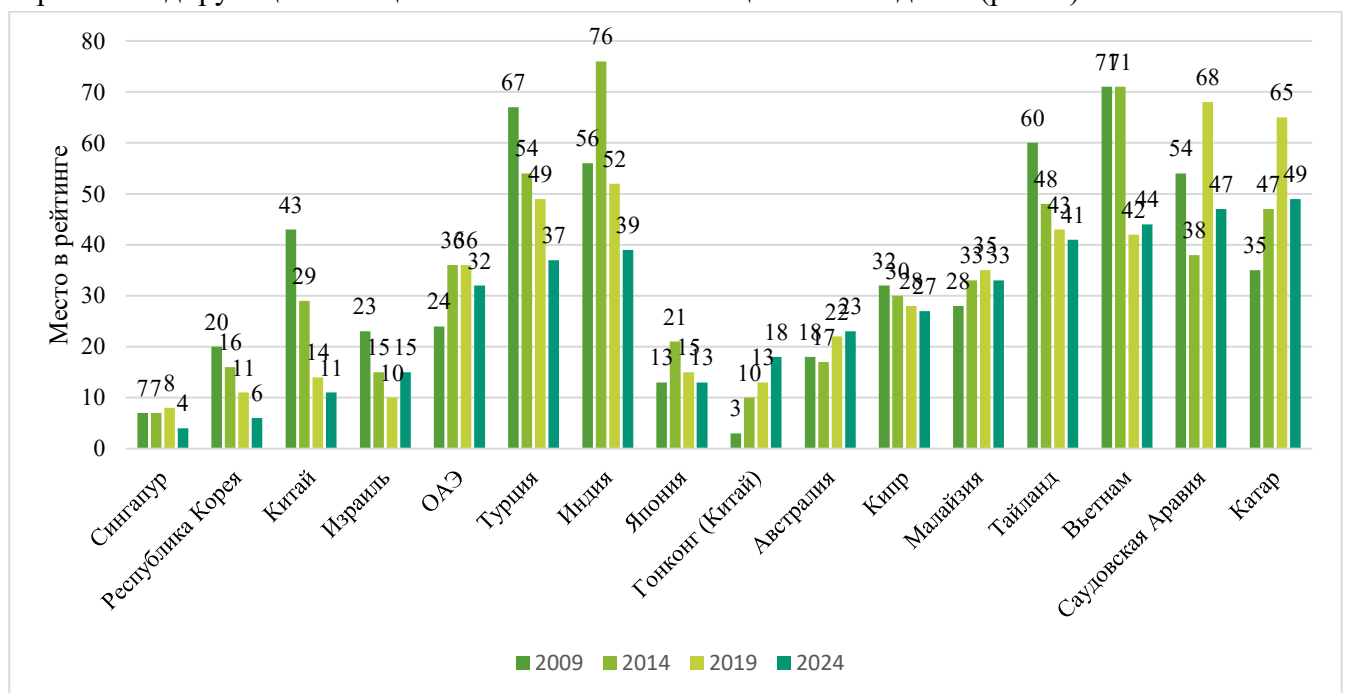


Рис. 3. Динамика стран Азии в Глобальном инновационном индексе, 2009–2024 гг.  
 Источник: составлено автором на основе данных The Global Innovation Index, 2025.

Причем передовые позиции все более характерны не только для стран, ранее уже входивших в ТОП–10 и признанных инновационных экономик, но и для многих других.

Как видно из приведенных данных, наиболее впечатляющие результаты по показателям инновационного индекса демонстрируют Республика Корея, Китай, Турция и Индия (табл. 1). Лидерами в Азии по развитию цифровой экономики остаются Южная Корея, Китай, Турция и Индия.

Таблица 1.

Место стран Азии в Глобальном инновационном индексе по годам, 2009–2024 гг.

Страна	2009	2012	2014	2015	2017	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Республика Корея	20	21	16	14	11	11	10	5	6	10	6
Китай	43	34	29	29	22	14	14	12	11	12	11
Турция	67	74	54	58	43	49	51	41	37	39	37
Индия	56	64	76	81	60	52	48	46	40	40	39

Источник: составлено автором на основе данных The Global Innovation Index, 2025.

На основе все более широкого распространения цифровых технологий и интернета, цифровизация в экономике и социальной сфере стала основным двигателем экономического развития Азии. По оценкам, на долю Азии приходится сегодня 80,6% цифровой экономики мира. Основной упор при этом делается на цифровизацию услуг, таким образом, что на цифровую составляющую первичного, вторичного и третичного сегментов в Азии приходится 8,3%, 23,1% и 39,2% добавленной стоимости сегмента соответственно. В результате сфера услуг лидирует по цифровой интеграции и проникновению. (Global Digital Economy Report, 2026).

В то же время позиции азиатских стран в мировых рейтингах остаются нестабильными. Например, Гонконг, входивший 15 лет назад в тройку мировых лидеров технологического развития, в 2024 г. сместился на 18-е место. Таким образом, цифровая экосистема Азии остается сложной и многополярной, а также неустойчивой. В то время как одни субрегионы (Восточная Азия в лице Республики Корея и Китая) уже формируют глобальные новые технологические тренды, другие (прежде всего, Южная Азия) стремятся ускоренными темпами (хотя и со специфическим результатом) стремительным броском ускорить некоторые этапы развития, а третьи (особенно Центральная Азия) только начинают формировать основы цифровой экономики. Следовательно, модели цифровизации у стран Азии существенно различаются по субрегионам (табл. 2), создавая значительный «азиатский цифровой разрыв», что можно рассматривать одновременно как проблему, но и как катализатор для сотрудничества азиатских стран в цифровом поле. Рассмотрим ключевые особенности каждого из пяти субрегионов Азии и проанализируем модели их цифрового развития исходя из наличия ключевых драйверов, основных вызовов и формирующихся на этой основе базовых характеристик (табл. 2).

Представленные данные подтверждают, что Восточная Азия (Япония, Южная Корея, Китай) — это лаборатория цифрового будущего и «государственный капитализм 2.0». Этот субрегион стал бесспорным цифровым локомотивом континента. Здесь процесс цифровизации давно перешел от внедрения базовых технологий к глубокой имплементации ИИ и больших данных в ткань государственного управления и экономики. Модель развития жестко иерархична: государство и технологические гиганты (такие как *Samsung*, *Alibaba*, *Huawei*) выступают главными «архитекторами» процесса цифровизации.

Таблица 2.

## Особенности цифровизации в субрегионах Азии: сравнительный анализ

Субрегион	Ключевые драйверы	Характерные черты и приоритеты	Основные вызовы
Восточная Азия	Государственная политика, технологические гиганты ( <i>Samsung, Alibaba</i> )	Технологическое лидерство ( <i>AI, Big Data</i> ), концепция «умных городов», государственные цифровые платформы	Кибербезопасность, регулирование данных, социальные последствия автоматизации
Юго-Восточная Азия	Молодое население, ориентированное на использование гаджетов, высокая доля цифровых платежей + роль государства	Развитие финтеха, <i>e-commerce</i> , переход к «интеллектуальной экономике» на базе ИИ, интерес к технологическому суверенитету	Кадровый голод, неравенство в доступе к инфраструктуре между странами и островами
Южная Азия	Потребность в инклюзивности, государственные программы «цифровых наций» ( <i>Smart Bangladesh</i> )	Создание цифровой публичной инфраструктуры ( <i>DPIs</i> ) — <i>QR</i> -коды, биометрические <i>ID</i> ; скачок в финтехе для решения повседневных задач.	Цифровое неравенство (гендерное, имущественное), слабая защита данных, отсутствие институтов, базовые проблемы (бедность)
Западная Азия	Нефтегазовые доходы и государственная стратегия диверсификации экономики («Видение 2030» в КСА), геостратегическое положение, стремление стать глобальным хабом	Глобальный транзитный хаб («Цифровой Шелковый путь») — строительство подводных и наземных ВОЛС ( <i>Silk Link, Digital Silk Way</i> ). Модель «суверенного инвестора» — активные инвестиции нефтедолларов в зарубежные технологии и создание центров <i>4IR</i> у себя. Развитие финтеха, «умных городов» ( <i>Masdar, NEOM</i> ) и реэкспорт цифровых услуг.	«Ресурсное проклятие» — зависимость бюджета от нефти, которую нужно преодолеть. Политическая нестабильность в отдельных странах региона. Вопросы защиты данных и цифрового суверенитета при активном привлечении иностранных технологий. Неравномерность развития внутри региона (вне ССАГПЗ)
Центральная Азия	Стратегическое положение, государственные программы («Цифровой Казахстан», «Цифровой Узбекистан — 2030»), преимущественно рыночные факторы	Акцент на цифровизацию госуслуг (Казахстан), развитие финтеха. Частично — сырьевая экономика, которая пока ограничивает спрос на инновации	Сырьевая зависимость, слабая конкуренция, дефицит кадров и цифровой грамотности, низкая региональная интеграция

Источник: разработано автором.

В Восточной Азии все более активно развиваются концепции «умных наций», где цифровые технологии имплементируются в инфраструктурные и другие системы, создаются эффективные государственные цифровые платформы. Однако это лидерство порождает и острые вызовы: проблемы кибербезопасности, этики использования данных и социальной адаптации населения к тотальной автоматизации выходят на первый план. Страны региона, движутся от простой цифровизации к глубокому внедрению искусственного интеллекта (*AI*) и больших данных (*Big Data*) в государственное управление и экономику (Умаров, 2025). Здесь активно развивается концепция «умных городов», где технологии становятся неотъемлемой частью жизни горожан, а власти всячески способствуют этому процессу. Так, в ряде городов Китая применяются цифровые технологии в сфере «умных» светофоров, парковок, других транспортных аспектах. В Сиане построены кварталы, которые работают по принципу замкнутого цикла: отходы перерабатываются с помощью ИИ и автоматизированных систем, которые создают новые ресурсы (например, биогаз и переработанное сырье). Четырнадцатый пятилетний план (2021–2025) в КНР установил приоритеты в области цифровой трансформации и устойчивого городского развития. В КНР утвержден национальный стандарт для цифровых двойников городов. Документ вступил в силу 1 июля 2025 г. и заложил основу для создания единой системы цифровых двойников городов по всей стране (Умные города Поднебесной, б/г). Модель цифрового развития в Восточной Азии можно охарактеризовать как иерархическую, «сверху вниз», при активной роли государства и крупных корпораций (чаболой в Корее, кэйрэцу в Японии, госкомпаний в Китае). Это позволяет создавать мощные государственные цифровые платформы (ГЦП), которые снижают издержки регулирования.

Юго-Восточная Азия за последнее десятилетие совершила колоссальный скачок в развитии цифровой экономики, которая в настоящее время оценивается более чем в 300 млрд долларов (How South-East Asia, 2025), хотя цифра эта колеблется в разных источниках. Главная особенность цифровизации, особенно в странах АСЕАН, — переход от простого потребления к «интеллектуальной экономике» на базе ИИ, интерес к которому в данном контексте втрое превышает среднемировой уровень. Цифровая среда чрезвычайно развита — 3 из пяти человек покупают товары онлайн, а более 60% платежей — цифровые. Потребительский интерес к ИИ здесь в 3 раза выше среднемирового: 75% пользователей уже используют ИИ для расширения выбора и упрощения задач (Мишина и др., 2025). Уникальность субрегиона — в его «мобильной» природе. Молодое население здесь выходит в онлайн преимущественно со смартфонов, а цифровые платежи стали повседневной нормой для 60% жителей. Это создало идеальную среду для расцвета финтеха и электронной коммерции. Регион фактически «перепрыгнул» эру пластиковых карт, сразу перейдя к электронным кошелькам и интероперабельным *QR*-платежам. Но и здесь сохраняются серьезные вызовы: острый дефицит квалифицированных *IT*-кадров и технологическое неравенство между мегаполисами и отдаленными островами.

Южная Азия (Индия, Бангладеш, Непал, Мальдивы и др.) зачастую рассматривают цифровизацию как инструмент решения базовых проблем развития и гигантского неравенства — фундаментальные проблемы бедности, слабой инфраструктуры и гигантского социального расслоения. Ключевым достижением региона стало создание цифровой публичной инфраструктуры (*DPI*) и переходе от биометрических идентификаторов до систем *QR*-платежей, которые внедряются даже там, где традиционный банкинг никогда не существовал (Шкваря, 2020). Однако «технологический оптимизм» сталкивается с суровой реальностью:

около миллиарда человек в регионе все еще не имеют доступа к интернету, а гендерный разрыв в использовании мобильного интернета достигает 36%. В большинстве стран отсутствуют законы о защите данных, а пандемийный опыт наглядно показал, что почти 40% школьников оказываются отрезанными от образования при переходе в онлайн.

Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и др.) находится в начале долгого пути цифровой трансформации (высокая доля сырьевого сектора в ВВП — в Казахстане и Узбекистане ~35–40%, в Туркменистане >50% — снижает стимулы к внедрению цифровых инноваций). Ее основным драйвером в ЦА выступают государственные программы, такие как «Цифровой Казахстан» или стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030». Наибольшие успехи достигнуты в сфере цифровизации госуслуг, где Казахстан уже демонстрирует результаты мирового уровня. Однако системные барьеры тормозят развитие. К ним относятся высокая доля сырьевого сектора, низкая скорость интернета, а доступ к нему имеет лишь половина населения. К этому добавляется дефицит собственных ИТ-специалистов и низкий уровень урбанизации, необходимой для формирования инновационных кластеров (Русакович, 2022). Региону только предстоит создать условия для полноценной цифровой экономики.

Западная Азия (или Ближний Восток) не просто вписывается в эту картину — она занимает в ней совершенно особое, стратегически-транзитное место, выступая одновременно и мостом, и самостоятельным центром «цифровой» силы. Если предыдущие 4 субрегиона мы рассматривали как участников конкурентной борьбы в сфере цифровизации, то Западная Азия — это во многом организатор инфраструктуры для этой борьбы, а также уникальный пример крупнейшего в мире углеводородного региона, который стремится с помощью цифровых процессов реорганизовать и диверсифицировать национальную экономику для сокращения нефтяной зависимости.

Итак, в Азии можно выделить 5 различных стратегий цифровизации:

Восточная Азия задает стандарты и производит технологии.

Юго-Восточная Азия стала глобальной фабрикой и «испытательным полигоном» для финтех.

Южная Азия создает инклюзивные цифровые платформы для беднейших слоев населения и рассматривает цифровизацию как инструмент преодоления неравенства.

Центральная Азия осторожно, последовательно пытается использовать свое транзитное положение, осуществляя формирование цифрового фундамента в сырьевой экономике.

Западная Азия строит цифровую инфраструктуру планетарного масштаба и пытается обеспечить себе технологическое будущее за счет нефтяной ренты.

Таким образом, цифровая Азия не однотипна в процессе цифровизации. Это 5 разнотемпных миров, объединенных общим вектором, но движущихся по разным траекториям и зачастую взаимодействующих. Успех одних определяется способностью генерировать инновации, других — умением использовать «цифру» для «прыжка через пропасть неравенства», а третьих — настойчивостью в выстраивании базовой цифровой инфраструктуры.

Как следует из вышеизложенного, основой цифровизации в Азии выступает трансфер технологий, как глобальный, так и внутриазиатский. **Трансфер технологий** — это тот самый «кровеносный поток», который питает цифровизацию, и в разных частях Азии он устроен принципиально по-разному. Субрегионы Азии по-разному встроены в глобальный обмен технологиями (табл. 3).

Таблица 3.

## Сравнительный анализ трансфера технологий по субрегионам Азии

Субрегион	Роль в трансфере технологий	Отраслевые приоритеты	Механизмы и особенности
<b>Восточная Азия</b>	<b>Донор и глобальный лидер.</b> Активно экспортирует технологии и инвестирует в НИОКР по всему миру	ИИ, <i>big data</i> , «умные города», микроэлектроника, зеленые технологии	Собственные мощные центры НИОКР. Экспорт комплексных инфраструктурных решений и инвестиции в производственные цепочки соседей (Китай в АСЕАН, Япония и Корея — в микроэлектронику региона)
<b>Юго-Восточная Азия</b>	<b>Активный реципиент и «сборочный цех».</b> Привлекает ПИИ для развития обрабатывающих отраслей и экспорта	Микроэлектроника (сборка и тестирование), автомобилестроение (Малайзия), фармацевтика (Таиланд), производство электромобилей	Прагматичное балансирование между США и Китаем. Высокая зависимость от ТНК ( <i>Intel, Samsung</i> ), которые приносят технологии, но не всегда углубляют локальную науку. Создание индустриальных парков
<b>Южная Азия</b>	<b>Развивающийся донор и экспортер решений для развивающихся рынков.</b> Имеет уникальные компетенции в создании «цифровой публичной инфраструктуры».	Цифровые платформы ( <i>DPIs</i> ), биометрические <i>ID</i> , финтех (платежные системы), аутсорсинг <i>IT</i> -услуг	Экспорт готовых <i>IT</i> -решений и платформ в другие развивающиеся страны. Создание государственных порталов для трансфера технологий (как <i>CSIR</i> в Индии) для привлечения бизнеса
<b>Западная Азия</b>	<b>Глобальный транзитный хаб и «суверенный инвестор».</b> Покупает технологии для диверсификации (ухода от нефтяной зависимости).	Цифровая инфраструктура (подводные и наземные кабели), финтех, «умные города», реэкспорт цифровых услуг	Строительство «Цифрового Шелкового пути». Создание совместных центров <i>4IR</i> с глобальными лидерами (Китай, США). Инвестиции в зарубежные техногиганты
<b>Центральная Азия</b>	<b>«Мост» и сырьевой партнер.</b> Предлагает ресурсы и транзит в обмен на технологии. Начинает получать технологии для переработки сырья и АПК	Нефтегаз, урановая промышленность (Казахстан), сельское хозяйство (орошение, селекция), «зеленая» энергетика, цифровизация госуслуг	Создание совместных научных центров с Китаем (аграрный центр в Синьцзяне). Заключение «комплексных сделок» (ресурсы + рабочая сила в обмен на технологии и инвестиции)

Источник: разработано автором.

Ключевое различие рассмотренных субрегионов Азии и их ключевых стран в процессе привлечения иностранных технологий на основе трансфера заключается в их роли в международном разделении труда (МРТ): тогда как одни страны выступают донорами и законодателями цифровых технологий и «встраиваются в глобальные цепочки их формирования и разработки, другие остаются их чистыми реципиентами, используя иностранные технологии для качественного рывка — как экономического, так и технологического, третьи стремятся ускорить цифровые процессы, а некоторые, на основе уникальных абсолютных преимуществ, пытаются занять транзитное положение и стать «инфраструктурным цифровым интегратором», и не только в Азии.

Так, страны Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония) — это не просто доноры, а создатели глобальных технологических цепочек. Их цифровизация подпитывается не только и не столько входящим, сколько уже исходящим (в том числе и в Азии) трансфером технологий. Например, Китай активно инвестирует в индустриальные парки и производство электромобилей в странах АСЕАН, создает в их экономиках цифровые производства, тем самым экспортируя свою технологическую модель в другие азиатские страны. Южная Корея и Япония, в свою очередь, исторически (парадигма «летающих гусей») определяли развитие микроэлектроники в Юго-Восточной Азии через свои ТНК (например, *Samsung*, *Toshiba* и др.) (Соловьёва, 2014; Соловьёва, 2015).

Юго-Восточная Азия (прежде всего, страны АСЕАН) — это классический пример модели «догоняющего цифрового развития» через трансфер технологий, сознательную политику «открытых дверей», и в то же время на основе традиционного балансирования между Китаем и США (что стало особенно сложно с 2018 г., когда США развязали «торговую войну» против Китая), чтобы привлечь прямые иностранные инвестиции (ПИИ), в том числе и в виде цифровых технологий. Трансфер здесь очень конкретен. США и их компании (*Intel*) вкладываются в электронную промышленность, создавая альтернативу китайским цепочкам поставок. Китай, в свою очередь, инвестирует в производство электромобилей и цифровую инфраструктуру стран региона. Однако, как показывают некоторые исследования, трансфер технологий из Китая часто останавливается на уровне «отверточной сборки» (Дежина и др., 2025). Местные компании получают доступ к производству, но не к ноу-хау. Попытки создать собственные бренды (как со смартфонами во Вьетнаме) пока терпят неудачу. Более успешно складывается ситуация в случае, если государство выстраивает комплексную политику защиты внутреннего рынка и совместной доработки технологий (как в автопроме Малайзии или фармацевтике Таиланда).

Южная Азия представляет собой во многом уникальный случай. Индия — одновременно и реципиент, и донор технологий в процессе трансфера. Но ее экспортный потенциал в сфере технологий специфичен. Она не столько поставляет «железо», сколько предлагает готовые цифровые решения и платформы, созданные для решения проблем массового населения (например, биометрическая система *Aadhaar*). Создание государственных порталов для трансфера технологий (как у *CSIR* с 1200+ готовыми к внедрению технологиями) говорит о стремлении монетизировать свои научные разработки и продавать их по всему миру, включая страны Азии и Африки.

В ЦА трансфер технологий имеет отчетливый инфраструктурно-сырьевой характер. Регион обладает ресурсами, но нуждается в технологиях для их добычи и переработки, а также для развития сельского хозяйства в сложных климатических условиях. Регион находится в уникальном положении транзитного коридора «Восток–Запад», что позволяет ему предлагать

себя как платформу для комплексных сделок, где ресурсы и рабочая сила обмениваются на технологии и инвестиции. Один из самых наглядных примеров — создание Китайско-Центральноазиатского исследовательского центра в Синьцзяне. Это чистая модель трансфера: Китай предоставляет научный потенциал и агротехнологии, а страны региона (Казахстан и др.) получают доступ к ним для повышения урожайности и решения проблем продовольственной безопасности (Мост аграрных инноваций, 2025). Создание специализированных центров трансфера (как Китайско-Центральноазиатский центр) для трансфера технологий в области *5G*, *IoT* и промышленных инноваций институционализирует этот процесс (CLTTC. 2025).

Западная Азия строит цифровой мост. Страны Персидского залива (ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар) и Закавказья (Азербайджан), превращаются в ключевой цифровой инфраструктурный узел, соединяющий Европу, Азию и Африку. Это их основное видение своей роли. Они физически прокладывают «кабели будущего». В качестве примера можно привести проект *Saudi–Syrian Silklink* стоимостью 800 млн долларов. Это волоконно-оптическая сеть длиной 4500 км, которая соединит арабские, азиатские и европейские рынки, обеспечив транзит данных и развитие облачных сервисов (*Saudi–Syrian Silklink agreement*, 2026). Также можно отметить проект *Digital Silk Way* (Азербайджан–Казахстан). Транскаспийский волоконно-оптический кабель пропускной способностью до 400 терабит в секунду должен стать магистралью для данных между Европой и Азией. Как отмечают официальные лица, Азербайджан, в свою очередь, также намерен стать «цифровым мостом» (Эксперт, 2025). В отличие от Восточной Азии, которая создает технологии «снизу» (через корпорации), или Южной, которая создает их «для бедных», Западная Азия действует по модели «ресурсы в обмен на технологии», но на очень выгодных для себя условиях (Барини, 2025; Меланьина, Пономарева, 2021). Страны ССАГПЗ видят себя в качестве крупнейших инвесторов в зарубежные технологические компании и фонды, они активно осуществляют трансфер технологий через создание совместных центров НИОКР с глобальными лидерами (Китай, США, Корея). При этом они стремятся не просто купить технологию, но и локализовать ее, создавая собственные «центры четвертой промышленной революции». Ключевое отличие «цифровой» мотивации Западной Азии от всех остальных субрегионов Азии — это жизненно важная и осознанная необходимость диверсификации. Для нефтеэкспортеров региона (стран Залива) цифровизация — это не просто рост эффективности, а вопрос выживания в эпоху энергоперехода и возможность использования «нефтедолларов», возможно, теряющих свою значимость, для локализации цифрового будущего.

Западная Азия представляется уникальным инфраструктурным интегратором. Если Восточная Азия создает «мозги» (технологии), Юго-Восточная — обеспечивает «руки» (производство), а Южная — «решения для выживания» (инклюзивные платформы), то Западная Азия строит «кровеносную систему» (цифровые магистрали и инфраструктуру) и пытается стать инвестором, который финансирует и направляет потоки технологий в обмен на будущее без нефти. Ее главная стратегическая задача — превратить транзит данных в фактор социально-экономической устойчивости так же успешно, как она когда-то сделала таким фактором транзит нефти.

### В качестве заключения

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в 2026 г. государства Азии продолжат укрепление своей роли в глобальном цифровом процессе. Так, Китай уже расширил сферу применения искусственного интеллекта и повысил его производительность, Япония и Южная Корея выиграли от внедрения ИИ благодаря своим технологическим производственным преимуществам, в то время как Индия и Юго-Восточная Азия продемонстрировали огромный потенциал применения цифровых технологий и устойчивость цепочки поставок. Страны Западной Азии сумели привлечь в регион крупнейшие мировые цифровые компании, например, *Amazon*, и создать крупные дата-центры глобального уровня. В целом, взаимосвязь интеллектуального производства, центров обработки данных и цифровой торговли в Азии будет ускоряться.

Ниже приведены конкретные показатели участия крупнейших азиатских стран в глобальном цифровом процессе в 2026 г.:

Китай, оставаясь основным двигателем глобальной цифровой экономики (*Digital Technology*), как можно ожидать, продолжит наращивание своих инвестиций в ИИ, большие данные и современные сферы услуг в соответствии с задачами на 2026–2030 гг. — период XV пятилетнего плана экономического и социального развития КНР. Такие меры, как создание порта свободной торговли на Хайнане, будут способствовать развитию цифровой торговли и дальнейшему «открытию миру» на новом, цифровом, уровне. Китай предпринимает меры и по активизации своей деятельности в сфере электронной коммерции. Согласно данным Национального бюро статистики КНР, национальные розничные онлайн-продажи физических товаров в цифровом сегменте увеличились на 5,2% в 2025 г., а доля розничных цифровых продаж потребительских товаров в обществе достигла 36,2% (*The development, 2025*). Ожидается их дальнейший рост в 2026 г.

Япония продолжает в полной мере использовать свои преимущества в области высокотехнологичного производства. Несмотря на макроэкономическое инфляционное давление, ее НИОКР в области ИИ, робототехники и высокотехнологичного оборудования по-прежнему занимают лидирующие позиции в мире.

Южная Корея и Тайвань, благодаря экспорту передовых полупроводников и высокотехнологичного оборудования страны, ориентированы на экспорт технологий и, скорее всего, продолжат извлекать выгоду из глобального тренда на применение ИИ как ключевые поставщики оборудования для центров обработки данных и технологий искусственного интеллекта.

Индия, обладая огромной базой интернет-пользователей и возможностями ИТ-сервиса, продемонстрировала большой потенциал в области инноваций, цифровых платформ и приложений, став привлекательной страной для инвестиций в цифровую инфраструктуру.

Юго-Восточная Азия фактически становится новой географической локацией размещения центров обработки данных и интеллектуального производства. Под влиянием вычислительных мощностей искусственного интеллекта и передачи глобальных цифровых цепочек поставок ЮВА (особенно такие страны, как Вьетнам, Сингапур и Индонезия), активизирует свое «цифровое присутствие» в мире. Так, в 2025 г. во Вьетнаме началось строительство нескольких заводов по производству чипов, в том числе *Viettel*, *FPT* и *Hanoi* (*Global Digital Economy Report, 2026*). В рамках «Плана развития цифрового правительства» Вьетнам создал информационные ресурсы в качестве стратегической поддержки для

всестороннего содействия интеллектуальной модернизации производства. Малайзия планирует увеличить долю цифровой экономики в ВВП до 25,5% к концу 2030 г. Недавно она успешно ускорила диджитализацию платежных терминалов за счет выдачи электронных купонов. Индонезия продолжает развивать свои цифровые финансы, и уже более 56 млн пользователей подключились к платежной системе с QR-кодом, подавляющее большинство из которых являются малыми, средними и микропредприятиями.

Таким образом, цифровая экономика стала «новой точкой опоры» стран ЮВА в сфере хеджирования внешних рисков и наращивания темпов роста, на страновом и региональном уровнях. Страны АСЕАН объявили о том, что в 2026 г. будет подписано Рамочное соглашение о цифровой экономике (*DEFA*) АСЕАН, тем самым признавая важность регионального взаимодействия в цифровой сфере. Основа, фреймворк, интерфейс, управление и, в конечном счете, совместное использование услуг этих систем, необходимы для цифровой идентификации. Это позволит странам АСЕАН добиться значительного прогресса в таких областях, как торговля, здравоохранение, логистика и электронная коммерция, и в то же время превратить большинство малых и средних предприятий в цифровые структуры, обеспечив им шанс выйти на мировой рынок и создать новые возможности для роста. Таким образом, развивающиеся экономики ЮВА продолжают повышать устойчивость к экономическому росту за счет ускоренной цифровой трансформации и технологических инноваций, а также укрепления и углубления региональной экономической интеграции в АСЕАН.

Для региона Западной Азии важнейшей целью использования цифровых технологий стала «операционная эффективность», а основные проблемы связаны с «человеческими ресурсами» и, за исключением «нефтяных монархий», «затратами на внедрение». Большое значение в процессе цифровизации в странах Персидского залива традиционно сохраняет трансфер технологий (Шкваря, Соловьёва, 2019).

В целом, цифровой процесс в Азии в 2026 г. с большой долей вероятности будет характеризоваться дальнейшим углублением внедрения в социально-экономические процессы искусственного интеллекта, дальнейшей цифровой трансформацией и изменением цепочки поставок. Азиатский банк развития оказывает содействие в этом процессе. Финансирование со стороны АБР традиционно включает поддержку телекоммуникационных сетей, центров обработки данных, облачных сервисов, устройств и приложений, а также обеспечение достаточного энергоснабжения.

### Список литературы

1. Барини Х. (2025) Цифровизация Саудовской Аравии: реализация плана создания «ближневосточного цифрового гиганта» // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 11. № 2. С. 59–68. [Barini H. (2025) Digitalization of Saudi Arabia: implementation of the plan to create a «Middle Eastern digital giant» // Geopolitics and ecogeodynamics of the regions. Vol. 11. No. 2. Pp. 59–68. (In Russian).]
2. Государственная программа «Цифровой Казахстан» Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 года № 827. [The State program "Digital Kazakhstan" Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated December 12, 2017 No. 827. (In Russian).] URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
3. Дежина И., Гареев Т., Арутюнян А. (2025) Международный технологический трансфер в странах Юго-Восточной Азии / ред.: И. Г. Дежина, Т. Р. Гареев. М. : Издательство:

Типография Миттель прес. 240 с. [Dezhina I., Gareev T., Harutyunyan A. (2025) International technological transfer in the countries of Southeast Asia / ed. by I. G. Dezhina, T. R. Gareev. Moscow : Publishing House: Mittel press Printing house. 240 pages. (In Russian).]

4. Жумашева М. Б., Дуламбаева Р. Т. (2021) Цифровизация государственных услуг: опыт Южной Кореи и его применимость в Казахстане // Экономическая серия Вестника ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. № 3. С. 92–103. [Zhumasheva M. B., Dulambayeva R. T. (2021) Digitalization of public services: the experience of South Korea and its applicability in Kazakhstan // Economic Series of Bulletin of the L. N. Gumilyov ENU. № 3. Pp. 92–103. (In Russian).] DOI: 10.32523/2789-4320-2021-3-92-103

5. Костюкова К. С. (2020) Цифровизация сельского хозяйства в Японии // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 11. № 4. С. 358–369. [Kostyukova K. S. (2020) Digitalization of agriculture in Japan // MIR (Modernization. Innovation. Development). Vol. 11. No. 4. Pp. 358–369. (In Russian).] DOI: 10.18184/2079-4665.2020.11.4.358-369

6. Меланьина М. В., Пономарева В. С. (2021) Цифровое общество в странах Ближнего Востока и Северной Африки: новые возможности // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 10 (118). С. 190–196. [Melanyina M. V., Ponomareva V. S. (2021) Digital society in the Middle East and North Africa: new opportunities // Economics and management: problems, solutions. Vol. 1. No. 10 (118). Pp. 190–196. (In Russian).]

7. Мишина Н. А., Бабич А. С., Голикова А. А., Мишина А. Н. (2025) Роль цифровой экономики в процессах экономической интеграции в рамках АСЕАН // Экономика и предпринимательство. № 2 (175). С. 417–420. [Mishina N. A., Babich A. S., Golikova A. A., Mishina A. N. (2025) The role of the digital economy in the processes of economic integration within ASEAN // Economics and Entrepreneurship. No. 2 (175). Pp. 417–420. (In Russian).] DOI: 10.34925/EIP.2025.175.2.077

8. Мост аграрный инноваций (2025) [The Bridge of Agrarian Innovation (2025) (In Russian).] URL: <https://www.kp.kz/daily/27761/5191868/>

9. Русакович В. И. (2022) Социально-экономическая динамика и цифровая политика в Туркменистане: особенности и направления // Россия и Азия. № 3 (21). С. 25–40. [Rusakovich V. I. (2022) Socio-economic dynamics and digital policy in Turkmenistan: features and directions // Russia and Asia. No. 3 (21). Pp. 25–40. (In Russian).]

10. Соловьёва Ю. В. (2014) Трансфер технологий в инновационной экономике: сущность, формы, методы // Инновационная экономика. № 4 (1). С. 7. [Solovieva Yu. V. (2014) Technology transfer in the innovative economy: essence, forms, methods // Innovative economics. No. 4 (1). P. 7. (In Russian).]

11. Соловьёва Ю. В. (2015) Трансфер технологий стран БРИКС: проблемы и перспективы // Экономический журнал. № 4 (40). С. 85–96. [Solovieva Yu. V. (2015) Technology transfer of the BRICS countries: problems and prospects // Economic Journal. No. 4 (40). Pp. 85–96. (In Russian).]

12. Титов А., Налеванко О., Гайнтдинов Р., Дизон Д., Макланг А. (2024) Цифровое завтра: как АСЕАН стимулирует рост цифровой экономики // Современная мировая экономика. Т. 2. № 1 (5). С. 105–127. [Titov A., Nalevanko O., Gaintdinov R., Dizon D., Maklang A. (2024) Digital tomorrow: how ASEAN is stimulating the growth of the digital economy // Modern World Economy. Vol. 2. No. 1 (5). Pp. 105–127. (In Russian).] DOI: 10.17323/2949-5776-2024-2-1-105-127

13. Умаров О. М. (2025) Контуры цифровых трансформаций в Южной Корее, Японии и Китае: вызовы, возможности и риски // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 18. № 2. С.78–94. [Umarov O. M. (2025) Contours of digital transformations in South Korea, Japan and China: challenges, opportunities and risks // Contours of global transformations: Politics, Economics, Law. Vol. 18. No. 2. Pp.78–94. (In Russian).] DOI: 10.31249/kgt/2025.02.05
14. Умные города Поднебесной (б/г) [Smart cities of the Middle Kingdom (n/y) (In Russian).] URL: <https://zarubejom.ru/articles/umnye-goroda-podnebesnoy/>
15. Шкваря Л. В., Соловьёва Ю. В. (2019) Трансфер технологий и инновационное развитие: тенденции и перспективы стран Персидского залива. Москва, 2019. [Shkvarya L. V., Solovyova Yu. V. (2019) Technology transfer and innovative development: trends and prospects of the Persian Gulf countries. Moscow, 2019. (In Russian).]
16. Шкваря Л. В. (2020) Цифровая экономика: опыт Индии // Экономика и предпринимательство. № 3. С. 223–226. [Shkvarya L. V. (2020) Digital economy: the Indian experience // Economics and Entrepreneurship. No. 3. Pp. 223–226. (In Russian).] DOI: 10.34925/EIP.2020.116.3.044
17. Эксперт: Азербайджан создает мост между цифровыми экосистемами Востока и Запада (2025) [Expert: Azerbaijan creates a bridge between the digital ecosystems of the East and the West (2025) (In Russian).] URL: <https://special.azertag.az/ru/xeber/3826727>
18. CLTTC, in collaboration with the Urumqi Science and Technology Bureau and the China-Central Asia International Technology Transfer Center, jointly explored new avenues for scientific and technological cooperation URL: <https://clttc.dgut.edu.cn/en/info/1071/12002.htm>
19. Digital Technology. URL: <https://www.adb.org/what-we-do/topics/digital-technology/overview#government>
20. Global Digital Economy Report (2026). URL: [https://firebasestorage.googleapis.com/v0/b/idca-f9873.appspot.com/o/Research%2FGlobal%20Digital%20Economy%20Report%20\(2026\).pdf?alt=media&token=98a02074-698b-4d1d-9207-837007f35278](https://firebasestorage.googleapis.com/v0/b/idca-f9873.appspot.com/o/Research%2FGlobal%20Digital%20Economy%20Report%20(2026).pdf?alt=media&token=98a02074-698b-4d1d-9207-837007f35278)
21. How South-East Asia can transition into an intelligent economy (2025). URL: <http://www.weforum.org/stories/2025/11/ai-southeast-asia-intelligent-economy/>
22. Internet Users by Country 2026 URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/internet-users-by-country>
23. Saudi–Syrian Silklink agreement launches \$800 million digital overhaul to connect Arab, Asian and European Markets (2026). URL: <https://economymiddleeast.com/news/saudi-syrian-silklink-agreement-launches-800-million-digital-overhaul-to-connect-arab-asian-and-european-markets/>
24. Shkvarya L. V., Hailing Yu. (2021) Digital economy in China: modern trends / In: Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Institute of Scientific Communications Conference. Cham. Pp. 1209–1216. DOI: 10.1007/978-3-030-69415-9\_131
25. Solovieva Yu. V. (2020) Asian technology transfer: in the context of global instability // Socio-economic problems of the regions in the context of global instability, 18–19 July 2020. Pp. 151-162.
26. The development of e-commerce in China in 2025 (In Chinese). URL: [https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/sjzfrfb/art/2026/art\\_9ded1295bd50440485b9e563389df5a3.html](https://www.mofcom.gov.cn/xwfb/sjzfrfb/art/2026/art_9ded1295bd50440485b9e563389df5a3.html)

27. The Global Innovation Index (2025). July 01. URL: <https://www.globalinnovationindex.org>

28. Verenikina A. Yu., Melanyina M. V., Ponomarenko E. V. (2024) Iraq: opportunities to increase financial and economic stability in the context of digitalization // International Trade and Trade policy. Vol. 10. No. 1 (37). Pp. 113–129. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-113-129

## **Asia's Digital Landscape: Technological breakthrough strategies and the role of technology transfer**

*Yuliana V. Solovieva,*

*PhD (Economic Sciences), Associate Professor of the Department of National Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.*

*Digitalization in the world is becoming an increasingly widespread and effective development trend, becoming relevant for Asian countries over a long period of time. The purpose of the article is to analyze the specifics of digitalization in Asia and the role of technology transfer in this process. The study revealed that digitalization in Asia is developing unevenly, each sub-region has its own specifics, its own drivers and strategies, depending on the availability of financial, technological, and human resources. The author identifies 5 different strategies for survival and leadership in the digital age in Asia. The common denominator in this process remains the high dependence of Asian countries on the transfer of foreign technologies, even if, as in East Asia, they have their own R&D base. Technology transfer is characterized by the author as a «bloodstream» that feeds digitalization, and it works fundamentally differently in different parts of Asia. The key difference lies in their role in the international division of labor. Digitalization strategies in Asia are also united by the role of government, which is often fundamental due to insufficient activity and opportunities for private business. The information base of the study was statistical and analytical data from international organizations, the study period was 2009-2024.*

**Keywords:** *Asia, digitalization, technology transfer, digital government, digital inequality, international cooperation, digital infrastructure.*

**JEL codes:** *F2, F59, O32, O33, O53.*

Статья поступила в редакцию 18.02.2026.

## Энергопереход как современная реальность для экспортной экономики стран Азии

*Кириллов Виктор Николаевич<sup>1</sup>*

*Глобальный энергетический переход, подразумевающий достижение углеродной нейтральности к середине XXI в., перестал быть предметом экологических дискуссий и превратился в определяющий фактор развития мировой экономики. Технологическая революция в сфере возобновляемой энергетики сделала «зеленые» решения экономически конкурентоспособными, а ведущие экономики мира (ЕС, США, Китай) вводят новые правила международной торговли, увязывая доступ на свои рынки с соблюдением климатических требований, что оказывает неоднозначное влияние на экспортные экономики стран Азии. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления того, как глобальный энергетический переход трансформирует условия функционирования экспортных экономик Азии, какие риски и возможности он создает и какие стратегии адаптации могут быть наиболее эффективными для азиатских стран в сложившихся условиях. Понимание этих процессов имеет не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение для выработки элементов экономической политики как на национальном, так и на региональном уровне. Цель исследования — выявить особенности влияния глобального энергетического перехода на экспортные экономики стран Азии и охарактеризовать стратегии их адаптации к новой реальности. Автор приходит к выводу о том, что энергетический переход в Азии не может быть описан единой моделью: он представляет собой сложный комплекс разнонаправленных процессов, определяемых субрегиональной спецификой. Но опыт энергоперехода в Азии имеет важное значение для других экспортных экономик мира, в том числе для России. Теоретическая база: концепции энергетической безопасности, теории международной торговли, институциональный анализ. Информационная база: данные Международного энергетического агентства (МЭА), ЮНКТАД, Всемирного банка, национальная статистика.*

**Ключевые слова:** *энергопереход, Азия, экспортноориентированные экономики, СВАМ, ВИЭ, технологическая трансформация, декарбонизация.*

**JEL коды:** *F18, O53, Q43, Q48, Q56.*

### Введение

Глобальный энергетический переход, понимаемый как фундаментальная трансформация мировой энергетической системы и ее переход от ископаемого топлива к низкоуглеродным и возобновляемым источникам энергии, стал определяющим трендом развития современной мировой экономики (Смирнов, 2025). Подписанное в 2015 г., Парижское соглашение по климату задало беспрецедентные по своей жесткости параметры

---

<sup>1</sup> *Кириллов Виктор Николаевич* — доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Россия.

декарбонизации: удержание роста глобальной температуры в пределах 1,5–2°C к 2100 г. требует достижения углеродной нейтральности к середине XXI в. Более 130 стран, на долю которых приходится свыше 80% мировых выбросов парниковых газов, уже объявили о целях достижения *net-zero* к 2050–2070 гг. Это означает, что энергетический переход перестал быть гипотетическим сценарием будущего и превратился в объективную реальность, с которой вынуждены считаться все без исключения участники международных экономических отношений.

Особую значимость и остроту данный процесс приобретает для Азии — региона, который играет ключевую роль в глобальном энергетическом балансе и международной торговле (Tang, Solovieva, 2024). По данным Международного энергетического агентства (МЭА), на Азию сегодня приходится более ½ мирового потребления первичной энергии и около 60% глобального прироста спроса на энергоресурсы. Здесь расположены как крупнейшие производители и экспортеры углеводородов (страны Персидского залива, Россия для азиатского направления, Индонезия, Малайзия), так и ведущие их импортеры (Китай, Индия, Япония, Республика Корея). Таким образом, Азия одновременно выступает и главным драйвером роста мирового энергопотребления, и ключевым звеном глобальных цепочек поставок энергоресурсов.

Принципиальная особенность современного этапа заключается в том, что энергетический переход создает системные риски для экспортноориентированной модели развития, десятилетиями предопределявшей экономический рост большинства стран Азии (Бяшарова, Зотов, 2025). Эта модель исторически строилась на сравнительных преимуществах, связанных либо с наличием дешевых энергоресурсов (для стран–экспортеров), либо с доступом к относительно недорогому ископаемому топливу как основе энергоемких производств (для стран–производителей промышленной продукции). Однако формирующаяся новая реальность ставит под сомнение устойчивость таких преимуществ в перспективе. Ужесточение климатического регулирования на основных рынках сбыта, прежде всего внедрение трансграничного углеродного регулирования (*CBAM*) в Европейском союзе, создает дополнительные барьеры для доступа азиатских товаров на традиционные рынки. Параллельно происходит стремительное технологическое обновление, способствующее значительному снижению стоимости ВИЭ (Renewable Power, 2024). Развитие технологий хранения энергии, водородной энергетики, «умных сетей» формирует принципиально новые контуры будущей энергосистемы.

При этом ситуация осложняется геополитической турбулентностью последних лет. Переформатирование глобальных энергетических потоков, связанное с санкционным давлением и перенаправлением российских углеводородов с европейского на азиатские рынки, создает иллюзию сохранения *status quo*. Однако эта иллюзия опасна: временное увеличение поставок ископаемого топлива в Азию не отменяет долгосрочного тренда на декарбонизацию, а лишь откладывает неизбежную структурную перестройку.

В этих условиях перед экспортными экономиками Азии встает сложнейшая дилемма. С одной стороны, они не могут игнорировать глобальную климатическую повестку и вынуждены адаптироваться к новым требованиям, рискуя в противном случае потерять рынки и инвестиционную привлекательность. С другой стороны, форсированный энергопереход чреват серьезными социально-экономическими издержками: ростом стоимости энергии, потерей рабочих мест в традиционных отраслях, необходимостью колоссальных инвестиций в модернизацию инфраструктуры и технологическое перевооружение. Особенно остро эта

дилемма стоит перед развивающимися странами, для которых задача обеспечения доступной энергией и экономического роста остается не менее приоритетной, чем климатические обязательства (Шкваря, Асмятуллин, 2023).

### Результаты исследования

#### Глобальный контекст энергетического перехода: новые «правила игры» для экспортеров

Современный этап глобального энергетического перехода характеризуется формированием принципиально новой «системы координат» для участников международной торговли. Если в предыдущие десятилетия климатическая повестка воспринималась преимущественно как «декларация о намерениях», то к середине 2020-х гг. она обрела конкретные институциональные, технологические и геополитические очертания, создающие как риски, так и возможности для экспортноориентированных экономик Азии.

Ключевым событием, задавшим параметры новой реальности, стало вступление в полную силу с 1 января 2026 г. трансграничного углеродного механизма Европейского союза (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*). Если в переходный период (2023–2025 гг.) импортеры лишь отчитывались об углеродном следе ввозимой продукции, то теперь они обязаны приобретать специальные сертификаты, компенсирующие разницу в стоимости выбросов между страной происхождения и европейскими нормами (CBAM, 2026). По сути, *CBAM* превращает климатические обязательства в непосредственный фактор ценообразования на границе. Для Азии, на долю которой приходится 1/3 всего импорта ЕС (рис. 1), это создает беспрецедентные вызовы.

Остальной мир	35%
Китай	22%
США	13%
Великобритания	6%
Швейцария	5%
Турция	4%
Норвегия	3%
Республика	
Корея	3%
Индия	3%
Япония	3%
Вьетнам	3%

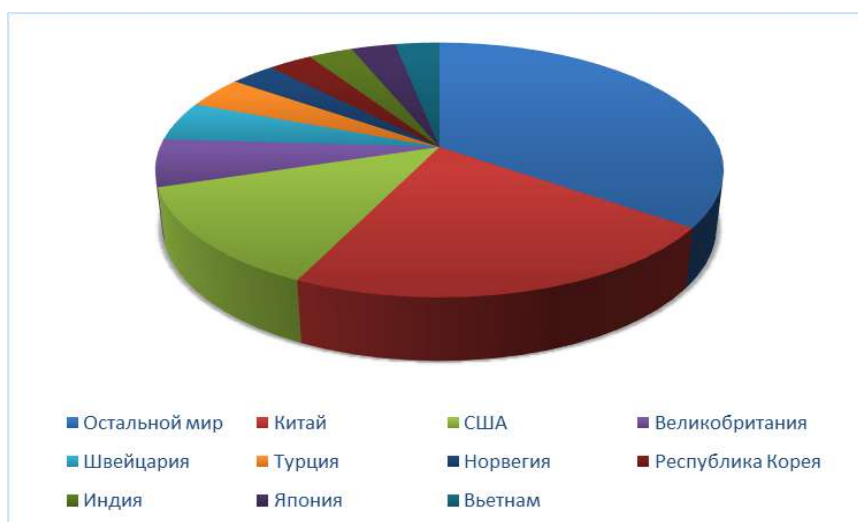


Рис. 1. Импорт в ЕС по странам мира в 2025 г., % от общего объема импорта.

Источник: Eurostat.

Как видно из рис. 1, 5 крупнейших азиатских экономик — Китай (530,6 млрд долл.), Республика Корея (69,4 млрд долл.), Индия (68,6 млрд долл.), Япония (64,5 млрд долл.) и Вьетнам (58,7 млрд долл.) — совокупно поставляют в Европу товаров на 791,8 млрд долл., что составляет примерно 1/3 европейского импорта. Значительная часть продукции этих и других

стран Азии (например, стран АСЕАН) — это энергоемкие товары (металлы, химическая продукция, цемент, удобрения), которые в наибольшей степени подвержены углеродному регулированию, с одной стороны, но в которых, с другой стороны, крайне заинтересована нынешняя Европа, лишившая себя дешевой энергии из России с 2014 г. в результате собственных жестких и непродуманных санкций.

Особенность европейского механизма регулирования заключается в жестких требованиях к подтверждению экологичности используемой при производстве электроэнергии. Согласно правилам *CBAM*, экспортеры не могут полагаться на среднегодовые показатели «чистоты» национальных энергосистем. Для снижения отчетных выбросов необходимо доказать, что более экологичная электроэнергия физически поставлялась на предприятие и соответствовала времени производства продукции (так называемый почасовой учет). Это требование радикально повышает планку для азиатских производителей, многие из которых работают в энергосистемах с высокой долей угольной генерации (Implications, n/y; Tang, Zh., Solovieva, 2023).

Количественные оценки воздействия *CBAM* на азиатских экспортеров впечатляют. Исследования показывают, что для китайской сталелитейной отрасли, где доля экспорта в ЕС составляет около 13%, введение углеродного механизма может обернуться падением экспортной прибыли на 58% при сокращении физических объемов поставок на 32% (Zhou, Zhao, 2023). Столь драматичные цифры объясняются высокой углеродоемкостью китайской металлургии, работающей преимущественно на угле.

Примечательно, что *CBAM* породил волну подражания. В США разрабатывается собственный механизм — *Foreign Pollution Fee Act (FPFA)* (Velev, 2025), который в случае принятия может вступить в силу в ближайшие годы. Согласно прогнозам *Global Efficiency Intelligence*, внедрение *FPFA* приведет к резкому сокращению импорта стали в США от поставщиков с высокой углеродоемкостью (рис. 2): для Китая прогнозируется падение на 95%, для Вьетнама — на 85%, для Индии — на 48%, для Японии — на 44% (Hasanbeigi, et al., n/y).

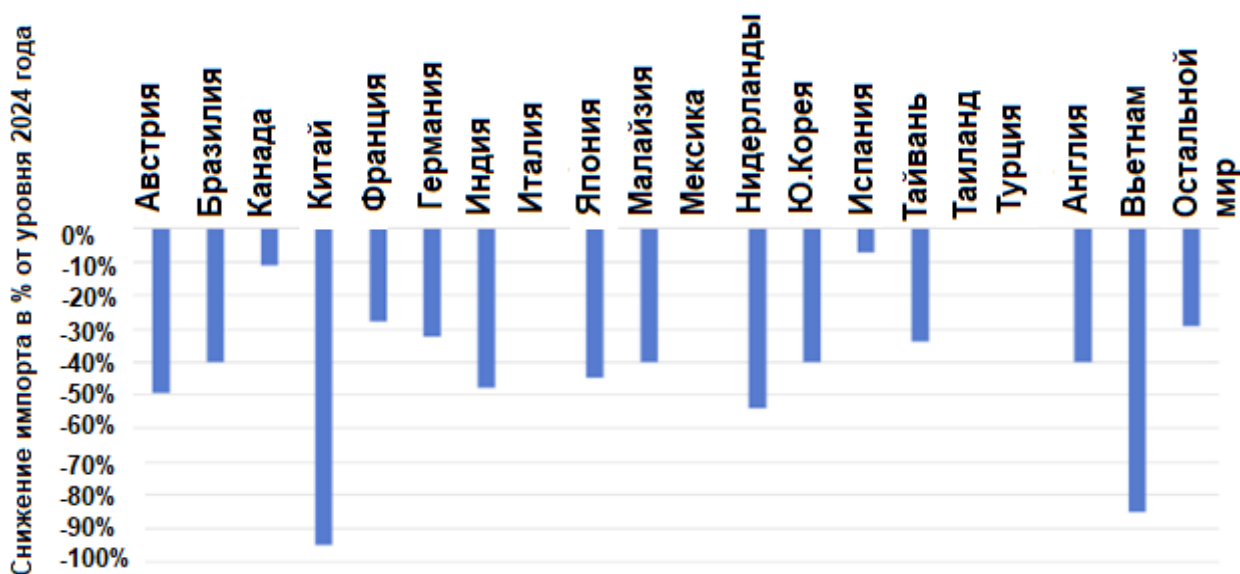


Рис. 2. Оценка снижения экспорта стран мира и Азии в США в 2026 г. относительно 2024 г., % от общего объема.

Источник: Hasanbeigi, et al., n/y.

Эти цифры наглядно демонстрируют, что углеродное регулирование становится не просто европейским, а глобальным трендом, формирующим новые контуры международной торговли.

Ответные стратегии азиатских стран начинают выстраиваться уже сегодня. Китай, Индия и другие крупные экспортеры Азии, критикуя протекционистский характер европейского механизма, одновременно развивают и трансформируют собственные системы торговли выбросами (Zhou, Zhao, 2023; Tang, Zh., Solovieva, 2024). Так, национальный углеродный рынок Китая, первоначально охватывавший электроэнергетику, в 2025 г. был расширен на сталелитейную, цементную и алюминиевую промышленность с планами дальнейшего расширения к 2030 г. (Xiliang, et al., 2025). Так формируется система «двойного контура» углеродного регулирования: внешнего (со стороны стран-импортеров) и внутреннего (со стороны стран-производителей), что создает для компаний сложную многоуровневую среду.

Параллельно с регуляторными изменениями происходит фундаментальная технологическая трансформация глобальной энергетики, меняющая эту отрасль, экономику производства и международную торговлю (Gielen, et al., 2019). Ключевой тренд последнего десятилетия — кардинальное снижение стоимости возобновляемых источников энергии (ВИЭ). С 2010 по 2024 гг., согласно отчету IRENA, стоимость солнечной энергии упала более чем на 80%, а ветровой — на 50–60%, сделав ВИЭ конкурентоспособными без субсидий во все большем числе регионов мира (Renewable Power, 2024).

Для экспортных производств это означает появление новой опции: возможность снижать углеродный след и, соответственно, нагрузку от *СВАМ*, за счет перехода на прямые договоры с поставщиками «зеленой» энергии. В ряде стран Азии такая практика начинает развиваться. Например, прогресс в этом направлении демонстрирует Индия, где законодательно разрешены прямые договоры на поставку возобновляемой энергии (Haider, Santosh, 2021). Крупные промышленные потребители все чаще ориентируются на контракты, обеспечивающие поставки «зеленой» энергии в режиме 24/7, что требует развития систем накопления энергии и гибкой генерации.

Одновременно формируются новые направления международной энергетической торговли. Развитие водородных технологий открывает перспективы экспорта «зеленого» водорода из стран с богатым потенциалом ВИЭ в промышленные центры. Япония и Южная Корея, обладающие ограниченными собственными энергоресурсами, но высоким технологическим потенциалом, активно инвестируют в создание международных цепочек поставок водорода и аммиака как низкоуглеродного топлива.

Технологическая трансформация затрагивает и традиционные секторы. В угольной энергетике, сохраняющей доминирующие позиции во многих странах Азии (Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам), развиваются технологии повышения эффективности и улавливания  $CO_2$ . Однако динамика этого развития пока отстает от темпов ужесточения климатического регулирования, создавая риски преждевременного обесценивания активов.

Третий фундаментальный фактор, изменяющий «правила игры» для азиатских экспортеров, — это геополитическая трансформация последних лет, приведшая к радикальному переформатированию глобальных энергетических потоков. Отказ Европы от российского трубопроводного газа и перенаправление этих объемов на азиатские рынки создали новую конфигурацию поставок.

Показательным примером служит рост поставок российского газа в Китай. В декабре 2024 г. газопровод «Сила Сибири» вышел на проектную мощность в 38 млрд куб. м в годовом исчислении, а в сентябре 2025 г. был подписан обязывающий меморандум о строительстве «Силы Сибири–2» мощностью 50 млрд куб. м в год. Параллельно развиваются поставки сжиженного природного газа. В расчетах за энергоресурсы происходит постепенный отход от доллара: например, «Газпром» получает оплату за газ в пропорции 50 на 50 — в рублях и юанях (Волобуев, Чабан, 2025).

Одновременно усиливаются попытки отдельных игроков установить контроль над глобальными энергетическими маршрутами. Политика США в отношении Венесуэлы, где американский Минфин выдает лицензии на операции с нефтью с условием недопуска российских, китайских и иранских компаний, демонстрирует стремление Вашингтона использовать энергетику как инструмент геополитического влияния. Как отмечают эксперты, конечная цель этой политики — противостояние с КНР, ранее закупавшим венесуэльскую нефть, и экономическое ослабление этой страны.

На этом фоне возрастает роль альтернативных интеграционных структур. Страны БРИКС, на долю которых приходится более 40% мировой добычи нефти и около 40% потребления нефтепродуктов, а также 3/4 мирового потребления угля, обсуждают формирование единой энергетической стратегии (Бяшарова и др., 2025). Для азиатских экспортеров это открывает возможности диверсификации, т. е. ориентацию не только на традиционные рынки Европы и США, но и на растущее потребление внутри самого азиатского региона.

Особое значение приобретает африканское направление. Население Африки, по прогнозам ООН, к 2050 г. удвоится, и континент, где сегодня установленная мощность электростанций составляет лишь 253 ГВт (меньше, чем в России), будет наращивать спрос на энергоресурсы и технологии. Для азиатских экспортеров энергетического оборудования и инжиниринговых услуг это формирует новый растущий рынок.

### **Энергопереход в странах Азии: региональная специфика и модели адаптации**

Азия представляет собой не просто крупнейший энергетический рынок мира, но и сложную мозаику субрегионов, каждый из которых обладает уникальной структурой экономики, ресурсной базой и институциональными возможностями для адаптации к новой энергетической реальности. Понимание этой региональной специфики — необходимое условие для выработки эффективных стратегий энергоперехода, учитывающих как глобальные императивы декарбонизации, так и национальные приоритеты развития.

Северо-Восточная Азия — Китай, Япония и Республика Корея — эпицентр технологической трансформации глобальной энергетики. Эти страны, будучи крупнейшими импортерами ископаемого топлива (за исключением Китая, обладающего собственными запасами угля), одновременно выступают лидерами в производстве оборудования для ВИЭ и в развитии передовых низкоуглеродных технологий.

Так, Китай занимает уникальное положение в глобальном энергетическом переходе. С одной стороны, страна остается крупнейшим потребителем угля — на нее приходится почти 60% мирового потребления этого вида топлива (Powering Prosperity, 2026). С другой стороны, Китай — безусловный мировой лидер в производстве оборудования для ВИЭ: на его долю приходится более 1/2 глобальных мощностей по производству солнечных панелей и

ветрогенераторов. Согласно имеющимся данным, в китайском секторе «чистой энергетики» уже занято более 4 млн человек — больше, чем в любой другой стране мира (Тутнова, 2021). КНР последовательно расширяет национальную систему торговли выбросами: как уже отмечалось, в 2025 г. она была распространена на сталелитейную, цементную и алюминиевую промышленность в дополнение к электроэнергетике, что создает внутренние стимулы для декарбонизации.

Япония и Республика Корея, напротив, делают ставку на технологии, позволяющие сохранить их промышленное лидерство в условиях энергоперехода (Tang, Zh., Solovieva, 2024). Обе страны активно инвестируют в развитие водородной экономики, рассматривая «зеленый» водород и аммиак как долгосрочную замену ископаемому топливу в тех секторах, где прямая электрификация затруднена. Япония, лишившаяся значительной части трубопроводных поставок газа после геополитической перестройки 2022–2025 гг., активно диверсифицирует импорт СПГ и одновременно развивает технологии улавливания и хранения углерода (CCUS) (Faster, 2026). Корейские компании, в свою очередь, укрепляют сотрудничество с производителями газа в Юго-Восточной Азии, подписывая долгосрочные контракты, увязанные с обязательствами по снижению углеродного следа.

Юго-Восточная Азия представляет собой наиболее сложный и противоречивый регион с точки зрения энергетического перехода. По прогнозам, к 2050 г. потребление электроэнергии в странах АСЕАН вырастет более чем в 3 раза по сравнению с уровнем 2018 г. (Powering, 2025), что делает регион одним из наиболее динамично растущих энергетических рынков мира. Однако этот рост происходит на фоне сохраняющейся высокой зависимости от ископаемого топлива: сегодня около 80% энергобаланса АСЕАН обеспечивается за счет углеводородов (Faster, 2026).

Ключевыми игроками, определяющими траекторию энергоперехода в АСЕАН, выступают Индонезия, Вьетнам, Филиппины и Таиланд. На эти 4 страны приходится основная доля как потребления ископаемого топлива, так и электроэнергии (рис. 3) и одновременно — наибольший потенциал для развития ВИЭ. Согласно оценкам Всемирного банка, совокупный потенциал возобновляемых источников энергии в Индонезии, Вьетнаме и на Филиппинах составляет около 65 000 ГВт, причем 97% этого потенциала остается неиспользованным. Особенно выделяется потенциал морской ветроэнергетики: Вьетнам и Филиппины вместе располагают более чем 770 ГВт технически доступных мощностей морского ветра (Powering Prosperity, 2026).

Однако реализация этого потенциала сталкивается с серьезными институциональными барьерами. Исследования показывают, что для достижения целей декарбонизации странам АСЕАН потребуются беспрецедентные инвестиции: суммарные вложения в генерацию и передачу электроэнергии до 2050 г. оцениваются в 29,6–44,6% совокупного ВВП региона за 2018 г. (Sheng, et al., 2025). При этом бремя инвестиций распределено неравномерно: страны с более низким подушевым доходом сталкиваются с более высокими удельными затратами на декарбонизацию, что создает риски углубления регионального неравенства.

Показательным примером служит Индонезия, где правительство объявило о поэтапном отказе от дизельной генерации в восточных провинциях (Шкваря, 2013). Однако, как показывает опыт провинции Восточная Нуса–Тенгара, переход на возобновляемые источники требует не только технических решений, но и институциональной готовности, так как ограниченные полномочия местных властей в сфере энергетики, недостаток финансирования

предынвестиционной стадии проектов и слабая подготовка кадров создают серьезные препятствия (Localising Climate Action, 2026).

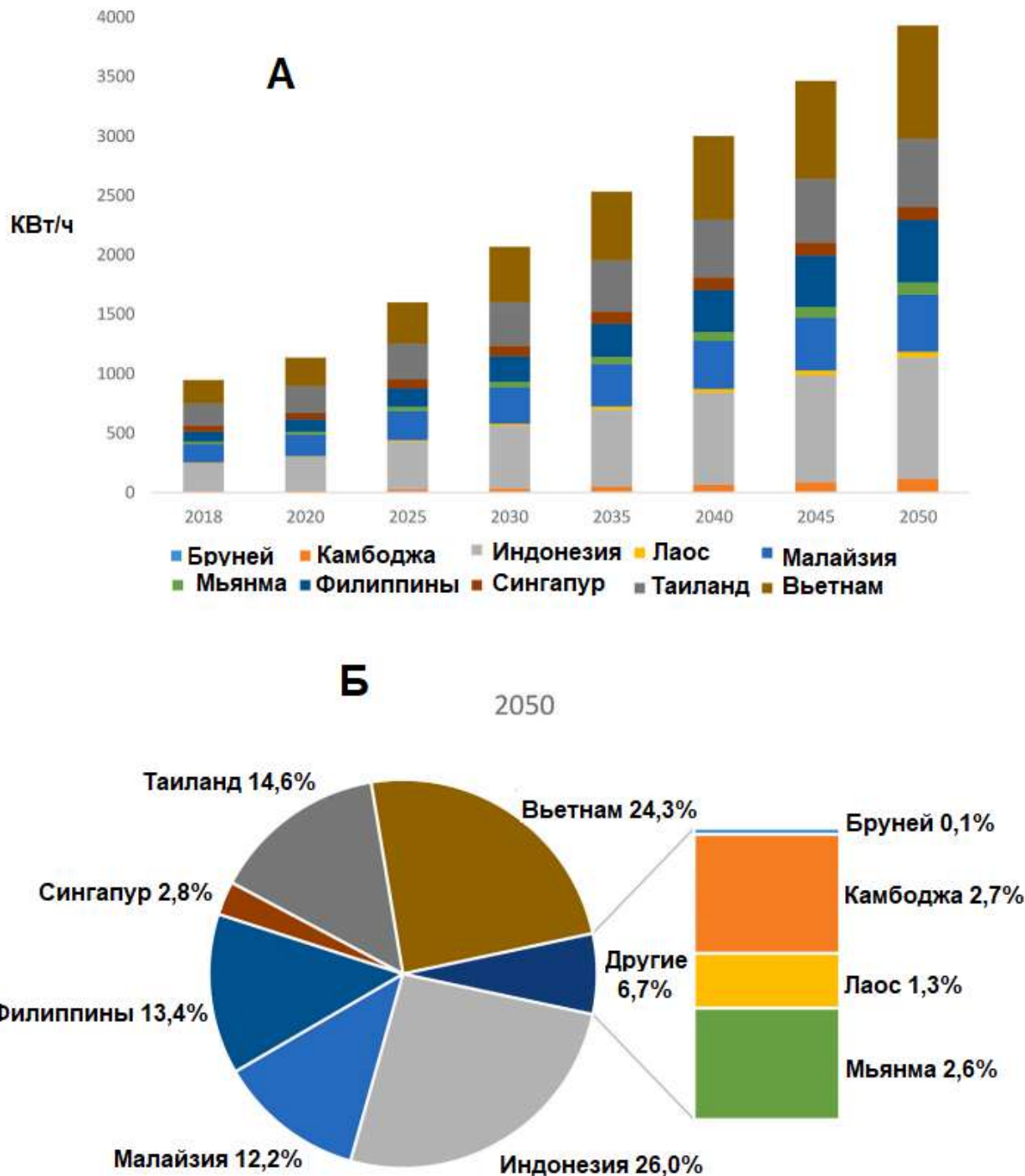


Рис. 3. Прогнозируемый спрос на электроэнергию в странах АСЕАН в 2018–2025 гг. и прогноз до 2050 г., квтч.

(А) Динамика спроса на электроэнергию в странах АСЕАН.

(Б) Доля спроса на электроэнергию по странам в 2050 году.

Источник: Sheng, et al., 2025.

Вьетнам, в свою очередь, демонстрирует успехи в развитии солнечной энергетики, но сталкивается с проблемами интеграции переменных ВИЭ в национальную энергосистему. Согласно прогнозам, расширение солнечной и ветровой генерации может создать к 2040 г. около 1 млн новых рабочих мест, однако это требует параллельного развития сетевой инфраструктуры и систем накопления энергии (Powering Prosperity, 2026).

Южная Азия, и прежде всего Индия, — особый случай в контексте энергетического перехода. Индия остается третьим по величине импортером энергии в мире и одновременно страной с быстрорастущим спросом, где сотни миллионов людей все еще не имеют надежного доступа к электроэнергии (Шагап, Соловьёва, 2025; Faster, 2026). В этих условиях обеспечение доступности и надежности энергоснабжения неизбежно доминирует над климатической повесткой.

Индийская стратегия энергоперехода строится на принципе диверсификации: страна одновременно развивает собственную угольную генерацию (как наиболее доступный и контролируемый источник), наращивает импорт нефти и СПГ, активно инвестирует в солнечную энергетику и обсуждает возможности импорта «зеленого» водорода. При этом давление международных санкций и попытки отдельных стран использовать энергетику как инструмент геополитического влияния подталкивают Индию к поиску альтернативных механизмов расчетов и укреплению сотрудничества в рамках БРИКС.

Особенность южноазиатского контекста заключается также в высокой значимости децентрализованных решений. В сельских районах Индии и Непала распределенная возобновляемая энергетика (солнечные микро-сети, биогазовые установки) рассматривается не столько как инструмент декарбонизации, сколько как способ обеспечить доступ к энергии там, где расширение централизованной сети экономически нецелесообразно. Опыт Непала показывает, что вовлечение местных сообществ и учет гендерных аспектов (например, женские кооперативы по управлению ирригационными системами на солнечной энергии) могут существенно повысить устойчивость таких проектов.

Центральная Азия — относительно менее изученный, но стратегически важный субрегион в контексте энергетического перехода. Традиционно выступая поставщиком углеводородов и гидроэлектроэнергии, центральноазиатские страны сталкиваются с необходимостью адаптации к меняющимся глобальным условиям. Переориентация газовых потоков, ранее направлявшихся в Европу, на китайское направление создает для региона как новые возможности, так и риски. С одной стороны, Китай остается растущим рынком сбыта, готовым импортировать как трубопроводный газ, так и электроэнергию из гидроэлектростанций Кыргызстана и Таджикистана. С другой стороны, концентрация экспортных поставок на одном покупателе создает риски, аналогичные тем, с которыми столкнулась Европа в своей зависимости от российского газа. Уроки европейского энергетического кризиса 2022–2023 гг. демонстрируют опасность недостаточной диверсификации как источников, так и маршрутов поставок.

Западная Азия — страны Персидского залива, Ирак, Иран, а также государства Южного Кавказа) — занимает особое место в глобальной энергетической системе. Это регион, где находятся 6 из десяти крупнейших в мире стран-экспортеров нефти и где сосредоточено около 1/3 мировой добычи углеводородов (Hamouchene, Sandwell, 2023). Именно здесь энергетический переход воспринимается наиболее остро — как фундаментальный вызов самой модели национального развития, десятилетиями строившейся на нефтегазовых доходах.

Ключевая особенность Западной Азии заключается в кажущемся противоречии. С одной стороны, государства региона остаются ключевыми игроками, обеспечивающими функционирование глобальной углеводородной экономики — регион Персидского залива продолжает выступать центральным узлом мировых углеводородных рынков, а его ресурсы играют критическую роль в удовлетворении растущего спроса Азии на нефть и газ. С другой стороны, именно эти страны в последние годы демонстрируют наиболее амбициозные планы энергетического перехода, инвестируя миллиарды долларов в ВИЭ, водородные технологии и улавливание углерода.

Этот парадокс позиции (сохранение лидерства в углеводородах и форсированная диверсификация) объясняется стратегическим видением: страны Персидского залива стремятся сохранить свою роль глобальных энергетических хабов, но в новой — низкоуглеродной — конфигурации мировой экономики. Как показывают исследования (Abdallah, et al., 2024), их стратегия заключается не в отказе от экспорта ископаемого топлива (которое останется востребованным еще несколько десятилетий), а в подготовке энергетической индустрии к будущему спросу на декарбонизированные энергоносители со стороны основных покупателей в Восточной и Южной Азии.

Анализ политики стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) позволяет выделить 2 параллельных трека, которые эксперты называют «двойной стратегией».

Первый трек — оборонительный — направлен на максимизацию доходов от углеводородов на переходный период. Он включает координацию нефтяной политики в рамках ОПЕК+ для стабилизации цен; замещение внутреннего потребления нефти природным газом, что высвобождает дополнительные объемы для экспорта; повышение эффективности добычи и переработки; развитие нефтехимии для увеличения добавленной стоимости.

Второй трек — наступательный — ориентирован на формирование новой экспортной специализации в низкоуглеродной энергетике. Ключевым направлением здесь выступает развитие производства «голубого» и «зеленого» водорода. Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ уже запустили масштабные программы по созданию водородной индустрии, рассматривая ее как долгосрочную замену экспорту сырой нефти и газа.

Особый интерес представляет опыт Катара — крупнейшего в мире экспортера сжиженного природного газа (СПГ). Страна активно развивает технологии улавливания и хранения углерода (CCUS), которые позволяют производить «голубой» водород с минимальным углеродным следом. Параллельно реализуются проекты по созданию искусственных поглотителей углерода, включая программы лесонасаждения мангровых лесов, которые должны компенсировать выбросы от СПГ-производства.

### **Общие вызовы и региональные инициативы**

Несмотря на все разнообразие национальных стратегий стран Азии, как представляется, можно выделить ряд общих вызовов, с которыми сталкиваются азиатские экспортные экономики в процессе энергоперехода.

Первый вызов — инвестиционный разрыв. Хотя страны Азии остаются центром роста глобального спроса на энергию, на них приходится лишь около 2% мировых инвестиций в «чистую» энергетику. По оценкам Всемирного банка, для декарбонизации электроэнергетики и промышленности Китая, Индонезии, Вьетнама и Филиппин потребуется около 9 трлн

долларов инвестиций в ближайшие 20 лет, а с учетом смежных секторов эта цифра может превысить 10 трлн. Мобилизация таких средств требует развития новых финансовых инструментов: смешанного финансирования, гарантий, механизмов разделения рисков и углеродных рынков.

Второй вызов — необходимость синхронизации политики на национальном и региональном уровнях. Отдельно взятая страна, даже обладающая значительными ресурсами, не может оптимизировать энергопереход в изоляции. Именно поэтому ключевую роль приобретают региональные инициативы, прежде всего проект энергосистемы АСЕАН (*ASEAN Power Grid, APG*). Строительство трансграничных линий электропередачи, требующее лишь около 0,5% от общих инвестиций в инфраструктуру, способно снизить совокупные системные издержки на 12%, а среднюю цену электроэнергии — более чем на 10%. Энергосистема АСЕАН позволила бы странам с избыточным потенциалом ВИЭ (Лаос с его гидроэнергетикой, Индонезия и Филиппины с солнечной и ветровой генерацией) экспортировать чистую энергию соседям, которые в противном случае были бы вынуждены наращивать мощности ископаемой генерации или преждевременно внедрять дорогостоящие системы улавливания углерода. В наиболее амбициозном сценарии развития к 2050 г. доля ВИЭ в генерации АСЕАН может достичь 92%, причем почти  $\frac{1}{2}$  придется на солнечную энергию.

Третий вызов — технологический выбор и последовательность действий. Дорожная карта АСЕАН по возобновляемой энергетике выделяет 2 ключевых этапа перехода. В ближайшее десятилетие основным драйвером станет быстрое наращивание мощностей ВИЭ на основе национальных планов. Переломный момент ожидается около 2030 г., когда совокупные мощности ВИЭ превысят мощности ископаемой генерации. Однако после 2035 г. текущие темпы роста неизбежно замедлятся, что потребует перехода к более сложным региональным механизмам интеграции.

Принципиальный вывод моделирования заключается в том, что подход, ограниченный только электроэнергетикой, недостаточен для достижения абсолютного сокращения выбросов: региональные выбросы после 2035 г. могут снова начать расти, если не затронуть промышленность и транспорт. Только глубокая, многосекторальная трансформация в рамках общего энергетического рынка способна переломить эту траекторию.

Западная Азия демонстрирует принципиально иную модель адаптации к энергетическому переходу по сравнению с другими субрегионами континента. Если Северо-Восточная Азия делает ставку на технологическое лидерство, а Юго-Восточная балансирует между углем и ВИЭ, то страны Западной Азии стремятся сохранить свою роль глобальных энергетических хабов, трансформируя структуру экспорта. Ключевыми элементами этой стратегии выступают: сохранение лидерства в традиционных углеводородах на переходный период; развитие производства низкоуглеродных энергоносителей (водород, «зеленая» электроэнергия); использование транзитного потенциала для интеграции энергосистем Центральной Азии, Каспия и Европы; инвестиции в технологии улавливания углерода и возобновляемую энергетiku. Успех этой стратегии будет определяться способностью стран региона мобилизовать необходимые инвестиции, обеспечить трансфер технологий и сохранить политическую стабильность в условиях глобальной турбулентности. Особую роль играет Азербайджан, который благодаря своему географическому положению и накопленной инфраструктуре становится ключевым звеном, связывающим энергетические ресурсы Центральной Азии с европейскими потребителями в рамках новой «зеленой» архитектуры Евразии.

Несмотря на амбициозные планы, Западная Азия сталкивается с серьезными вызовами в реализации энергетического перехода.

Первый вызов — геополитическая фрагментация. Иран, обладающий огромными запасами углеводородов и транзитным потенциалом, остается исключенным из регионального транспортного планирования из-за международных санкций, что препятствует формированию более комплексного сообщения между Центральной Азией и Персидским заливом (Глобальное воздействие, 2026).

Второй вызов — необходимость колоссальных инвестиций. Даже для относительно богатых стран Персидского залива масштаб требуемых вложений в декарбонизацию и новую энергетическую инфраструктуру беспрецедентен. Проект «зеленого» коридора стоимостью более 10 млрд евро требует привлечения международных финансовых институтов (ЕБРР, Всемирный банк, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) и частных инвесторов.

Третий вызов — зависимость от иностранных технологий. Развитие водородной энергетики, систем улавливания углерода, морской ветроэнергетики требует трансфера технологий, что создает зависимость от зарубежных поставщиков. Показательно, что ключевыми партнерами в «зеленом» коридоре выступают китайские, итальянские и британские компании.

### Заключение

Таким образом, глобальный контекст энергетического перехода для азиатских экспортных экономик определяется тремя взаимосвязанными процессами. Во-первых, ужесточением климатического регулирования (*СВАМ* в ЕС и его аналоги в других странах), которое создает прямые издержки для экспортеров углеродоемкой продукции и требует инвестиций в декарбонизацию. Во-вторых, технологической трансформацией, снижающей стоимость «зеленой» энергии и открывающей новые рыночные ниши. В-третьих, геополитической перестройкой энергетических потоков, усиливающей роль Азии как центра спроса и создающей новые возможности для регионального сотрудничества.

В этих условиях успешность адаптации азиатских экономик будет определяться способностью сочетать оборону традиционных позиций (снижение углеродоемкости существующего экспорта) с наступлением на новых направлениях (развитие производства оборудования для ВИЭ, водородных технологий, экспорта низкоуглеродной продукции). Ключевым фактором становится институциональная гибкость: способность национальных правительств создавать условия для «зеленой» модернизации промышленности и одновременно отстаивать интересы экспортеров на международных переговорных площадках.

Таким образом, энергетический переход в Азии не может быть описан единой моделью: он представляет собой сложный комплекс разнонаправленных процессов, определяемых субрегиональной спецификой. Северо-Восточная Азия делает ставку на технологическое лидерство и структурную трансформацию. Юго-Восточная Азия балансирует между растущим спросом на энергию, сохраняющейся угольной зависимостью и огромным неиспользованным потенциалом ВИЭ. Южная Азия вынуждена сочетать задачи обеспечения доступности энергии с постепенной интеграцией климатической повестки. Центральная Азия ищет новые экспортные ниши, сталкиваясь с рисками моно-ориентации на китайский рынок.

Страны Западной Азии стремятся сохранить свою роль глобальных энергетических хабов, трансформируя структуру экспорта.

Объединяющим фактором выступает понимание того, что успешная адаптация к новой энергетической реальности требует не просто технологических решений, но и глубокой институциональной трансформации: развития регионального сотрудничества, мобилизации частного капитала, гармонизации регуляторных норм и обеспечения социальной справедливости перехода. Именно эти аспекты будут определять, смогут ли азиатские экспортные экономики превратить вызовы энергетического перехода в новые возможности для устойчивого роста.

### Список литературы

1. Бяшарова А. Р., Зотов А. В. (2025) Декарбонизация как глобальный вызов для стран — экспортеров энергоресурсов // *Международная торговля и торговая политика*. Т. 11. № 2 (42). С. 50–61. [Byasharova A. R., Zotov A. V. (2025) Decarbonization as a global challenge for energy exporting countries // *International trade and trade policy*. Vol. 11. No. 2 (42). P. 50–61. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-50-61
2. Бяшарова А. Р., Тюрина О. А., Сизова Д. А. (2025) Трансформация глобального нефтяного рынка в условиях усиления роли объединения БРИКС // *Вестник ученых-международников*. № 3 (33). С. 258–267. [Byasharova A. R., Tyurina O. A., Sizova D. A. (2025) Transformation of the global oil market in the context of the strengthening role of the BRICS association // *Bulletin of international scientists*. No. 3 (33). P. 258–267. (In Russian).]
3. Волобуев А., Чабан Е. (2025) Сергей Цивилёв: «Нужно найти баланс между госрегулированием и рыночными механизмами» [Volobuev A., Chaban E. (2025) Sergei Tsivilev: «We need to find a balance between state regulation and market mechanisms» (In Russian).] URL: <https://expert.ru/amp/intervyu/nuzhno-nayti-balans-mezhdu-gosregulirovaniem-i-rynochnymi-mekhanizmami/>
4. Глобальное воздействие меняет энергетические отношения между Персидским заливом и Центральной Азией (2026) [Global Impact Changes Energy Relationships between the Persian Gulf and Central Asia (2026) (In Russian).] URL: <https://www.jhecoenergy.com/news/global-impact-reshapes-energy-relations-between-17686016719102976.html>
5. Смирнов Е. Н. (2025) *Мировая экономика: сценарии перезагрузки*. Москва. [Smirnov E. N. (2025) *Global economy: reboot scenarios*. Moscow. (In Russian).]
6. Тутнова Т. А. (2021) Возобновляемые источники энергии и ядерная энергетика в безуглеродной стратегии Китая. *Общество: философия, история, культура*. № 12. С. 140–147. [Tutnova T. A. (2021) Renewable energy sources and nuclear energy in China's carbon-free strategy. *Society: philosophy, history, culture*. No. 12. P. 140–147. (In Russian).] DOI: 10.24158/fik.2021.12.22
7. Шагап В. А., Соловьёва Ю.В. (2025) Кибербезопасность как критический фактор цифровой трансформации энергетической инфраструктуры Индии // *Инновационная экономика*. № 3(44). С. 54-78. [Shagap V. A., Solovieva Yu.V. (2025) Cybersecurity as a critical factor in the digital transformation of India's energy infrastructure // *Innovative Economy*. No. 3(44). Pp. 54-78. (In Russian).]

8. Шкваря Л. В., Асмятуллин Р. Р. (2023) Проблемы взаимосвязи климатической повестки и экономического роста в ЕАЭС // *Сегодня и завтра Российской экономики*. № 113–114. С. 13–23. [Shkvarya L. V., Asmyatullin R. R. (2023) Problems of the relationship between the climate agenda and economic growth in the EAEU // *Today and tomorrow of the Russian economy*. No. 113–114. P. 13–23. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-113-114-02
9. Шкваря Л. В. (2013) Экономика Индонезии: современные тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 62–69. [Shkvarya L. V. (2013) Economy of Indonesia: Current Trends // *World Economy and International Relations*. No. 11. P. 62–69. (In Russian).]
10. Abdallah I., Alhosin H., Belarabi M., Chaouki S., Mahmoud N., Tayah J. (2024) A Pan-Asian Energy Transition? The New Rationale for Decarbonization Policies in the World’s Largest Energy Exporting Countries: A Case Study of Qatar and Other GCC Countries // *Energies*. Vol. 17. Pp. 3776. DOI: 10.3390/en17153776
11. CBAM 2026 and the «Physical Hourly PPA» Shift. URL: <https://energytag.org/cbam-2026-and-the-physical-hourly-ppa-shift/>
12. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>
13. Faster, coordinated action needed to deliver Asia’s energy transition: Energy Asia (2026). URL: <https://www.eco-business.com/id/news/faster-coordinated-action-needed-to-deliver-asias-energy-transition-energy-asia/>
14. Gielen D., Boshell F., Saygin D., Di Basilian M., Wagner N., Gorini R. (2019) The role of renewable energy in the global energy transformation // *Energy Strategy Reviews*. Vol. 24. Pp. 38–50. DOI: 10.1016/j.esr.2019.01.006
15. Haider A., Santosh K. (2021) Overview of Legal and Policy Measures of Carbon Trading and Renewable Energy Certificate (REC) In India // *Current World Environment*. Vol. 16. Is. 1. Pp. 259–267. DOI: 10.12944/CWE.16.1.26
16. Hamouchene H., Sandwell K. (2023) Introduction: Just in time. The urgent need for a just transition in the Arab region. URL: <https://www.tni.org/en/article/just-in-time>
17. Hasanbeigi A., Springer C., Chobthiangtham P. (n/y) The Impact of a US Border Carbon Fee on the Steel Industry and Trade: An Assessment of the Foreign Pollution Fee Act. URL: [www.globalefficiencyintel.com/impact-of-a-us-border-carbon-fee-on-the-steel-industry-and-trade](http://www.globalefficiencyintel.com/impact-of-a-us-border-carbon-fee-on-the-steel-industry-and-trade)
18. Implications of the EU’s Carbon Border Adjustment Mechanism for Asia. Progressive or Protectionist? (n/y). URL: <https://www.fticonsulting.com/insights/articles/implications-eus-carbon-border-adjustment-mechanism-asia>
19. Localising Climate Action: Why Subnational Renewable Energy Matters for National Energy Transitions (2026). URL: <https://irid.or.id/localising-climate-action-why-subnational-renewable-energy-matters-for-national-energy-transitions/>
20. Powering a shared energy future (2025). URL: <https://cde.nus.edu.sg/powering-a-shared-energy-future/>
21. Powering Prosperity: Unlocking East Asia’s Renewable Energy for Growth and Competitiveness (2026). URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2026/02/02/powering-prosperity-unlocking-east-asia-s-renewable-energy-for-growth-and-competitiveness>
22. Renewable Power Generation Costs in 2024. URL: <https://www.irena.org/Publications/2025/Jun/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2024>

23. Sheng Z., Lingyi Y., Papageorgiou D. J., Bin S., Tsan S. Ng., Saifudin A. (2025) Accelerating ASEAN's energy transition in the power sector through cross-border transmission and a net-zero 2050 view // iScience. Vol. 18. Is. 1. DOI: 10.1016/j.isci.2024.111547
24. Tang Zh., Solovieva Y. V. (2023) Policy analysis of EU countries under the carbon emissions trading system // Международная торговля и торговая политика. Vol. 9, No. 4(36). Pp. 41-49. DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-41-49.
25. Tang, Zh., Solovieva Yu.V. (2024) Empirical Analysis and Research of Low-Carbon Economy Development Trends in China, Japan and South Korea // Russian and Chinese Studies. Vol. 8, No. 1. Pp. 37-45. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).37-45.
26. Velev V. (2025) U.S. Bill Proposes Carbon Fees On Imports, CO2 Capture And Removal Considered As Mitigators. URL: <https://carbonherald.com/u-s-bill-proposes-carbon-fees-on-imports-co2-capture-and-removal-considered-as-mitigators/>
27. Xiliang Z., Runxin Y., Karplus V. J. (2025) The development of China's national carbon market: An overview // Energy and Climate Management. Vol. 1. Is. 2. Pp. 9400015. DOI: 10.26599/ECM.2025.9400015
28. Zhou Y., Zhao Yu. (2023) Discussion on the impact of EU carbon border adjustment mechanism (CBAM) for China–EU trade // Environmental Research Communications. Vol. 5. Is. 11. Pp. 111001. DOI: 10.1088/2515-7620/ad04f6

## **Energy transition as a modern reality for the export economy of Asian countries**

***Viktor N. Kirillov,***

*Doctor of Economics, Professor, State University of Management, Moscow, Russia*

*The global energy transition, which aims to achieve carbon neutrality by mid-century, has ceased to be a topic of environmental debate and has become a determining factor in global economic development. The technological revolution in renewable energy has made green solutions economically competitive, and leading economies (the EU, US, and China) are introducing new international trade rules, tying market access to climate compliance, which has a mixed impact on Asian export economies. The relevance of this study stems from the need for a comprehensive understanding of how the global energy transition is transforming the operating conditions of Asian export economies, the risks and opportunities it creates, and the adaptation strategies that may be most effective in the current circumstances. Understanding these processes has not only theoretical but also crucial practical significance for economic policymaking at both the national and regional levels. The purpose of this study is to identify the impact of the global energy transition on the export economies of Asian countries and identify strategies for their adaptation to the new reality. The author concludes that the energy transition in Asia cannot be described by a single model: it represents a complex set of multidirectional processes determined by subregional specifics. However, the experience of the energy transition in Asia has important implications for other export economies worldwide, including Russia. Theoretical framework: energy security concepts, international trade*

*theories, and institutional analysis. Information base: data from the International Energy Agency (IEA), UNCTAD, the World Bank, and national statistics.*

**Keywords:** *energy transition, Asia, export-oriented economies, SAM, renewable energy, technological transformation, decarbonization.*

**JEL codes:** *F18, O53, Q43, Q48, Q56.*

Статья поступила в редакцию 21.12.2025 г.

---

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES  
AND TERRITORIES**

---

**Анализ конкурентных преимуществ ОАЭ в мировой экономике с  
использованием модели «Ромб Портера»**

*Айдрус Ирина Ахмед Зейн<sup>1</sup>*

*В работе представлен комплексный анализ конкурентных преимуществ Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) в системе международных экономических отношений. Исследовательская цель статьи — провести комплексную диагностику конкурентных преимуществ ОАЭ на основе детерминант модели М. Портера (факторные условия, спрос, родственные отрасли, стратегия фирм) с учетом роли государства и влияния внешних шоков. Прикладная цель — определить ключевые кластеры (логистический и энергетический), обеспечивающие глобальное лидерство ОАЭ, оценить устойчивость этих преимуществ и идентифицировать основные внешние угрозы для экономики страны в долгосрочной перспективе. На основе статистических данных международных организаций (Всемирный банк, ЮНКТАД, МВФ, ВТО) за период 2015–2024 гг. в статье рассматривается динамика и структура экономики страны, ее внешнеторговые связи и институциональное участие в глобальных процессах. Особое внимание уделяется исследованию детерминант конкурентоспособности ОАЭ с использованием модели «Ромб Портера». В ходе анализа факторных условий выявлено сочетание традиционной ресурсной базы с активно развивающимися продвинутыми факторами (человеческий капитал, инновационная инфраструктура). Рассмотрены особенности внутреннего спроса, роль родственных и поддерживающих отраслей (логистический, энергетический и финансовый кластеры), а также стратегии фирм и характер конкуренции. Отдельно оценивается системообразующая роль государства и влияние внешних шоков на экономическое развитие. В результате исследования идентифицированы ключевые глобально конкурентоспособные кластеры экономики ОАЭ — логистико-транспортный и энергетический. Дана оценка устойчивости конкурентных преимуществ, которые базируются на сложном сочетании инфраструктурных, институциональных и инновационных факторов. Выделены основные внешние угрозы, связанные с глобальным энергетическим переходом и фрагментацией мировой торговой системы, а также показана способность экономики ОАЭ адаптироваться к современным вызовам.*

**Ключевые слова:** *ОАЭ, конкурентоспособность, модель «Ромб Портера», диверсификация экономики, международная торговля, логистический кластер, энергетический кластер, прямые иностранные инвестиции, ССАГПЗ, глобальные цепочки поставок.*

**JEL коды:** *F14, F23, O53.*

---

<sup>1</sup> *Айдрус Ирина Ахмед Зейн* — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Манама, Бахрейн.

## Введение

ОАЭ, которые в 2026 г. отметят 55-летнюю годовщину с момента создания государства, что имело место в 1971 г., относятся к числу наиболее открытых и динамично развивающихся экономик мира, обладая заметным весом в системе международных экономических отношений. По данным Всемирного банка, ЮНКТАД, МВФ и ВТО, в течение 2015–2024 гг. экономика ОАЭ характеризовалась устойчивым ростом ВВП в расчете на душу населения, высокими показателями внешней торговли и значительными объемами притока прямых иностранных инвестиций (IMF Annual Report 2025; Global economic prospects; Global Trade Update). При этом в структуре ВВП страны наблюдается постепенное, но устойчивое, на протяжении ряда лет, смещение акцента от традиционного нефтегазового сектора в сторону услуг, торговли, транспорта, логистики и финансов, ИКТ что отражает курс на диверсификацию экономики и снижение зависимости от сырьевых доходов (Перспективы развития, 2025).

Во внешней торговле ОАЭ традиционно выступают одним из крупных экспортеров минерального топлива и нефтепродуктов, а также глобальным центром торговли драгоценными металлами и камнями (золото, алмазы, ювелирные изделия) (Федорченко, 2017). Существенную роль играет и реэкспорт: через порты и логистические хабы страны проходит широкий спектр машин, оборудования, транспортных средств, электронной и другой промышленной продукции. Импорт ОАЭ ориентирован на высокотехнологичное оборудование, транспорт, электронику, химическую продукцию, металлы, пластмассы и продовольствие, что подчеркивает значительную интеграцию страны в глобальные производственные и торговые цепочки (WTO Trade Profiles 2023; WTO Trade Profiles 2025). Статистические данные по товарному и сервисному экспорту/импорту, используемые в статье, получены из международных баз *UNCTADstat*, *ITC Trade Map*, *WTO Stats*, а также из платежных балансов МВФ и показателей Всемирного банка.

Ключевыми торговыми партнерами ОАЭ выступают Китай, Индия, другие страны Персидского залива (Саудовская Аравия, Оман и др.), Ирак, а также государства Европейского союза и США, особенно значимые как поставщики высокотехнологичных товаров и как рынки сбыта. Таким образом, важными для ОАЭ партнерами остаются участники интеграционного экономического объединения Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в рамках которого активно укрепляются торговые отношения (Шкваря, 2019; Шкваря, Соловьёва, 2019). В сфере торговли услугами, по данным ВТО и МВФ, ОАЭ занимают заметную долю в мировом экспорте коммерческих услуг благодаря развитию туризма, авиационных и морских перевозок, финансовых и деловых сервисов. Это закрепляет за страной статус регионального и частично глобального логистического и финансового центра (Меркулов и др. 2016).

С точки зрения институционального участия в МЭО, ОАЭ входят в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), во Всемирную торговую организацию (ВТО), активно участвуют в координации нефтяной политики в рамках ОПЕК+ и развивают сеть двусторонних и региональных соглашений о свободной торговле и экономическом сотрудничестве. В совокупности это формирует благоприятные внешние условия для национального бизнеса и повышает значимость ОАЭ в международном разделении труда (Арабский Восток, 2024).

В контексте исследования особый интерес представляет анализ конкурентных преимуществ ОАЭ с использованием модели «Ромб Портера». Применение этой модели позволяет комплексно рассмотреть факторные условия (ресурсы, инфраструктуру, научно-технический потенциал), особенности внутреннего спроса, развитие родственных и поддерживающих отраслей, а также структуру и стратегию фирм, и характер конкуренции (Международные коммерческие операции, 2019). Дополнительно учитывается влияние государственной политики и внешних шоков. Это дает возможность более глубоко понять, за счет каких именно комбинаций факторов ОАЭ формируют и поддерживают свою конкурентоспособность на мировой арене и какие ограничения и вызовы при этом сохраняются.

## Результаты исследования

### 1. Анализ по детерминантам модели «ромб Портера» для ОАЭ

#### 1.1. Факторные условия

Факторные условия ОАЭ сочетают в себе наличие как традиционных, так и новых продвинутых факторов конкурентоспособности. К традиционным относится значительная ресурсная база углеводородов, выгодное географическое положение между Европой, Азией и Африкой, а также развитая транспортная инфраструктура (морские порты, аэропорты, логистические хабы). В международном Индексе логистической эффективности Всемирного банка (Logistics Performance Index) ОАЭ на протяжении 2010-х гг. входили в число мировых лидеров, занимая 1-е место в арабском регионе и одно из лидирующих мест в мире, что подтверждает высокий уровень качества транспортно-логистической инфраструктуры и административных процедур.

Одновременно ОАЭ активно наращивают продвинутые факторы — человеческий капитал и научно-технологический потенциал. По данным Всемирного банка, Индекс человеческого капитала (Human Capital Index) для ОАЭ выше среднего уровня по региону Ближнего Востока и Северной Африки. Доля охвата высшим образованием составляет более ½ соответствующих возрастных групп, что сопоставимо с показателями ряда развитых государств. В стране созданы современные университеты и исследовательские центры (*Khalifa University, NYU Abu Dhabi*), действуют специализированные технопарки и инкубаторы, а также свободные экономические зоны, ориентированные на высокотехнологичный бизнес (Айдрус, Асмятуллин, 2018; Соловьёва, 2019). Развитие человеческого потенциала крайне важно для страны, особенно в условиях цифровизации и других современных тенденций мировой экономики (Николаева и др., 2018). Важное значение в этой связи приобретают исследовательские университеты стран Персидского залива, в том числе и ОАЭ (Агибалова и др., 2017; Шкваря, Соловьёва, 2019).

Таким образом, факторные условия ОАЭ уже вышли за рамки преимущественно сырьевой модели: природные ресурсы и развитая логистика дополняются растущим человеческим капиталом и инновационной инфраструктурой, что формирует базу для долгосрочных конкурентных преимуществ страны (Русакович, 2024).

#### 1.2. Условия спроса

Внутренний рынок ОАЭ относительно невелик по численности населения, однако отличается высокой платежеспособностью и концентрацией населения со средним и высоким доходом. Это формирует требовательный спрос на качественные услуги, цифровые решения

и премиальные товары. Структура расходов домохозяйств и бизнеса смещается в сторону образования, медицины, финансовых и туристических услуг, что стимулирует развитие сложных сервисных отраслей и цифровой экономики (UNCTAD).

Согласно данным международных рейтингов конкурентоспособности (IMD World Competitiveness, 2025), ОАЭ занимают высокие позиции в мире по показателям эффективности экономики и инфраструктуры. Высокий уровень урбанизации и цифровой зрелости внутреннего рынка проявляется в реализации концепции «умных городов»: Дубай и Абу-Даби входят в число ведущих городов мира по внедрению цифровых сервисов и технологий управления городской средой. Вся современная инфраструктура городов существует благодаря сложным технологическим системам. Это означает, что внутренний спрос ориентирован не только на базовые товары, но и на современные, технологичные и устойчивые решения.

Кроме того, в ОАЭ усиливается ориентация на устойчивое развитие и «зеленые» стандарты. Национальные стратегии в области инноваций, искусственного интеллекта и энергетического перехода предусматривают поддержку проектов в сфере возобновляемых источников энергии, энергоэффективных технологий и экологически чистого транспорта (Гудзенко и др., 2023). Тем самым внутренний спрос со стороны государства и бизнеса стимулирует компании адаптироваться к новым требованиям и повышать технологичность продукции и услуг.

### **1.3. Родственные и поддерживающие отрасли**

ОАЭ сформировали несколько крупных кластеров взаимосвязанных отраслей, которые усиливают конкурентоспособность страны на глобальном уровне. Один из ключевых — логистико-транспортный кластер, включающий морские порты (Джебель-Али и др.), крупнейшие международные аэропорты Дубая и Абу-Даби, а также операторов портовой и логистической инфраструктуры. Высокие позиции в международных рейтингах логистики подтверждают системную развитость этого кластера и его роль в обеспечении участия ОАЭ в глобальных цепочках поставок.

Другим важным направлением стал кластер, связанный с добычей и переработкой углеводородов, нефтехимией и энергетикой, который дополняется развивающимся кластером возобновляемой энергетики. Вокруг энергетического комплекса формируются поддерживающие отрасли — инжиниринговые компании, сервисные фирмы, исследовательские структуры в области новых материалов и энергоэффективности. Дополнительно выделяется финансово-деловой кластер (*Dubai International Financial Centre, Abu Dhabi Global Market*), обеспечивающий доступ компаний к капиталу, страхованию и другим финансовым услугам.

Наличие таких родственных и поддерживающих отраслей снижает транзакционные издержки, облегчает кооперацию между фирмами и ускоряет распространение технологий, что усиливает все элементы «ромба Портера» и поддерживает устойчивый рост конкурентоспособных секторов экономики ОАЭ.

### **1.4. Стратегия фирм, структура и соперничество**

Стратегия фирм и структура конкуренции в ОАЭ основаны на сочетании активного государственного участия и развитого частного сектора. Крупные государственные и полугосударственные компании, такие как национальные нефтегазовые и транспортные корпорации, выполняют роль «национальных чемпионов», задающих высокие стандарты эффективности и качества и активно выходящих на внешние рынки. Они участвуют в

международных проектах, инвестируют за рубежом, и тем самым укрепляют экономическое присутствие ОАЭ в мире.

Одновременно в стране активно действует частный бизнес и филиалы транснациональных корпораций, особенно в сферах торговли, услуг, финансовых технологий, цифровых платформ и недвижимости. Конкуренция в этих сегментах достаточно интенсивна, что стимулирует компании внедрять инновации и повышать качество услуг. Международные рейтинги отмечают относительно высокую гибкость рынка труда и благоприятную бизнес-среду, что способствует развитию предпринимательства и появлению новых фирм.

В последние годы усиливается роль стартап-экосистемы и венчурного финансирования, прежде всего в областях цифровой экономики и искусственного интеллекта. Государственные программы поддержки инноваций и специальные режимы в свободных экономических зонах способствуют формированию среды, в которой соперничество происходит не только по цене, но и по уровню технологий и качества решений.

### **1.5. Роль правительства**

Роль правительства в модели «ромба Портера» для ОАЭ является системообразующей. За последние 10–15 лет власти страны последовательно реализуют стратегию перехода от экономики, основанной на доходах от нефти, к диверсифицированной экономике знаний и услуг. Это отражено в долгосрочных стратегиях развития, национальных программах в области науки, технологий, инноваций и искусственного интеллекта (Асмятуллин, 2025).

Государство активно использует налоговые, регуляторные и институциональные инструменты: создает свободные экономические зоны с льготным режимом ведения бизнеса, модернизирует финансовое и корпоративное законодательство, упрощает процедуры регистрации компаний и привлечения иностранного капитала. Международные рейтинги конкурентоспособности отмечают высокую эффективность правительства и качество бизнес-среды в ОАЭ, что подтверждает результативность проводимой политики.

Значительные ресурсы направляются на развитие цифровой экономики, инфраструктуры и человеческого капитала (Меланьина, Пономарева, 2021). Инвестиции в проекты «умных городов», кибербезопасности, «электронного правительства» и высоких технологий усиливают все 4 базовых детерминанты «ромба Портера» — от факторных условий до структуры конкуренции, создавая основу для устойчивого укрепления конкурентных преимуществ страны.

### **1.6. Влияние случайных событий**

На конкурентоспособность ОАЭ заметно повлияли внешние шоки и случайные события последних лет. Колебания мировых цен на нефть и газ, а также пандемия *COVID-19*, стали серьезным испытанием для экономики, традиционно зависимой от углеводородных доходов и международного туризма. Однако эти шоки стимулировали ускорение диверсификации и поддержку несырьевых отраслей — логистики, финансовых услуг, туризма, цифровой экономики и других сегментов.

По данным международных организаций, к началу 2020-х гг. ОАЭ вошли в число крупнейших мировых экспортеров товаров и услуг, при этом быстро растет несырьевой товарооборот. Заключение серии комплексных экономических партнерских соглашений с ведущими торговыми партнерами и активное участие в региональных и глобальных интеграционных инициативах усиливают позиции страны в мировой торговой системе (WTO Annual Report 2025). Пандемия и последовавшая за ней ускоренная цифровизация одновременно стали вызовом и возможностью: государство и бизнес усилили внимание к

электронным сервисам, финансовым технологиям, дистанционной занятости и кибербезопасности. В результате влияние случайных событий привело не к ослаблению, а к дополнительному укреплению ряда детерминант «ромба Портера» — прежде всего в части инноваций, логистики и диверсификации экономики.

## **2. Выводы по конкурентоспособности ОАЭ в модели «ромб Портера»**

### **2.1. Ключевые конкурентоспособные кластеры**

На основе анализа по детерминантам модели «ромб Портера» можно выделить 2 наиболее конкурентоспособных кластера экономики ОАЭ на мировом рынке. Во-первых, это логистико–транспортный кластер, включающий морские порты, авиационные хабы, складскую и сопутствующую инфраструктуру. Выгодное географическое положение между Европой, Азией и Африкой, высокий уровень развития портов и аэропортов, а также наличие крупных операторов инфраструктуры позволяют ОАЭ выполнять роль глобального транзитного узла и интегрироваться в мировые цепочки поставок (Международный транспорт, 2022).

Во-вторых, сохраняет высокую значимость энергетический кластер, включающий добычу и переработку углеводородов, нефтехимию и постепенно развивающийся сегмент возобновляемой энергетики. Доходы от экспорта нефти и газа остаются важнейшим источником формирования национального богатства, а накопленный опыт, технологические решения и финансовые ресурсы позволяют ОАЭ участвовать в крупных энергетических проектах за рубежом. Одновременно развитие «зеленой» энергетики и проектов в области водородных и низкоуглеродных технологий повышает устойчивость этого кластера в условиях глобального энергетического перехода (Шкваря, 2021).

### **2.2. Оценка устойчивости конкурентных преимуществ**

Конкурентные преимущества ОАЭ уже не ограничиваются только легко копируемыми факторами, такими как наличие природных ресурсов или дешевая рабочая сила. Важная часть преимуществ опирается на более сложные детерминанты — развитую инфраструктуру, специфику внутреннего спроса, качество институциональной среды и способность к инновациям. Логистический и энергетический кластеры опираются на долгосрочные инфраструктурные инвестиции, высокую степень интеграции родственных отраслей и активную роль государства, что делает их менее уязвимыми к прямому копированию со стороны конкурентов.

В то же время часть конкурентных преимуществ остается завязанной на внешнюю конъюнктуру: спрос на нефть и газ, глобальные торговые потоки и уровень геополитической нестабильности в регионе. Устойчивость преимуществ повышается по мере того, как усиливается роль продвинутых факторов — человеческого капитала, цифровых технологий, научно-исследовательских центров и стартап–экосистемы. В долгосрочной перспективе наибольшую устойчивость будут иметь те сегменты экономики ОАЭ, которые строятся на уникальных комбинациях сложного внутреннего спроса, инноваций и сильной институциональной базы.

### **2.3. Ключевые угрозы конкурентоспособности ОАЭ**

В контексте глобальных трендов можно выделить по крайней мере 2 ключевые угрозы для конкурентоспособности ОАЭ. Первая связана с ускорением глобальной климатической повестки и энергетического перехода. Усиление международного регулирования выбросов,

развитие углеродных налогов и рост требований к декарбонизации могут в долгосрочной перспективе сократить спрос на традиционные углеводородные ресурсы и усложнить доступ к отдельным рынкам, что создает риски для доходов энергетического кластера.

Вторая угроза связана с процессами деглобализации и фрагментации мировой торгово-экономической системы. Рост протекционизма, пересмотр глобальных цепочек поставок, усиление региональных блоков и геэкономических противостояний могут негативно повлиять на транзитную и торговую модель ОАЭ, ориентированную на открытость и свободное движение товаров, услуг и капитала. Дополнительным фактором риска остается зависимость от притока зарубежной рабочей силы и капитала, что повышает и актуализирует значимость мер по укреплению внутренней устойчивости и дальнейшему развитию экономики знаний.

### Заключение

Проведенный анализ экономики ОАЭ с использованием модели конкурентных преимуществ М. Портера («Ромб Портера») позволяет сформулировать ряд ключевых выводов о положении страны в системе международных экономических отношений и устойчивости ее конкурентоспособности.

#### 1. Трансформация экономической модели.

ОАЭ демонстрируют успешный переход от экономики, основанной исключительно на эксплуатации природных ресурсов, к диверсифицированной модели, но этот переход еще не завершен окончательно. Его можно рассматривать скорее как процесс. Тем не менее, проведенный анализ факторных условий подтверждает, что страна уже вышла за рамки полной и исключительной сырьевой зависимости. Традиционные преимущества (запасы углеводородов и выгодное географическое положение) сегодня активно дополняются и усиливаются продвинутыми факторами: высоким уровнем развития логистической инфраструктуры, ростом качества человеческого капитала, созданием инновационных кластеров и технопарков.

#### 2. Драйверы конкурентоспособности.

Ключевыми драйверами, формирующими глобальную конкурентоспособность ОАЭ, выступают 2 взаимосвязанных блока:

- институциональная среда и роль государства. Правительство играет системообразующую роль, последовательно реализуя стратегию диверсификации. Создание свободных экономических зон, модернизация законодательства, инвестиции в «умные города» и цифровую экономику формируют благоприятную бизнес-среду, усиливая все детерминанты «ромба».

- кластерное развитие. В экономике четко выделяются два глобально конкурентоспособных кластера — логистико–транспортный (использующий преимущества хаба между Европой, Азией и Африкой) и энергетический (эволюционирующий от добычи нефти и газа к нефтехимии и возобновляемой энергетике). Высокое качество родственных и поддерживающих отраслей (финансы, инжиниринг, сервисы) в ОАЭ создает синергию, снижает издержки и ускоряет технологическое развитие.

#### 3. Устойчивость конкурентных преимуществ.

Современные конкурентные преимущества ОАЭ характеризуются высокой степенью устойчивости. Они основаны не на легкокопируемых факторах, а на сложном сочетании

передовой инфраструктуры, требовательного внутреннего спроса (ориентированного на премиальные и технологичные решения), сильных институтов и развитой инновационной экосистемы. Это делает экономику страны менее уязвимой для прямого копирования со стороны конкурентов.

#### 4. Внешние вызовы и адаптивность.

Несмотря на прочные позиции, страна сталкивается с несколькими ключевыми угрозами глобального масштаба, среди которых можно выделить такие как: климатический переход; энергетическая повестка (риск сокращения долгосрочного спроса на углеводороды); фрагментация мировой экономики и рост протекционизма (угроза для открытой транзитной модели); возможная региональная нестабильность.

Однако реакция ОАЭ на эти вызовы пока демонстрирует высокую адаптивность. Случайные события (шоки цен на нефть, пандемия *COVID-19*) не ослабили экономику, а стали катализаторами ускоренной диверсификации, цифровизации и заключения новых торговых соглашений.

Таким образом, мы приходим к общему выводу о том, что на данном этапе ОАЭ сформировали уникальную и сбалансированную модель конкурентоспособности, в которой богатая ресурсная база служит фундаментом для надстройки в виде экономики знаний и услуг. Страна прочно закрепила за собой статус глобального логистического, финансового и торгового хаба. Дальнейшее укрепление позиций ОАЭ в мировой экономике будет напрямую зависеть от способности наращивать технологический суверенитет и углублять интеграцию в мировые цепочки добавленной стоимости в несырьевых секторах.

### Список литературы

1. Агибалова Е. Л., Строганова И. И., Забазнова Н. М., Мурадова И. Ю. (2017) Исследовательские университеты: их прошлое, настоящее и будущее / В сборнике: Актуальные проблемы общей теории языка, перевода и методики преподавания иностранных языков. Сборник статей по материалам межрегиональной, с международным участием, интернет-конференции. Отв. Ред. Н. В. Бутылов. 2017. С. 59–69. [Agibalova E. L., Stroganova I. I., Zabaznova N. M., Muradova I. Yu. (2017) Research universities: their past, present and future / In the collection: Actual problems of the general theory of language, translation and methods of teaching foreign languages. Collection of articles based on the materials of the interregional, with international participation, Internet conference / ed. N.V. Butylov. 2017. Pp. 59–69. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2018) Кадры как фактор развития цифровой экономики в странах ССАГПЗ // Сегодня и завтра Российской экономики. № 91–92. С. 20–26. [Aidrous I. A. Z., Asmyatullin R. R. (2018) Personnel as a factor in the development of the digital economy in the GCC countries // Today and Tomorrow of the Russian Economy. No. 91–92. Pp. 20–26. (In Russian).]
3. Арабский Восток: текущие проблемы и перспективы роста / Филоник А. О., Руденко Л. Н., Соловьева З. А., Бакланов А. А., Бочарова Л. С., Гукасян Г. Г., Махмутова М. И., Федорченко А. В. Коллективная монография / Москва, 2024. [The Arab East: current problems and growth prospects / Filonik A. O., Rudenko L. N., Solovyova Z. A., Baklanov A. A., Bocharova L. S., Ghukasyan G. G., Makhmutova M. I., Fedorchenko A. V. Collective monograph / Moscow, 2024. (In Russian).]

4. Асмятуллин Р. Р. (2025) Программы цифровой трансформации экономик Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива // Финансовый менеджмент. № 1. С. 53–61. [Asmyatullin R. R. (2025) Programs of digital transformation of economies of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf // Financial Management. No. 1. Pp. 53–61. (In Russian).]

5. Гудзенко А. Е., Кириллов В. Н., Зеленюк А. Н. (2023) Структурные изменения в экономике и внешней торговле ОАЭ // Российский внешнеэкономический вестник. № 6. С. 98–110. [Gudzenko, A. E., Kirillov, V. N., Zelenyuk, A. N. (2023) Structural Changes in the Economy and Foreign Trade of the UAE // Russian Foreign Economic Bulletin. No. 6. Pp. 98–110. (In Russian).] DOI: 10.24412/2072-8042-2023-6-98-11

6. Международные коммерческие операции: теория и практика / Вязовская В. В., Ковалев В. Е., Линецкий А. Ф., Майданик В. И., Плюснина О. М., Савельева И. Н., Семин А. Н., Фальченко О. Д., Юрченко К. П. Екатеринбург, 2019. [International commercial operations: theory and practice / Vyazovskaya V. V., Kovalev V. E., Linetsky A. F., Maidanik V. I., Plyusnina O. M., Savelyeva I. N., Semin A. N., Falchenko O. D., Yurchenko K. P. Yekaterinburg, 2019. (In Russian).]

7. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л. Р., Борисов А. Н., Бяшарова А. Р., Герман Е. И., Голубчик А. М., Демин В. А., Долбик-Воробей Т. А., Ефименко Д. Б., Жанказиев С. В., Илюхина С. С., Карелина Е. А., Кожанков А. Ю., Мальцева М. В., Мамедова И. А., Пак Е. В., Панфилов И. Д., Подхалюзина В. А., Полякова Т. Ю., Савченко-Бельский В. Ю., Савченко-Бельский К. А. и др. Учебник для магистратуры / Москва, 2022. [International transport, international transport policy and transport diplomacy / Bilyalova L. R., Borisov A. N., Vyasharova A. R., German E. I., Golubchik A. M., Demin V. A., Dolbik-Vorobey T. A., Efimenko D. B., Zhankaziev S. V., Ilyukhina S. S., Karelina E. A., Kozhankov A. Yu., Maltseva M. V., Mammadova I. A., Pak E. V., Panfilov I. D., Podkhalyuzina V. A., Polyakova T. Yu., Savchenko-Belsky V. Yu., Savchenko-Belsky K. A., et al. Textbook for Master's degree / Moscow, 2022. (In Russian).]

8. Меланьина М. В., Пономарева В. С. (2021) Цифровое общество в странах Ближнего Востока и Северной Африки: новые возможности // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 10 (118). С. 190–196. [Melanyina M. V., Ponomareva V. S. (2021) Digital society in the Middle East and North Africa: new opportunities // Economics and Management: problems, solutions. Vol. 1. No. 10 (118). Pp. 190–196. (In Russian).] DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.10.01.021

9. Меркулов К. А., Родионова И. А., Русакович В. И. (2016) Экономическая интеграция ОАЭ в мировое хозяйство на региональном и глобальном уровнях. Москва. [Merkulov K. A., Rodionova I. A., Rusakovich V. I. (2016) Economic integration of the UAE into the global economy at the regional and global levels. Moscow. (In Russian).]

10. Николаева Е. А., Воейкова А. А., Каржанова Н. В., Минова М. В. (2021) Проблемы высшего образования Российской Федерации в условиях цифровой глобализации // Экономические науки. № 199. С. 48–51. [Nikolaeva E. A., Voeikova A. A., Karzhanova N. V., Minova M. V. (2021) Problems of higher education in the Russian Federation in the context of digital globalization // Economic sciences. No. 199. Pp. 48–51. (In Russian).]

11. Перспективы развития региональной экономики: Ближний Восток и Центральная Азия. Сохранится ли устойчивость в условиях неопределенности? Окт. 2025. [Prospects for the development of the regional economy: The Middle East and Central Asia. Will it remain stable in the

face of uncertainty? October 2025. (In Russian.) URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/reo/mcd-cca/2025/october/russian/text.pdf>

12. Русакович В. И. (2024) Современные тенденции социально-экономического развития ССАГПЗ: статистический анализ // Международная торговля и торговая политика. Т. 10. № 2 (38). С. 60–73. [Rusakovich V. I. (2024) Modern trends in the socio-economic development of the GCC: a statistical analysis // International trade and trade policy. Vol. 10. No. 2 (38). Pp. 60–73. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2024-2-60-73

13. Соловьёва Ю. В. (2019) Инновационные системы стран Персидского залива: формирование и перспективы развития // Азия и Африка сегодня. № 11. С. 36-42. [Solovieva Yu.V. (2019) Innovative systems of the Persian Gulf countries: formation and development prospects // Asia and Africa today. No. 11. Pp. 36-42. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750007022-6.

14. Федорченко А. В. (2017) Арабский мир: возможен ли экономический ренессанс? // Вестник МГИМО-Университета. № 1 (52). С. 83–100. [Fedorchenko A. V. (2017) The Arab world: is an economic renaissance possible? // Bulletin of MGIMO University. No. 1 (52). Pp. 83–100. (In Russian).]

15. Шкваря Л. В. (2021) Страны Персидского залива: современные тенденции экономического развития. Монография. Ялта. [Shkvarya L. V. (2021) Persian Gulf countries: current trends in economic development. The monograph. Yalta. (In Russian).]

16. Шкваря Л. В. (2019) Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве. Сер. Высшее образование Бакалавриат. Москва, 2019. [Shkvarya L. V. (2019) International economic integration in the global economy. Ser. Higher education Bachelor's degree. Moscow. (In Russian).]

17. Шкваря Л. В., Соловьёва Ю.В. (2019) Трансфер технологий и инновационное развитие: Тенденции и перспективы стран Персидского залива. Москва: Ленанд. [Shkvarya L. V., Solovieva Yu.V. (2019) Technology transfer and innovative development: Trends and prospects of the Persian Gulf countries. Moscow: Lenand. (In Russian).]

18. IMD World Competitiveness, 2025. URL: <https://www.imd.org/centers/wcc/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness-ranking/>

19. IMF Annual Report 2025: Getting to Growth in an Age of Uncertainty September 24, 2025. URL: <https://www.imf.org/en/publications/areb>

20. ITC Trade Map. URL: <https://marketanalysis.intracen.org/en>

21. Global economic prospects (January 2026) / The World Bank group. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content>

22. Global Trade Update (January 2026): Top trends redefining global trade in 2026. URL: <https://unctad.org/publication/global-trade-update-january-2026-top-trends-redefining-global-trade-2026>

23. Human Capital Index 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital>

24. Logistics Performance Index. Connecting to Compete. Trade Logistics in the Global Economy 2023. URL: [https://lpi.worldbank.org/sites/default/files/2023-04/LPI\\_2023\\_report\\_with\\_layout.pdf](https://lpi.worldbank.org/sites/default/files/2023-04/LPI_2023_report_with_layout.pdf)

25. WTO Annual Report 2025. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/booksp\\_e/anrep\\_e/ar25\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/ar25_e.pdf)

26. WTO Stats. URL: <https://stats.wto.org/>

27. WTO Trade Profiles 2023. United Arab Emirates. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/statis\\_e/daily\\_update\\_e/trade\\_profiles/AE\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/AE_e.pdf)

28. WTO Trade Profiles 2025. United Arab Emirates. URL: [https://www.wto.org/english/res\\_e/statis\\_e/daily\\_update\\_e/tariff\\_profiles/AE\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/tariff_profiles/AE_e.pdf)

29. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal>

## **Analysis of the UAE's competitive advantages in the global economy using the Porter Rhomb model**

*Irina Ahmed Zein Aidrous,*

*PhD in Economics, Associate Professor, Independent researcher, Manama, Bahrain.*

*The paper presents a comprehensive analysis of the competitive advantages of the United Arab Emirates (UAE) in the system of international economic relations. The research purpose of the article is to conduct a comprehensive diagnosis of the UAE's competitive advantages based on the determinants of M. Porter's rhomb model (factor conditions, demand, related industries, firm strategy), taking into account the role of the state and the impact of external shocks. The applied goal is to identify the key clusters (logistics and energy) that ensure the UAE's global leadership, assess the sustainability of these advantages, and identify the main external threats to the country's economy in the long term. Based on statistical data from international organizations (the World Bank, UNCTAD, IMF, WTO) for the period 2015–2024, the dynamics and structure of the country's economy, its foreign trade relations and institutional participation in global processes are considered. Special attention is paid to the study of the determinants of UAE competitiveness using the Porter rhomb model. The analysis of factor conditions revealed a combination of the traditional resource base with actively developing advanced factors (human capital, innovative infrastructure). The features of domestic demand, the role of related and supporting industries (logistics, energy and financial clusters), as well as the strategies of firms and the nature of competition are considered. The system-forming role of the state and the impact of external shocks on economic development are separately assessed. The study identified the key globally competitive clusters of the UAE economy — logistics–transport and energy. An assessment of the sustainability of competitive advantages is given, which are based on a complex combination of infrastructural, institutional and innovative factors. The main external threats related to the global energy transition and the fragmentation of the global trading system are highlighted, and the ability of the UAE economy to adapt to modern challenges is shown.*

**Keywords:** *UAE, competitiveness, Porter's Diamond model, economic diversification, international trade, logistics cluster, energy cluster, foreign direct investment, GCC, global supply chains.*

**JEL codes:** *F14, F23, O53.*

Статья поступила в редакцию 15.02.2026 г.

## Тенденции «зеленой» политики Японии

*Русакович Василий Игоревич<sup>1</sup>*

*В статье проанализирована текущая ситуация, проблемы и перспективы «зеленой» политики Японии и связанный с ней процесс декарбонизации, сохраняющий ярко выраженную специфику и актуализирующийся в связи как с глобальными тенденциями декарбонизации, так и необходимостью для Японии сокращения углеродного следа. Цель статьи — комплексно проанализировать процесс декарбонизации в Японии, выявив его предпосылки, основные стратегии, ключевые вызовы и долгосрочные перспективы, а также роль государства. В статье показаны определенные успехи страны в различных сферах декарбонизации — законодательном и институциональном, научном и технологическом, а также практическом. Япония демонстрирует значительные достижения в применении технологических решений в части сокращения углеродного следа. Страна восходящего солнца остается одним из мировых лидеров по инновационным решениям и их внедрениям в повседневную жизнь и различные сферы деятельности государства. Однако, наряду с наличием определенного прогресса, процесс декарбонизации связан в Японии с целым рядом трудностей и проблем, что требует от страны сконцентрировать и систематизировать свои усилия в процессе реализации «зеленой» политики. В заключении делается вывод о том, что пример Японии в контексте декарбонизации — это уникальное сочетание инноваций и мягкого подхода к изменениям. Такое возможно лишь путем грамотно выстроенной государственной политики в области экологии, возможности развития научных исследований и понимания общества. Эмпирическую базу исследования составляют многочисленные официальные документы и аналитические материалы.*

**Ключевые слова:** Япония, «зеленая» политика, «зеленый переход», ВИЭ, климатическая политика, энергетический переход, атомная энергетика.

**JEL коды:** Q48, Q54, Q58, Q42, O53, Q56.

### Введение

Энергетическая трансформация, «зеленая» политика, декарбонизация стали сегодня одним из основных трендов мировой экономики и широко исследуются в научной литературе (Порфирьев, 2022; Шаповалова, 2022; Шкваря, 2025; Шкваря, Абдулай, 2025). Вектор на развитие «зеленой» энергетики распространяется в мире повсеместно. Каждая страна формирует свои планирующие документы с учетом данной повестки и исходя из установок Парижского соглашения об изменении климата от 12 декабря 2015 г., принятого на XXI сессии Конференции Сторон РКИК ООН (Paris Agreement, 2015). Однако в этой сфере остается много «белых пятен». Они касаются исторических, отраслевых, географических, финансовых, научно-технических, кадровых и других аспектов и решений.

---

<sup>1</sup> *Русакович Василий Игоревич* — кандидат экономических наук, генеральный директор ООО «Антарес», Москва, Россия. <https://orcid.org/0009-0006-6705-4275>

Одной из фундаментальных проблем, как отмечается в научных исследованиях, остается глубокая неравномерность как истоков и процесса, так и результатов декарбонизации и основ «зеленой» политики, так как все страны мира имеют разные возможности и ставят неоднородные задачи для этого процесса, особенно в кратко- и среднесрочной перспективе (Tang, Solovieva, 2024). Кроме того, декарбонизация — процесс перехода к климатически нейтральной экономике — перестала быть исключительно экологической инициативой, превратившись в ключевой фактор глобальной экономической конкурентоспособности, технологического развития и энергетической безопасности (Solovieva, He, 2024).

Для Японии «зеленая» политика традиционно сохраняет высокую актуальность с точки зрения необходимости сокращения углеродного следа и природоохранной хозяйственной деятельности. Страна восходящего солнца остается одним из мировых лидеров по инновационным решениям и их внедрениям в повседневную жизнь и различные сферы деятельности государства. В контексте зависимости от импортируемых товаров и желании снизить экологический след инновации и «зеленая политика» — наиболее верные решения для реализации указанных целей (Borsatto, Amui, 2019).

Эксперты обосновывают точку зрения, что общий вектор «зеленого» перехода Японии ориентируется на поступательную трансформацию как хозяйственной, и особенно промышленной, системы, так и социальной сферы через поступательное использование экологически чистой энергии (Стрельцов, 2012). Но этот процесс протекает неоднозначно, что требует изучения опыта Японии с точки зрения теории и практики.

### Результаты исследования

Энергетика традиционно остается крайне важным сегментом японской экономики, и, при отсутствии значительных запасов собственных энергоносителей, стране удается производить весомые объемы электроэнергии (табл. 1) для поддержания динамики и качества социально-экономических процессов.

Авария на АЭС «Фукусима-1» (2011 г.)<sup>1</sup> стала триггером фундаментальной трансформации энергетической парадигмы Японии (Корнеев, Попов, 2019). Вынужденный отказ от доминирования атомной энергетики заставил правительство прибегнуть к поиску альтернативных путей развития энергетики, что привело к формированию комплекса государственных мер по «зеленой» политике и декарбонизации. В качестве стратегии была выбрана концепция «*Society 5.0*», позиционируемая как модель сверхумного общества, где цифровая интеграция (*AI*, *IoT*, робототехника) служит инструментом для достижения экологической устойчивости и оптимизации потребления ресурсов. Ключевым инструментом реализации данной концепции выступает финансирование со стороны Министерства экономики, торговли и промышленности Японии (*METI*), в частности, через механизмы «Зеленого инновационного фонда» объемом свыше 2 трлн иен, ориентированного на поддержку НИОКР в области «зеленых» технологий (Dong Liyan, 2012).

Правительство в 2021 г. обнародовало «Шестой стратегический план по энергетике» на период 2030–2050 гг., где большое внимание уделяется задачам декарбонизации на основе ВИЭ, энергосбережения, энергоэффективности и др. (6-й стратегический план).

---

<sup>1</sup> До аварии на «Фукусиме» в 2011 г. АЭС обеспечивали почти 30% выработки электроэнергии. Сейчас их доля снизилась примерно до 8,5% (Энергетический профиль Японии).

Таблица 1.

Страны–лидеры по ряду энергетических показателей и место Японии, 2023 г.

Страна	Суммарные запасы энергоносителей (оценочно), млрд туг	Рейтинг	Установленная электрическая мощность–нетто, МВт	Рейтинг	Производство электроэнергии–брутто, млн кВтс	Рейтинг	Конечное полезное потребление электроэнергии, млн кВтч	Рейтинг
Китай	130,884	4	2609470	1	8848707	1	7551705	1
США	207,991	2	1198174	2	4495368	2	4006208	2
Индия	70,208	7	487554	3	1816815	3	1403400	3
РФ	221,83	1	3033635	5	1151156	4	822819	5
<b>Япония</b>	<b>0,358</b>	<b>68</b>	<b>385317</b>	<b>4</b>	<b>1018606</b>	<b>5</b>	<b>906725</b>	<b>4</b>
Бразилия	7,139	24	206452	7	677372	6	550942	6
Канада	43,449	9	153744	8	651311	7	536509	8
Р. Корея	0,323	71	148729	10	613888	8	541727	7
Германия	11,66	21	250327	6	580266	9	477745	9
Франция	0,023	98	148739	9	474744	10	414700	10
	Душевое (валовое) потребление электроэнергии, кВтч	Рейтинг	Душевое потребление электроэнергии населением, кВтч/чел.	Рейтинг	Душевое потребление энергоносителей, кг/чел.	Рейтинг	Число часов использования установленной мощности–нетто, часы	Рейтинг
Китай	5349	35	987	66	1328	69	3143	92
США	12012	8	4523	6	4835	6	3604	59
Индия	990	119	255	129	698	113	3437	72
РФ	5658	32	1234	53	2629	17	3558	61
<b>Япония</b>	<b>7250</b>	<b>20</b>	<b>2097</b>	<b>22</b>	<b>1775</b>	<b>47</b>	<b>2535</b>	<b>136</b>
Бразилия	2613	75	738	86	1390	66	3253	81
Канада	10484	6	4610	5	4815	7	4123	30
Р. Корея	10484	11	1452	40	2194	32	3921	41
Германия	5701	31	1602	34	2467	19	2250	159
Франция	6310	25	2364	17	2099	33	3057	100

Источник: Энергетический профиль Японии.

Дело в том, что отрасль эмитирует более 80% выбросов парниковых газов в стране. Поэтому национальное видение сокращения выбросов к 2050 г. — до нетто-нулевого уровня и к 2030 г. — на 46% (относительно 2013 г.), зафиксировано и в целом ряде прочих директивных документов *METI*, других министерств, кабинета министров и иных институций, и должно базироваться на строгом научно-технологическом прогрессе, носить комплексный характер, охватывая ряд различных направлений и областей. В стране был разработан «Шестой базовый план по науке и технологиям» (2021–2026 гг.), «Инновационная энергетическая стратегия» до 2030 г., «Национальная энергетическая и экологическая стратегия технологических инноваций» на период до 2050 г., а также «Стратегия «зеленого» роста до 2050 г.» (обнародована в 2020 г.) (*Japan's 2050 goal*).

Указанные и другие документы, сформировавшие современную правовую базу «зеленой» политики Японии, нацеливают страну, бизнес и общество на реализацию широкого спектра шагов в направлении внедрения энергоэффективности, ВИЭ, сбалансированности отечественного энергетического рынка, других элементов декарбонизации, и в целом на все более осознанное потребление энергии в стране как основе ее энергетического развития и энергоперехода.

Однако наряду с общими тенденциями декарбонизации и «зеленой» повестки, в Японии есть и особенные. Они связаны с тем, что государство нацелено на развитие водородной энергии как долгосрочного тренда, в отличие от других стран. Еще в 2014 г. в Стране восходящего солнца был презентован автомобиль *Toyota Mirai*, один из первых, работающих на водороде. Помимо выпуска водородных автомобилей, правительство расширяет сеть водородных заправок и к 2030 г. планируется увеличить их количество до 1000.

Водородная энергия применяется и в быту. Например, компанией *Panasonic* совместно с местными коммунальными службами осуществляется внедрение систем *ENE-FARM* — домашних топливных элементов, использующих водород для одновременной выработки электричества и горячей воды. В настоящий момент такие установки функционируют более чем в 300 тыс. домохозяйств по всей Японии, обеспечивая снижение потребления энергии из внешней сети на 30–40%. Сравнительный анализ технико-экономических параметров систем *ENE-FARM* и традиционных отопительных котлов демонстрирует существенные различия по ключевым показателям (табл. 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ технико-экономических параметров системы *ENE-FARM* и традиционных отопительных котлов

Параметр	<i>ENE-FARM</i> (водород)	Традиционный котел
КПД использования энергии	До 95%	70–85%
Выбросы $CO_2$	На 30% ниже	Стандартные
Стоимость установки	Высокая (с субсидией)	Низкая
Срок окупаемости	7–0 лет	Не рассчитывается

Источник: составлено автором по: Curtis, Lee, 2019.

Как видно из табл. 2, интегральный коэффициент полезного действия у водородных установок достигает 95%, что на 10–25% превышает показатели традиционных котлов (70–85%). Данное различие обусловлено принципом когенерации, позволяющим вырабатывать как электрическую, так и тепловую энергию с минимальными потерями, тогда как

традиционные системы сжигают топливо исключительно для нагрева теплоносителя. В отношении экологических характеристик годовой объем выбросов  $CO_2$  у *ENE-FARM* на 30% ниже по сравнению с аналогами, что достигается за счет высокой эффективности преобразования водорода и частичного использования возобновляемого сырья, в отличие от традиционных котлов, работающих на ископаемом природном газе. Экономические параметры демонстрируют обратную зависимость: стоимость установки *ENE-FARM* характеризуется как высокая даже с учетом государственных субсидий, что контрастирует с низкой ценой традиционных котлов и обуславливает длительный срок окупаемости водородных систем (7–10 лет), в то время как показатель окупаемости для классических котлов не рассчитывается ввиду их статуса стандартного, неинновационного оборудования с минимальными начальными инвестициями (см. табл. 2).

В век развития цифровых технологий невозможно не оценить их роль в оптимизации энергопотребления. В Японии активно развивается концепция «умных сетей», которые позволяют управлять выделением энергии в зависимости от спроса (например, увеличивать поток энергии в часы наибольшего пребывания людей в определенных местах), погоды. Так, в одной из префектур Японии реализуется проект, в рамках которого предприятия, машины, дома и вся инфраструктура префектуры объединены в единую систему. Ее информационная составляющая собирает данные и в зависимости от ситуации распределяет поток энергии. Например, при избытке энергии от солнечных батарей в домах, она направляется на электрозаправки или в общественные здания.

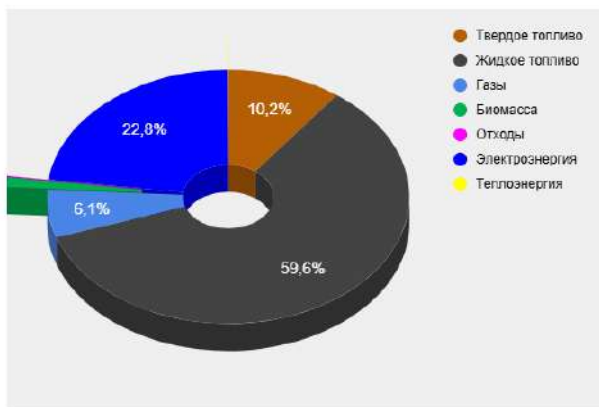
Также во многих домах Японии установлены «умные счетчики» системы *HEMS*. Их основные функции — это сбор данных о количестве потребляемой энергии в доме, анализ и прогнозирование ситуаций, насколько будет увеличиваться потребление энергии в течение дня и регулирование работы приборов в целях экономии электроэнергии. Данные счетчики возможно контролировать или же получать данные о потреблении энергии со смартфона, с помощью приложения, что достаточно удобно для современных реалий.

Япония традиционно демонстрирует высокий уровень культуры обращения с отходами, однако современные экологические вызовы обуславливают необходимость перехода от простой сортировки к глубокой переработке с применением передовых технологий, и последующих циркулярных технологий. Актуальность данного направления подтверждается статистическими данными: согласно отчету Министерства охраны окружающей среды Японии за 2022 финансовый год, общий объем промышленных отходов составил 374,07 млн тонн, при этом уровень рециклинга достиг 54,2%, а окончательное захоронение — лишь 2,4%. По данным Глобального индекса отходов 2025 г., Япония демонстрирует наименьший среди стран ОЭСР объем образования отходов на душу населения — 326 кг в год, из которых 63 кг подвергаются рециклингу, 245 кг сжигаются, и лишь 3 кг направляются на захоронение (Global Waste Index, 2025). В Японии зафиксирован рост производства электроэнергии из отходов (более чем в 2 раза за 1992–2022 гг.), как и конечное потребление этой энергии (рис. 1).

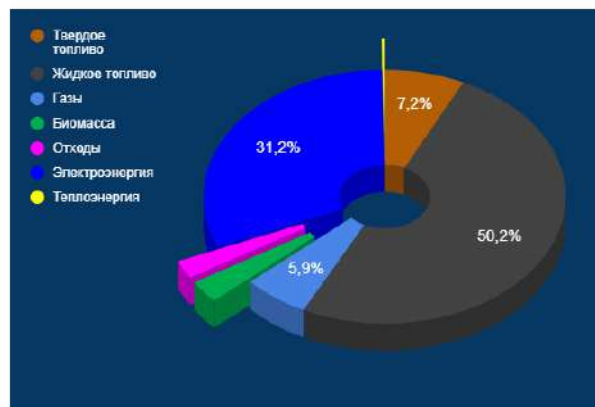
Согласно прогнозам аналитических агентств, рынок технологий переработки отходов в энергию в Японии продемонстрирует устойчивый рост и в перспективе. Ожидается, что в период с 2026 по 2033 гг. этот рынок будет развиваться под влиянием таких факторов, как ужесточение экологических норм, благоприятная государственная политика, растущая осведомленность населения о воздействии традиционных методов утилизации на окружающую среду и внедрение принципов циркулярной экономики. Это позволит рынку

управления промышленными отходами Японии, по оценкам, обеспечить совокупный годовой темп роста более 12,6% в указанный период.

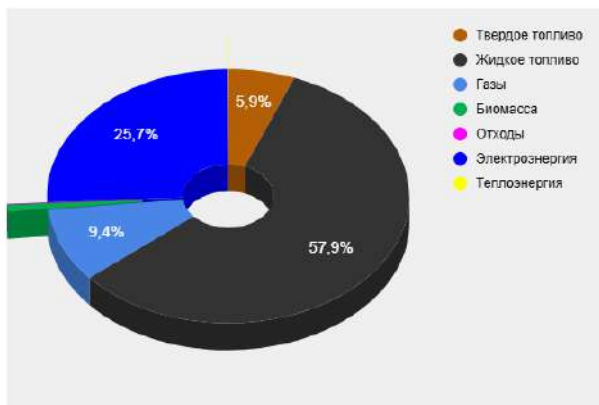
Структура производства энергоносителей в Японии в 1992 году, ПДж (проценты)



Структура производства энергоносителей в Японии в 2022 году, ПДж (проценты)



Структура конечного энергетического потребления в Японии в 1992 году, ПДж (проценты)



Структура конечного энергетического потребления в Японии в 2022 году, ПДж (проценты)

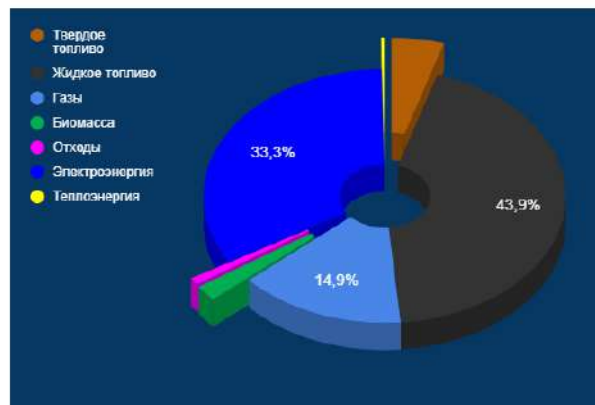


Рис. 1. Структура производства и потребления электроэнергии в Японии в 1992 и 2022 гг., ПДж (%).

Источник: Энергетический профиль Японии.

Сравнительный анализ методов переработки отходов, представленный в табл. 3, выявляет существенные различия в их эффективности и ограничениях. Механическая переработка, обеспечивающая утилизацию до 70% отходов, характеризуется критическим ограничением — применимостью исключительно к чистым фракциям, что подтверждается данными по высокой эффективности рециклинга бумаги (98,3%) и металлов (100%), в отличие от смешанных материалов.

Таблица 3.

Сравнительный анализ методов переработки отходов в Японии

Метод переработки	Эффективность	Ограничения
Механическая переработка	До 70% отходов	Только чистые фракции
Термолиз	До 90% утилизации	Высокие капитальные затраты
Биодеградация	Экспериментальная	Низкая скорость, масштабирование
Сжигание с рекуперацией	Выработка энергии	Выбросы CO <sub>2</sub>

Источник: составлено автором по: Takashi Amemiya, 2018.

Термолиз демонстрирует более высокую эффективность утилизации (до 90%) при существенном недостатке — значительных капитальных затратах на оборудование. Биodeградация, несмотря на экспериментальный статус, низкую скорость и проблемы масштабирования, представляет собой наиболее экологически перспективное направление. Сжигание с рекуперацией энергии, при котором в Японии утилизируется 245 кг отходов на душу населения, позволяет получать тепловую и электрическую энергию, однако сопровождается выбросами  $CO_2$  (Japanese Ministry), что снижает его привлекательность в контексте задач декарбонизации экономики. Таким образом, оптимальная стратегия переработки отходов в Японии предполагает комбинирование различных методов с учетом их экономической эффективности, экологической безопасности и технологической готовности к масштабированию<sup>1</sup>.

Среди технологических прорывов последних лет особого внимания заслуживает внедрение термального пиролиза для переработки пластиковых отходов на предприятиях в Осаке и Фукуоке. Данный метод, основанный на нагреве пластика без доступа кислорода, позволяет преобразовывать отходы в синтетическое топливо или сырье для производства новых полимеров, обеспечивая возможность переработки смешанных и загрязненных фракций, ранее подлежавших исключительно сжиганию. Аналитики прогнозируют, что рынок установок пиролиза твердых отходов в Японии до 2034 г. будет расти умеренными темпами, поддерживаемый строгими экологическими нормами и технологическими инновациями, при этом мировые инвестиции в данную технологию отражают общую тенденцию к поиску устойчивых решений для сокращения отходов и рекуперации энергии. Технологии термической обработки, включая пиролиз, газификацию и сжигание, продолжают доминировать на японском рынке благодаря развитой инфраструктуре и возможности рекуперации энергии.

Значительные успехи достигнуты в области биотехнологий. Исследовательская группа Университета Кэйо под руководством профессора Кэндзи Миямото обнаружила в почве штаммы бактерий, способных разлагать полипропилен с использованием биодеградационного промоутера *P-Life*, что представляет собой важный шаг в решении проблемы переработки микропластика, поскольку полиолефины относятся к их категории, особенно трудно поддающейся разложению (Plastic-munching bacterium found, 2016). Коллективом ученых под руководством Такамасы Миуры идентифицированы новые виды бактерий *Aurantivibrio plasticivorans* и *Aurantivibrio infirmus*, выделенные с побережья Японии и способные разлагать биоразлагаемые пластики, включая очень сложные соединения (Takamasa, et al., 2025). Коллективом Университета Кэйо совместно с корпорацией *Mitsubishi Electric* идентифицированы микроорганизмы, разлагающие трудно перерабатываемый полиуретан. В Киотском университете под руководством профессора Такахито Ватанабэ ведутся работы по изучению бактерий *Rhodococcus wratislaviensis T301*, способных использовать измельченные

---

<sup>1</sup> В Японии в связи с географическими особенностями местности, которые не позволяют производить массовое захоронение отходов, меры по продвижению политики сортировки ТБО и их правильной утилизации были приняты раньше, чем в других странах. На законодательном уровне еще в конце прошлого века был определен курс страны на сохранение экологии, в том числе в деле борьбы с отходами. Принят рамочный Закон о содействии формированию общества с устойчивым материальным циклом, на регулярной основе разрабатываются и принимаются планы по его реализации, отвечающие современным вызовам, стоящим перед страной и миром (см.: Ларионова, 2024).

фрагменты полиэтилентерефталата в качестве единственного источника углерода. В настоящее время исследователи проводят детальный анализ генома данного штамма для выделения ферментов и генов, ответственных за разложение пластика, с целью последующего усиления деградиационной способности методами молекулярной селекции.

Особого внимания заслуживает разработка японскими учеными экологически чистого пластика под названием *LAHB* (лактатный полиэфир), способного разлагаться в экстремальных условиях океана. В ходе эксперимента, проведенного исследователями из Университета Синсю и Университета Гумма, образцы пластика были погружены на глубину 855 м, где при температуре 3,6°C, высоком давлении и дефиците кислорода за 13 месяцев потеряли более 80% своей массы благодаря активной биодеградациии под действием гаммапротеобактерий, выделяющих особые ферменты. При этом обычные пластмассы сохранились в практически неизменном виде. Параллельно исследователи из Центра исследований новых материалов *RIKEN* и Токийского университета под руководством Такудзо Айда разработали пластик, растворяющийся в морской воде за считанные часы и распадающийся на исходные компоненты, которые затем перерабатываются естественными бактериями, что позволяет полностью избежать образования микропластика.

Сравнительный анализ методов переработки отходов выявляет существенные различия в их эффективности и ограничениях. Механическая переработка, обеспечивающая утилизацию до 70% отходов, характеризуется критическим ограничением — применимостью исключительно к чистым фракциям, что подтверждается данными по высокой эффективности рециклинга бумаги и металлов в отличие от смешанных материалов. Термолиз демонстрирует более высокую эффективность утилизации (до 90%) при существенном недостатке — значительных капитальных затратах на оборудование, что является общим ограничением для всего сектора термической переработки наряду с технологическими сложностями и необходимостью контроля выбросов. Биодеградация, несмотря на экспериментальный статус и проблемы масштабирования, представляет собой наиболее экологически перспективное направление, подтверждением чему служат открытия новых штаммов бактерий и разработка быстро разлагаемых полимеров. Сжигание с рекуперацией энергии, при котором в Японии утилизируется значительная доля отходов, позволяет получать тепловую и электрическую энергию, однако сопровождается выбросами  $CO_2$ , что стимулирует развитие более чистых альтернатив. Рынок технологий рекуперации энергии в Японии активно развивается, при этом основными направлениями применения остаются производство тепла и электроэнергии из различных видов сырья, включая твердые бытовые отходы и сельскохозяйственные отходы. Таким образом, оптимальная стратегия переработки отходов в Японии предполагает комбинирование различных методов с учетом их экономической эффективности, экологической безопасности и технологической готовности к масштабированию, при этом государственная поддержка и инвестиции в инновации продолжают стимулировать развитие сектора в соответствии с принципами циркулярной экономики и целями устойчивого развития.

Однако процесс «озеленения» экономики и политики государства в Японии сталкивается с определенными проблемами.

Первая — это инфраструктурный парадокс: успехи статистики и реальность генерации.

Начнем с цифр, которые на первый взгляд выглядят обнадеживающе. Согласно данным Министерства окружающей среды Японии, в 2022/23 финансовом году выбросы парниковых газов составили 1,116 млрд метрических тонн  $CO_2$ -эквивалента, и это самый низкий

показатель за всю историю наблюдений: падение составило 27,1% к уровню 2013 г.; а в 2023/24 финансовом году сокращение продолжилось, приведя выбросы к историческому минимуму в 1,071 миллиарда метрических тонн углекислого газа (Выбросы парниковых газов в Японии, 2025).

Однако за этой позитивной динамикой скрывается структурная проблема. Если мы посмотрим на структуру электрогенерации, то увидим, что Япония по-прежнему «сидит» на углеводородах. В 2024 г. доля ископаемого топлива (природный газ, уголь, нефть) в производстве электроэнергии составила 67,5%. Для сравнения: это почти вдвое выше среднемирового уровня. И вот здесь кроется главный парадокс: угольная генерация не только не снижается, но даже выросла на 0,9% по сравнению с 2023 г., в то время как газовая и нефтяная сократились.

Почему так происходит? Ответ — энергетическая безопасность. После аварии на Фукусиме–1 Япония остановила большинство атомных реакторов<sup>1</sup>. Несмотря на то, что к 2024 г. доля атомной энергии в энергобалансе Японии выросла до 9,4% (благодаря перезапуску двух блоков), этого недостаточно. Возобновляемые источники энергии (ВИЭ), включая гидроэнергию, дают 23%, но главная проблема — их нестабильность. Солнечная энергия (доля которой выросла в 5 раз за последние 10 лет — до 10%) зависит от времени суток. Ветроэнергетика в Японии развита катастрофически слабо — всего 1% в структуре, тогда как в среднем по странам «Большой семерки» этот показатель достигает 11% (Энергетический профиль Японии). Страна восходящего солнца просто не может позволить себе отказаться от угля, так как угольные станции обеспечивают базовую нагрузку сети, когда не светит солнце и не дует ветер.

Второй блок вызовов связан с изменением стратегии крупнейших корпораций. Энергопереход — это дорого, и в условиях глобальной инфляции и геополитической нестабильности бизнес начал отступать. Яркий пример — нефтеперерабатывающий гигант *Eneos Holdings*. Ранее компания планировала к 2040 г. наладить поставки до 4 млн тонн водорода. Водород рассматривался как топливо будущего, способное заменить уголь. Однако в новой трехлетней стратегии, рассчитанной до марта 2028 г., эта цель была тихо удалена, так как растущие издержки делают инвестиции в водород нерентабельными.

Вторая по величине нефтеперерабатывающая компания Японии, *Idemitsu Kosan*, пошла еще дальше. Она сократила бюджет на декарбонизацию с 1 трлн иен до примерно 800 млрд на период с 2023 по 2030 гг. Это прямое следствие макроэкономической ситуации: цены на ископаемое топливо восстановились после пандемии, и вложения в нефть стали приносить более быструю и предсказуемую прибыль, чем долгосрочные и рискованные «зеленые» проекты. Это общемировой тренд, который называют «энергетическими дополнениями» (*energy additions*), когда чистая энергия не заменяет ископаемую, а лишь добавляется к ней, не меняя структуру потребления.

Третий и, пожалуй, самый глубокий вызов — это качество планирования и политическая воля. Япония регулярно становится лауреатом антипремии «*Fossil Award*» («Ископаемый углерод»), которую вручают на конференциях ООН по климату странам,

---

<sup>1</sup> 21 января 2026 г/ Япония возобновила работу крупнейшей в мире атомной электростанции «Касивадзаки-Карива». Был перезапущен реактор №6. Ожидается, что реактор №7 на этой же станции будет запущен не ранее 2030 г. Правительство Японии ставит цель увеличить долю атомной энергетики в выработке электроэнергии до 20% к 2040 г. См. Крупнейшую атомную станцию Японии (2026).

тормозящим энергопереход. В 2024 г. Япония получила этот «приз», будучи членом G7, что особенно унижительно. На прошедшей в 2025 г. конференции COP30 в Бразилии Япония вновь получила антипремию «Фоссил» (или «*Fossil of the Day*» — «звание», присуждаемое странам с наихудшей политикой в области климата) от международной сети «*Climate Action Network*» за отсутствие прогресса в отказе от ископаемого топлива.

Критика строится на двух моментах. Во-первых, цели Японии по ВИЭ к 2040 г. (довести долю до 40–50%) эксперты называют недостаточно амбициозными, учитывая потенциал страны. Например, планы по ветроэнергетике можно увеличить минимум на 25%, но правительство не идет на этот шаг.

Во-вторых, и это самое важное, существует проблема «захвата регулятора». В Японии ключевую роль в формировании климатической политики играет *МЕТИ*. Процесс принятия решений организован так, что в совещательных комитетах доминируют представители крупного бизнеса — тех самых металлургических, автомобильных и энергетических компаний, которые остаются основными загрязнителями. По сути, те, кто должен сокращать выбросы, сами пишут правила игры. Поэтому Япония делает ставку на дорогие и не проверенные в промышленных масштабах технологии, такие как смешивание аммиака с углем на ТЭС. Это позволяет продлить жизнь старым угольным станциям, сохраняя статус-кво, вместо того чтобы форсировать строительство «чистых» ВИЭ.

Перед Японией также стоит технологический вызов: как выстроить гибкую энергосистему, способную аккумулировать энергию от нестабильных источников (солнца и ветра), чтобы безопасно отказаться от угля. А также и экономический: как сделать «зеленые» инвестиции более привлекательными для бизнеса, чем традиционная нефтегазовая рента. Наконец, политический: как реформировать систему принятия решений так, чтобы климатическая политика служила обществу и будущим поколениям, а не интересам текущих владельцев угольных электростанций (Tang, Solovieva, 2024). От того, сможет ли Япония ответить на эти вызовы, зависит не только ее собственный углеродный след, но и судьба технологий, которые она продвигает в Азии.

Таким образом, страна восходящего солнца, известная своими технологическими прорывами, сегодня сталкивается с серьезными рисками на пути к углеродной нейтральности. Эти риски носят комплексный характер и угрожают не только экологическим целям, но и экономической стабильности государства. Япония остается единственной страной «Большой семерки», у которой нет четкого плана по поэтапному отказу от угольной генерации. Еще сегодня уголь обеспечивает почти 1/3 всей электроэнергии в стране.

Возникает закономерный вопрос: как можно сохранить высокую долю ископаемой генерации и одновременно почти полностью устранить выбросы? Эта математическая и технологическая загадка пока не имеет решения. Эксперты международной неправительственной организации «*Reclaim Finance*» называют такой подход «серьезно ошибочной стратегией», которая лишь продлевает жизнь угольным станциям без реального сокращения выбросов. Более того, запущенный правительством механизм долгосрочных аукционов на декарбонизированные мощности показал свою несостоятельность. На торгах 2023–2024 гг. проекты по совместному сжиганию аммиака и водорода получили поддержку лишь на 920 МВт (мегаватт), в то время как новые газовые электростанции на СПГ (сжиженном природном газе) выиграли контракты на 7070 МВт. Это означает, что под видом декарбонизации фактически субсидируется строительство традиционной ископаемой генерации.

Экономические риски декарбонизации в Японии проявились особенно ярко в 2024–2025 гг. Мы наблюдаем процесс, который эксперты называют «возвратом к углеводородам». Инфляция, торговые угрозы и вопросы энергетической безопасности заставили крупнейшие нефтегазовые корпорации пересмотреть свои планы. Компания *Eneos Holdings*, крупнейший нефтепереработчик Японии, официально отказалась от своей цели поставлять до 4 миллионов тонн водорода к 2040 финансовому году. Второй по величине игрок, *Idemitsu Kosan*, сократил инвестиции в декарбонизацию с 1 трлн иен (около 6,9 млрд долларов) до примерно 800 млрд иен в период с 2023 по 2030 гг. Главы этих компаний прямо заявляют, что динамика декарбонизации замедляется, а цели по энергопереходу могут быть отложены. Это происходит на фоне того, что японские мегабанки — *Mitsubishi UFJ Financial Group*, *Mizuho Financial Group* и *Sumitomo Mitsui Banking Corporation* — продолжают активно финансировать угольную отрасль. Только с 2021 г. они выдали кредитов на 23,5 млрд долларов, став 3-ми в мире по величине кредиторами угольной индустрии после Китая и США.

Не менее серьезны риски, связанные с достижением целевых показателей. Аналитическая компания *Cornwall Insight* прогнозирует, что к 2030 г. Япония не сможет ввести запланированные мощности возобновляемой энергетики. Отставание составит 7 ГВт (гигаватт) по наземному ветру, 6 ГВт по морскому ветру и 15 ГВт по солнечной энергетике (Japan's NTT aims).

В результате доля безуглеродных источников в энергобалансе достигнет лишь 41% вместо запланированных 59%. Проблемы носят системный характер: это и устаревшая инфраструктура сетей, и сложности с подключением к сети из-за уникальной двойной частоты тока (50 Гц на востоке и 60 Гц на западе), и ограниченность земельных ресурсов. Экологическая организация «350.org» подсчитала, что новый план Японии по сокращению выбросов к 2035 г. на 60% от уровня 2013 г. все еще на 6 процентных пунктов отстает от требований Парижского соглашения (Renewable pathways).

Наконец, нельзя игнорировать социальные риски и общественное восприятие климатической повестки. Исследование, опубликованное в Японии в 2024 г., показало интересную картину: только около 30% населения либо поддерживают декарбонизацию, либо настроены к ней скептически. Основная масса (48,3%) воспринимают ее просто как существующую проблему, но не более того. А 12,8% японцев и вовсе безразличны к этой теме. Даже среди поколения Z, которое во всем мире считается наиболее экологически сознательным, не наблюдается значительного роста поддержки климатических мер. Исследователи приходят к выводу, что в японском обществе до сих пор не сформировалось конкретного понимания и глубокой дискуссии о декарбонизации. Параллельно с этим программа строительства «домов с нулевым энергопотреблением», которые должны были стать основой углеродной нейтральности в жилом секторе (на который приходится 15% выбросов CO<sub>2</sub>), буксует: более 30% таких домохозяйств не соответствуют заявленным требованиям по энергоэффективности (Треть домов с нулевым энергопотреблением).

Таким образом, Япония оказалась в сложной ситуации. Технологическая ставка на непроверенные методы «чистого» ископаемого топлива, экономическое давление и сворачивание инвестиций со стороны ключевых игроков, а также вялая общественная поддержка создают высокие риски для всего проекта декарбонизации. Страна рискует не только не выполнить свои международные обязательства, но и закрепить свою зависимость от ископаемого топлива на десятилетия вперед, что в конечном итоге ударит как по кошелькам потребителей, так и по конкурентоспособности японской экономики в целом. Без

фундаментального пересмотра подхода — с упором на реальное развитие возобновляемой энергетики и четкий поэтапный отказ от угля — достижение углеродной нейтральности к 2050 г. остается под большим вопросом.

### Заключение

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что тема декарбонизации в мире сейчас является одной из самых острых на повестке и в новостных лентах. Однако, далеко не для каждой страны введение «зеленой» политики может быть выгодно. Так, например, рассматриваемая в данной работе страна — Япония демонстрирует очень высокий уровень технологических решений в части сокращения углеродного следа, во многом основанный на институциональном и научно-техническом факторах. Но при этом страна сталкивается с проблемными вопросами, которые не позволяют раскрыть потенциал возможностей. Почти половина жителей Японии равнодушны к данной проблеме.

Несмотря на ряд рисков и проблем, можно говорить о том, что Япония достаточно успешна в развитии «зеленой» повестки. Япония успешна потому, что она способна сочетать традицию беречь и оберегать и новейшие технологические решения. Люди в Японии исторически настроены на экономию, для них это норма, но не ограничение, что создает возможность внедрять технологии, направленные на сбережение энергии (технологии распределения и экономии энергии в зависимости от загруженности и использования электроприборов).

Пример Японии в контексте декарбонизации — это уникальное сочетание инноваций и мягкого подхода к изменениям. Такое возможно лишь путем грамотно выстроенной государственной политики в области экологии, возможности развития научных исследований и понимания общества.

### Список литературы

1. 6-ой стратегический план по энергетике Японии. [The 6th Strategic Energy Plan of Japan. (In Russian).] URL: <https://www.meti.go.jp/press/2021/10/20211022005/20211022005-1.pdf>
2. Выбросы парниковых газов в Японии сократились на 4% в 2023/24 финансовом году, достигнув рекордно низкого уровня на фоне энергетического перехода (2025). [Greenhouse gas emissions in Japan decreased by 4% in fiscal year 2023/24, reaching an all-time low amid the energy transition (2025). (In Russian).] URL: <https://sigmaearth.com/ru/выбросы-парниковых-газов-в-японии-сократились-на-4%-в-2023-финансовом-году--достигнув-рекордно-низкого-уровня-на-фоне-энергетического-пере/>
3. Корнеев К. А., Попов С. П. (2019) Проблемы формирования энергетической политики Японии // Энергетическая политика. No. 2. С. 44–53. [Korneev K. A., Popov S. P. (2019) Problems of Japan's energy policy formation // Energy policy. No. 2. Pp. 44–53. (In Russian).]
4. Костюкова К. С. (2022) «Зеленая» трансформация Японии и некоторые контуры новой энергетической политики страны // π–Economy issue. Т. 15. № 6. С. 54–70. [Kostyukova K. S. (2022) The «green» transformation of Japan and some contours of the country's new energy policy // π–Economy issue. Vol. 15. No. 6. Pp. 54–70. (In Russian).] DOI: 10.18721/JE.15604

5. Крупнейшую атомную станцию Японии запустили после 15 лет простоя. (2026) [Japan's largest nuclear power plant was launched after 15 years of downtime. (2026) (In Russian).] URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/69736f779a794773df67e3e9?from=copy>
6. Ларионова А. Н. (2024) Опыт Японии в организации и стимулировании отдельного сбора твердых бытовых отходов (ТБО) // Японские исследования. № 3. С. 98–112. [Larionova A. N. (2024) Japan's experience in organizing and stimulating the separate collection of solid household waste (MSW) // Japanese Studies. No. 3. Pp. 98–112. (In Russian).] DOI: 10.55105/2500-2872-2024-2-98-112
7. Порфирьев Б. Н. (2022) Декарбонизация versus — адаптация экономики к климатическим изменениям в стратегии устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. № 4 (193). С. 45–54. [Porfiriev B. N. (2022) Decarbonization versus adaptation of the economy to climate change in the strategy of sustainable development // Forecasting problems. No. 4 (193). Pp. 45–54. (In Russian).]
8. Стрельцов Д. В. (2012) Япония как «зеленая сверхдержава»: монография. Москва: МГИМО Университет. 212 с. [Streltsov D. V. (2012) Japan as a «green superpower»: a monograph. Moscow: MGIMO University. 212 pages. (In Russian).]
9. Третей домов с нулевым энергопотреблением оказались несоответствующими требованиям. В Японии программа по декарбонизации идет со сбоями (2024). [A third of zero-energy homes were found to be non-compliant. In Japan, the decarbonization program is faltering (2024). (In Russian).] URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/tret-domov-s-nulevym-energopotrebleniem-okazalis-nesootvetstvuyushimi-trebovaniyam-20-07-2024.htm>
10. Шаповалова А. Б. (2022) Декарбонизация экономических систем // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. № 3 (42). С. 40–47. [Shapovalova A. B. (2022) Decarbonization of economic systems // Bulletin of the S. Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. № 3 (42). Pp. 40–47. (In Russian).] DOI: 10.21777/2587-554X-2022-3-40-47
11. Шкваря Л. В., Абдулай М. С. Ю. (2025) Возобновляемые источники энергии: опыт стран Африки // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 40–47. [Shkvarya L. V., Abdulai M. S. Yu. (2025) Renewable energy sources: the experience of African countries // Asia and Africa Today. No. 3. Pp. 40–47. (In Russian).] DOI: 10.31857/S0321507525030056
12. Шкваря Л. В. (2025) Декарбонизация как глобальная тенденция и ее основные характеристики // Международная торговля и торговая политика. Т. 11. № 3 (43). С. 5–16. [Shkvarya L. V. (2025) Decarbonization as a global trend and its main characteristics // International Trade and Trade policy. Vol. 11. No. 3 (43). Pp. 5–16. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2025-3-5-16
13. Энергетический профиль Японии. [Japan's Energy Profile (In Russian).] URL: <https://www.eeseaec.org/energetika-azii-i-okeanii/energeticeskij-profil-aponii>
14. Borsatto J. M. L. S., Amui L. B. L. (2019) Green innovation: unfolding the relation with environmental regulations and competitiveness // Resources Conservation and Recycling. Vol. 149. Pp. 445–454. DOI: 10.1016/j.resconrec.2019.06.005
15. Curtis E. M., Lee J. M. (2019) When do environmental regulations backfire? Onsite industrial electricity generation, energy efficiency and policy instruments // Journal of Environmental Economics and Management. Vol. 96. Pp. 174–194. DOI: 10.1016/j.jeem.2019.04.004

16. Dong Liyan. (2012) Japan's Green Economy Development Strategy in the New Century // Japan's Low Carbon Policy and Education. Vol. 28. No. 11. Pp. 65–71. DOI: 10.19484/j.cnki.1000-8934.2012.11.012
17. Global Waste Index, 2025. URL: <https://www.sensoneo.com/global-waste-index/>
18. Japanese Ministry of Economy Trade and Industry (2021): Generation cost analysis working group. URL: [https://www.enecho.meti.go.jp/committee/council/basic\\_policy\\_subcommittee/index.html#](https://www.enecho.meti.go.jp/committee/council/basic_policy_subcommittee/index.html#)
19. Japan's 2050 goal: A carbon-neutral society. Briefing Summary. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698023/EPRS\\_BRI\(2021\)698023\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698023/EPRS_BRI(2021)698023_EN.pdf)
20. Japan's NTT aims to expand renewable energy capacity to 7.5 GW by 2030. URL: <https://www.reuters.com/article/business/energy/japans-ntt-aims-to-expand-renewable-energy-capacity-to-75-gw-by-2030-idUSKBN2410OG/>
21. Paris Agreement, 2015. URL: [https://unfccc.int/files/essential\\_background/convention/application/pdf/english\\_paris\\_agreement.pdf](https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf)
22. Plastic-munching bacterium found (2016). URL: <https://research-highlights.keio.ac.jp/2016/04/b.html>
23. Renewable pathways to climate-neutral Japan. Reaching zero emissions by 2050 in the Japanese energy system. Executive Summary. URL: [https://static.agora-energiewende.de/fileadmin/Projekte/2021/2021\\_03\\_JP\\_2050\\_study/2021\\_LUT-Agora-REI\\_Renewable\\_pathways\\_Summary.pdf](https://static.agora-energiewende.de/fileadmin/Projekte/2021/2021_03_JP_2050_study/2021_LUT-Agora-REI_Renewable_pathways_Summary.pdf)
24. Solovieva Yu., He M. (2024) Impact of green financial innovations on the development of the Chinese economy // Vostok (Orient). № 6. Pp. 99–106. DOI: 10.31696/S086919080030478-2
25. Takamasa M., Rieko K., Kohei H., Mamiko Sh., Moriyuki H., Tomoyo M., Yoko K., Yoshiyuki I., Shun'ichi I., Yoko F., Risa Y., Dai-ichiro K., Asuka A., Kazuya F., Tatsuya Ue., Kunifumi T., Yoshihito Ue., Kei K. (2025) *Aurantivibrio plasticivorans* gen. nov., sp. nov. and *Aurantivibrio infirmus* sp. nov., biodegradable plastic-degrading bacteria belonging to the family Cellvibrionaceae, isolated from the coast of Japan // International Journal of Systematic and Evolutionary Microbiology. Vol. 75. Is. 9. DOI: 10.1099/ijsem.0.006920
26. Takashi Amemiya. (2018) Current State and Trend of Waste and Recycling in Japan // International Journal of Earth & Environmental Sciences. Vol. 3. Is. 2. DOI: 10.15344/2456-351X/2018/155
27. Tang Zh., Solovieva Yu. V. (2024) Empirical Analysis and Research of Low-Carbon Economy Development Trends in China, Japan and South Korea // Russian and Chinese Studies. Vol. 8. № 1. Pp. 37–45. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).37-45

## **Trends in Japan's «Green» Policy**

*Vasily I. Rusakovich,*

*PhD of Economic Sciences, General Director of Antares LLC, Moscow, Russia.*

*The article analyzes the current situation, problems and prospects of Japan's «green» policy and the associated decarbonization process, which retains pronounced specificity and is being updated in connection with both global trends in decarbonization and the need for Japan to reduce its carbon footprint. The purpose of the article is to comprehensively analyze the decarbonization process in Japan, identifying its prerequisites, main strategies, key challenges and long-term prospects, as well as the role of the state. The article shows certain successes of the country in various areas of decarbonization — legislative and institutional, scientific and technological, as well as practical. Japan is making significant progress in applying technological solutions to reduce its carbon footprint. The Land of the Rising Sun remains one of the world leaders in innovative solutions and their implementation in everyday life and various spheres of government activity. However, along with some successes, the decarbonization process in Japan is associated with a few difficulties and problems, which requires the country to concentrate and systematize its efforts in the process of implementing a «green» policy. In conclusion, it is concluded that Japan's example in the context of decarbonization is a unique combination of innovation and a gentle approach to change. This is possible only through a well-designed state policy in the field of ecology, the possibility of developing scientific research and understanding society. The empirical basis of the research consists of numerous official documents and analytical materials.*

**Keywords:** *Japan, «green» policy, «green» transition, renewable energy, climate policy, energy transition, nuclear energy.*

**JEL codes:** *Q48, Q54, Q58, Q42, O53, Q56.*

Статья поступила в редакцию 15.12.2025 г.

## Российский рынок акций последние пять лет: сравнительный анализ эффективности инвестиционных стратегий

Чернова Мария Владимировна<sup>1</sup>,  
Савин Владимир Юрьевич<sup>2</sup>

*В статье представлен сравнительный анализ эффективности трех стратегий формирования инвестиционного портфеля на российском фондовом рынке в период 2020–2025 гг., включающий кризисные фазы и периоды восстановления. Объектом исследования выступают портфель, максимизирующий коэффициент Шарпа, портфель глобальной минимальной дисперсии (GMV) и портфель равных весов. Актуальность работы обусловлена высокой волатильностью российского рынка, необходимостью выбора оптимальной стратегии в условиях санкционного давления, макроэкономической нестабильности и структурных изменений экономики.*

*На основе дневных котировок 11 наиболее ликвидных российских акций и динамики индекса ИМОЕХ авторами рассчитаны расширенные метрики эффективности: коэффициенты Шарпа, Сортино, Калмара и Омега, показатели риска (VaR, CVaR, максимальная просадка), а также характеристики распределения доходностей и показатель Херста для оценки трендовой составляющей. Использование методов оптимизации в рамках теории эффективной границы Марковица позволило провести ранжирование стратегий по годам и выявить их специфику в различных рыночных условиях.*

*Результаты демонстрируют, что ни одна из стратегий не является универсально лучшей: оптимальный по Шарпу портфель показывает наилучшие результаты в периоды восстановления рынка (2020, 2023 гг.), но характеризуется высокой концентрацией вложений, волатильностью и чувствительностью к шокам; GMV–портфель обеспечивает наилучшую защиту капитала в кризисный период (2022 г.) благодаря широкой диверсификации; портфель равных весов демонстрирует наиболее стабильные и сбалансированные результаты на всем инвестиционном горизонте. Результаты исследования могут быть использованы частными и квалифицированными инвесторами для оптимизации управления рисками и повышения доходности своих вложений.*

**Ключевые слова:** портфельная теория, коэффициент Шарпа, GMV–портфель, диверсификация, российский рынок акций, управление рисками, эффективная граница.

**JEL коды:** G11, G17, C61.

<sup>1</sup> Чернова Мария Владимировна — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры финансовых рынков, технологий и регулирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС, Президентская академия), Москва, Россия,

<sup>2</sup> Савин Владимир Юрьевич — специалист отдела валютного контроля АО «Экспобанк», Москва, Россия.

## Введение

Последние 5 лет оказались достаточно непростыми для Российского рынка акций, который вынужден функционировать в таких сложных условиях, как остаточные последствия пандемии и постоянно обновляющиеся санкции недружественных стран. Вопрос выбора оптимальной инвестиционной стратегии всегда оставался центральным в теории и практике управления портфелем ценных бумаг (Бригхем, Гапенски, 2005; Black, Litterman, 1992; Fabozzi, et al., 2002) и становится еще актуальней в складывающейся сложной ситуации в стране и мире в целом. (Воронова и др., 2023).

Классическая теория Марковица предлагает математический аппарат для формирования эффективного портфеля (Markowitz, 1952), однако на практике инвесторы сталкиваются с проблемой нестабильности рыночных параметров и чувствительности оптимизационных моделей к входным данным (Соловьев, 2012). В связи с этим возникает исследовательский вопрос: какая из стратегий формирования портфеля демонстрирует наилучшие результаты на российском фондовом рынке в различные рыночные периоды, и существует ли универсальная стратегия, превосходящая другие на длительном горизонте?

Цель настоящего исследования заключается в сравнительном анализе трех принципиально различных подходов к формированию инвестиционного портфеля:

1. Классическая оптимизация по максимуму коэффициента Шарпа (Шарп, Александер, Бэйли, 2001);
2. Портфель глобальной минимальной дисперсии (*GMV*) (Clarke, De Silva, 2006);
3. Наивная стратегия равных весов, не требующая оптимизационных расчетов (DeMiguel, Garlappi, 2009).

Новизна работы состоит в применении расширенного набора метрик эффективности, включая современные показатели риска (*VaR*, *CVaR*) и соотношения риск-доходность (коэффициенты Сортино, Калмара, Омега), что позволяет получить многомерную оценку качества каждой стратегии.

### Математическая основа формирования портфелей

В основе анализа лежит классическая задача оптимизации портфеля Марковица.

Для портфеля из  $n$  активов ожидаемая доходность определяется как:

$$E[R_p] = \sum_{i=1}^n w_i \cdot E[R_i] = w^T \cdot \mu, \quad (1)$$

где  $w = (w_1, w_2, \dots, w_n)^T$  — вектор весов активов;

$\mu = (E[R_1], E[R_2], \dots, E[R_n])^T$  — вектор ожидаемых доходностей.

Риск портфеля измеряется стандартным отклонением доходности:

$$\sigma_p = \sqrt{w^T \cdot \Sigma \cdot w}, \quad (2)$$

где  $\Sigma$  — ковариационная матрица (Горелик, Золотова, 2024) доходностей активов размера  $n \times n$ .

Оптимальный по Шарпу портфель находится путем максимизации коэффициента Шарпа:

$$\max_w SR = \frac{w^T \cdot \mu - R_f}{\sqrt{w^T \cdot \Sigma \cdot w}}, \quad (3)$$

где  $R_f$  — безрисковая ставка.

$GMV$ -портфель (*Global Minimum Variance*) минимизирует риск без учета доходности:

$$\min_w \sigma_p^2 = w^T \Sigma w, \quad (4)$$

Портфель равных весов задается тривиально:

$$\forall i: w_i = \frac{1}{n}, \quad (5)$$

Все портфели рассчитаны при ограничениях:

$$\forall i: \sum_{i=1}^n w_i = 1, w_i \geq 0, \quad (6)$$

где  $n$  — количество активов, из которых составляется портфель.

### Метрики эффективности

Для оценки качества портфелей использовался расширенный набор метрик.

Коэффициент Сортино учитывает только отрицательную волатильность:

$$Sortino = \frac{R_p - R_f}{\sigma_d}, \quad (7)$$

где  $\sigma_d = \sqrt{\frac{1}{T} \sum_{t=1}^T \min(0, R_{p,t} - r_f)^2}$ .

Коэффициент Калмара:

$$Calmar = \frac{R_p - R_f}{|MDD|}, \quad (8)$$

где  $MDD$  — максимальная просадка (англ. max dropdown)  $MDD = \min_{t \in [0, T]} \left( \frac{V_t - \max_{s \in [0, t]} V_s}{\max_{s \in [0, t]} V_s} \right)$ .

Коэффициент Омега (Balter, Chau, Schweizer, 2024):

$$\Omega(\tau) = \frac{\int_{\tau}^{\infty} (1 - F(x)) dx}{\int_{-\infty}^{\tau} F(x) dx}, \quad (9)$$

где  $F(x)$  — функция распределения доходностей,  $\tau$  — пороговое значение ( $= 0$ ).

*Value-at-Risk (VaR)* (Jorion, 2006):

$$VaR_{\alpha} = -\inf\{x \in \mathbb{R}: F(x) \geq \alpha\}, \quad (10)$$

*Conditional Value-at-Risk (CVaR)*:

$$CVaR_{\alpha} = -E[R | R \leq -VaR_{\alpha}]. \quad (11)$$

Показатель Херста оценивается через соотношение:

$$E \left[ \frac{R(n)}{R(1)} \right] = n^H. \quad (12)$$

### Исходные данные и алгоритм тестирования

Исходными данными для исследования послужили дневные котировки одиннадцати наиболее ликвидных российских акций, котируемые на Московской бирже: Газпром (*GAZP*), Норникель (*GMKN*), Лукойл (*LKOH*), Московская биржа (*MOEX*), Новатэк (*NVTK*), Полюс (*PLZL*), Роснефть (*ROSN*), Сбербанк (*SBER*), Татнефть (*TATN*), ВТБ (*VTBR*), Яндекс (*YDEX*). Безрисковые ставки определялись на основе средневзвешенной ставки по депозитам физических лиц в *RUB* (без учета Сбербанка) сроком до 1 года (без «восстановления») с ежемесячным реинвестированием (с декабря предыдущего года по декабрь текущего года) по ставке на конец каждого месяца \* 0.6 + доходность денежного рынка за год (*LQDT ETF*) \* 0.4. В качестве бенчмарка используется рыночный индекс *IMOEX*. Для каждого года с 2020 по 2025 гг. использовался следующий алгоритм: на данных предыдущего года рассчитывались ожидаемые доходности и ковариационная матрица, на основе которых формировались оптимальные веса для трех стратегий, после чего эффективность оценивалась на данных текущего года.

### Пример нахождения оптимального портфеля

Продемонстрируем пример нахождения оптимального по Шарпу портфеля на 2020 г. В качестве обучающей выборке используем котировка акций и индекса за 2019 г. Для каждого актива рассчитывается риск (стандартное отклонение доходности), а также ожидаемая доходность с помощью модели ценообразования капитальных активов (*CAMP*):

$$R_i = R_f + \beta_i \cdot (R_m - R_f), \quad (13)$$

где  $\beta = \frac{Cov(R_i, R_m)}{\sigma^2(R_m)}$  — коэффициент рыночного риска (Севрюгин, 2009).

Так как ожидаемая доходность актива формируется из комбинации доходности безрискового актива и премии за риск (Lintner, 1965), оптимальный портфель будет находиться в точки касания линии рынка капитала (*CML*) и эффективной границы, сформированной из портфелей оптимальных в соотношениях риска и доходности.

Для нахождения оптимального *GMV*-портфеля используются котировки акций за 2019 г. для нахождения ковариационной матрицы активов, а веса активов в портфеле минимального риска.

На рис. 1 видно, что не один из отдельно взятых активов не является оптимальным в соотношении риска и ожидаемой доходности, а также не может дать минимального риска отклонения доходности. Лишь комбинируя активы в определенных пропорциях возможно получить портфель с необходимыми свойствами.

Высокую концентрацию портфеля в малом количестве активов можно охарактеризовать как аномалию в периоды высокой неопределенности на рынке акций.

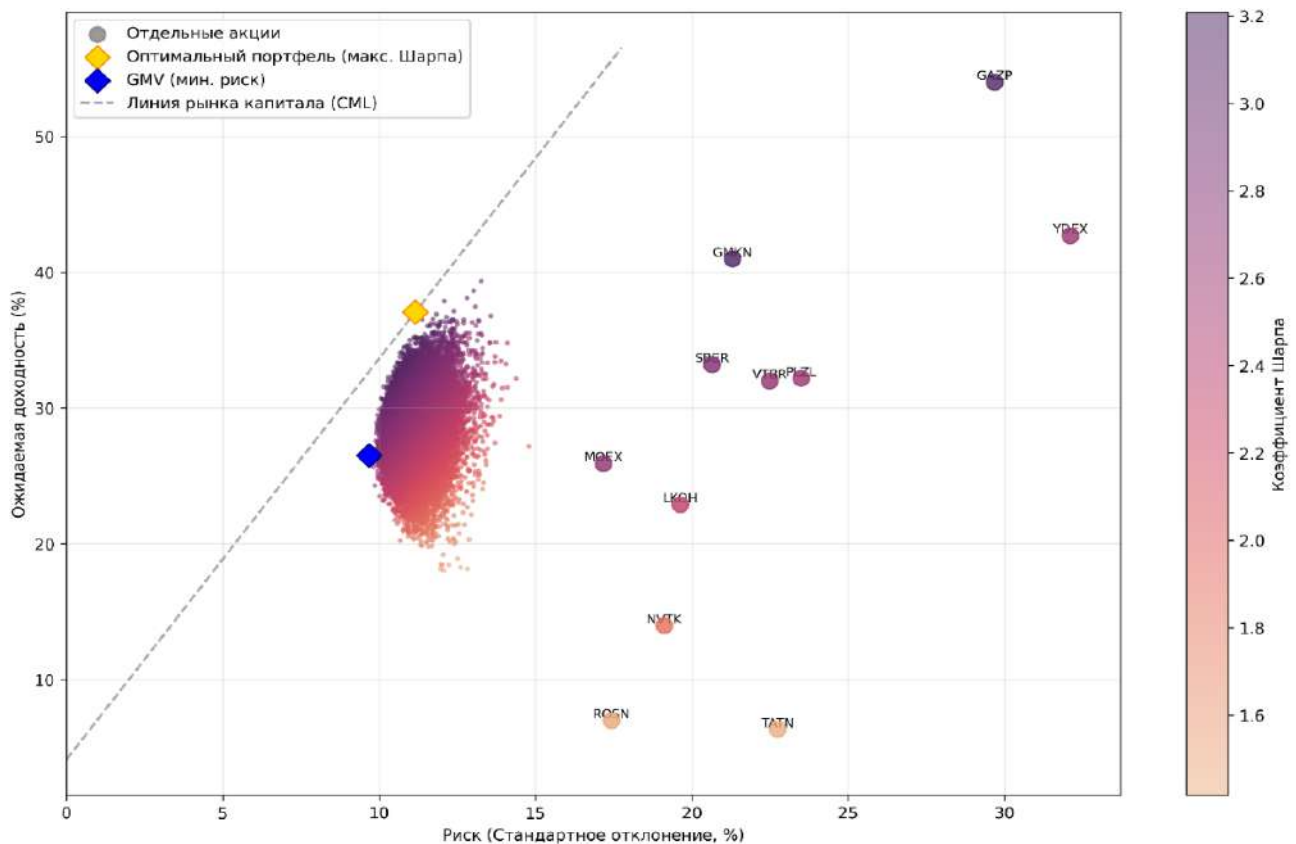


Рис. 1. Эффективная граница и оптимальные портфели.

Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

### Структура весов оптимальных портфелей

Тепловые карты весов портфелей (рис. 2, 3) раскрывают принципиальные различия в структуре оптимального по Шарпу и *GMV*-портфелей. Оптимальный по Шарпу портфель характеризуется высокой концентрацией: в отдельные годы до 60–80% капитала приходится на 2–3 с наилучшим соотношением риск-доходность. *GMV*-портфель, напротив, демонстрирует высокую дисперсию весов, равномерно распределяя капитал между 7–9 акциями. Это согласуется с теоретическим положением о том, что минимизация риска достигается через широкую диверсификацию.

Вес каждой акции в *GMV*-портфеле редко превышает 20%, что обеспечивает защиту от рисков отдельных акций. Портфель равных весов по определению имеет равномерное распределение (9,09% на каждую из 11 акций).



Рис. 2. Матрица весов оптимальных портфелей.  
 Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).



Рис. 3. Матрица весов GMV-портфелей.  
 Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

### Анализ эволюции ковариаций активов

Анализируемый период 2020–2025 гг. характеризуется высокой волатильностью и сменой рыночных режимов (рис. 4). График эволюции ковариаций наглядно демонстрирует, как менялась структура взаимосвязей между активами. Средняя ковариация рассчитывалась как:

$$\overline{\sigma_{ij}} = \frac{2}{n(n-1)} \sum_{i=1}^{n-1} \sum_{j=i+1}^n \sigma_{ij}. \quad (14)$$

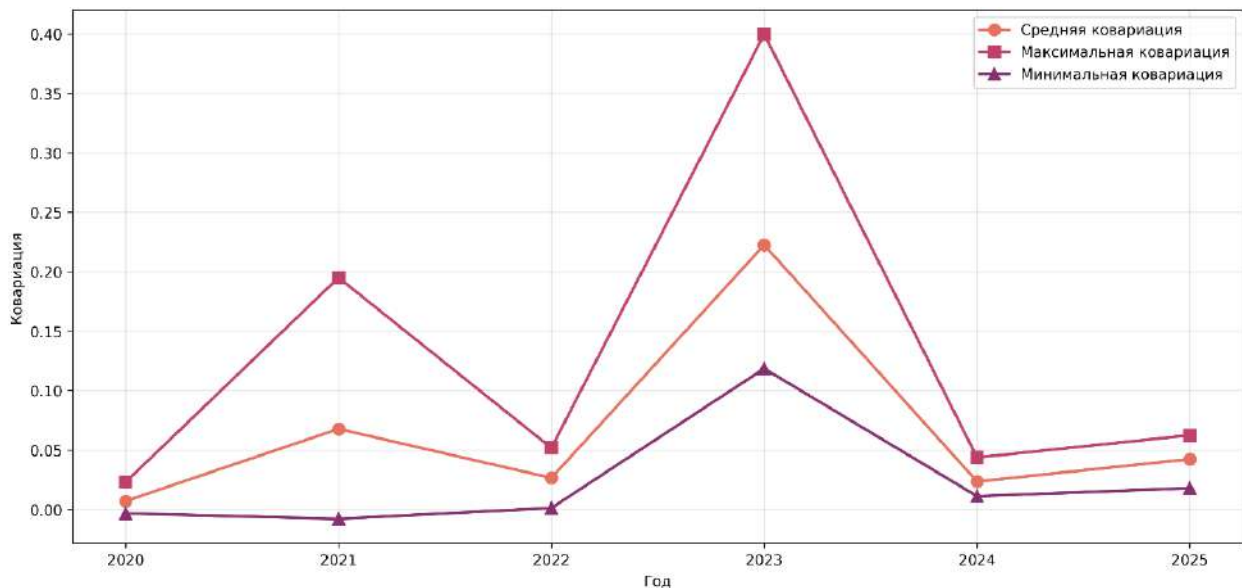


Рис. 4. Эволюция ковариаций между активами по годам.

Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

Пиковые значения ковариаций приходятся на 2023 г. (средняя ковариация 0.223), что свидетельствует о синхронизации движений акций в период восстановления после кризиса 2022 г. Минимальные значения наблюдались в 2020 г. (0.007), что отражает разнонаправленную динамику после кризиса в период пандемии. Интересно отметить, что в кризисный 2022 г. ковариации были умеренными (0.027), что указывает на гетерогенность реакции различных секторов на шок.

### Сравнительный анализ эффективности стратегий

На рис. 5 представлена динамика накопленной доходности всех стратегий за период 2020–2025 гг. Отчетливо видно, что траектории существенно различаются: оптимальный портфель по Шарпу демонстрирует наибольшую амплитуду колебаний, показывая в максимальную доходность на конец тестового периода, так и максимальную просадку. *GMV*-портфель — наиболее плавную динамику, показывая в моменте максимальную доходность, но не смог превзойти по этому показателю оптимальный по Шарпу и равнозначный портфели к концу тестового периода.

Важно отметить, что все тестовые портфели смогли превзойти по доходности рыночный индекс.

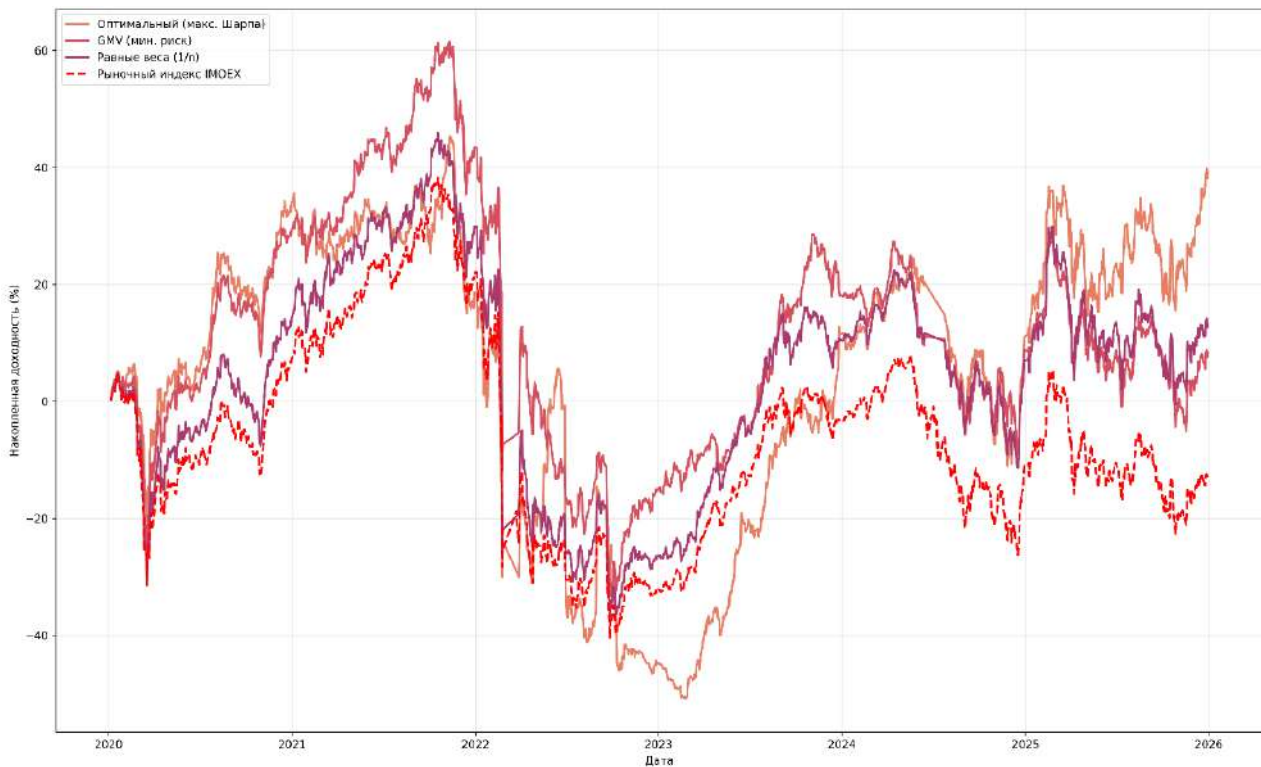


Рис. 5. Сравнение доходности портфелей за весь период.

Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

Важно отметить закономерность — как тестовые портфели, так и рыночный индекс синхронно реагируют на различные внешние факторы: пандемия *COVID-19*, геополитические риски связанные с началом СВО, начало цикла повышения ключевой ставки ЦБ Российской Федерации.

Тестовые портфели преимущественно превосходят рыночный индекс по доходности, даже в периоды снижающегося тренда на рынке акций.

Рис. 6 визуализирует все портфели в координатах «доходность — риск». При этом отчетливо можно выделить несколько кластеров:

- 1) кластер портфелей 2020 и 2021 гг. оптимальны по доходности при умеренном риске;
- 2) кластер портфелей 2022 г. находится в левом нижнем квадранте (высокая отрицательная доходность при максимальном риске);
- 3) кластер портфелей 20223 г. демонстрируют максимальную доходность при оптимальном риске;
- 4) кластер портфелей 2024–2025 г. сконцентрированы в диапазоне умеренно отрицательной доходности при умеренном риске.

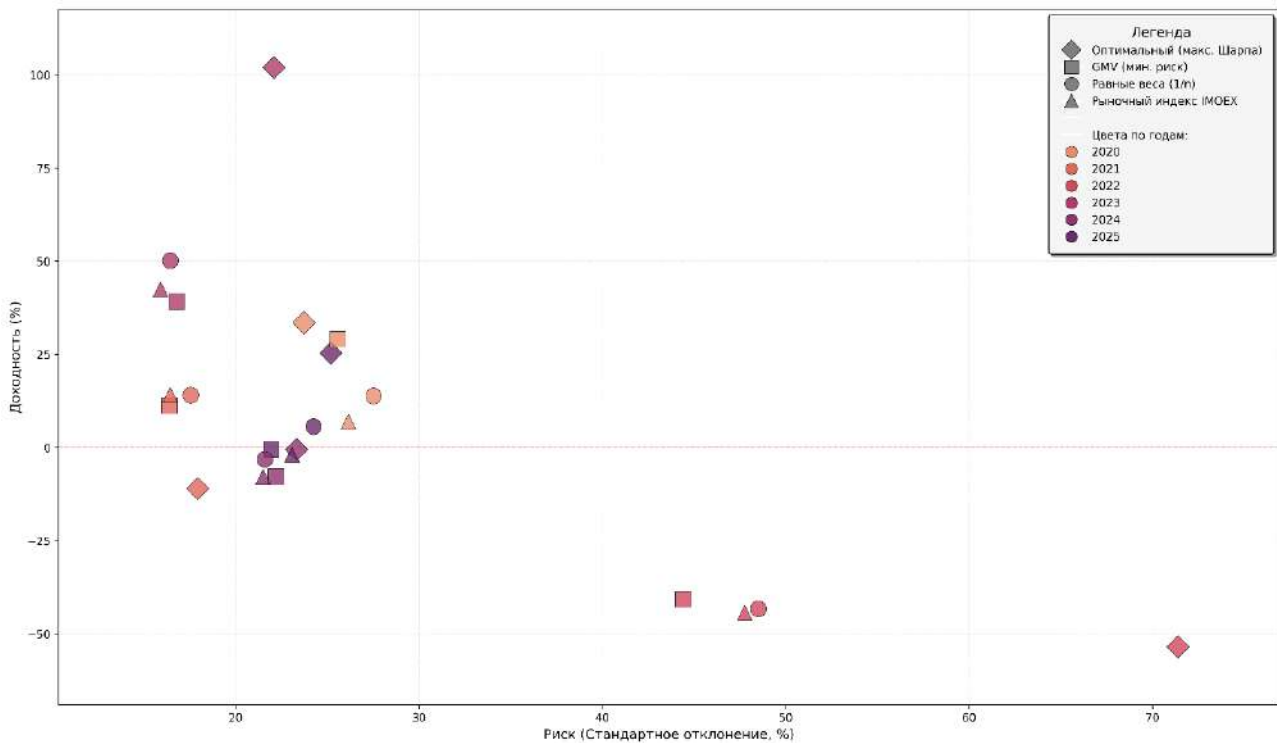


Рис. 6. Соотношение доходности и риска по годам.  
 Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

### Анализ стабильности метрик во времени

Графики скользящих метрик с окном 60 дней позволяют оценить стабильность характеристик портфелей во времени. Скользящая доходность рассчитывалась как:

$$R_t^{\text{rolling}} = \prod_{i=t-59}^t (1 + R_i) - 1. \quad (15)$$

Скользящая волатильность:

$$\sigma_t^{\text{rolling}} = \sqrt{252} \cdot \sqrt{\frac{1}{59} \sum_{i=t-59}^t (R_i - \bar{R}_t)^2}. \quad (16)$$

Скользящий коэффициент Шарпа:

$$SR_t^{\text{rolling}} = \frac{R_t^{\text{rolling}}}{\sigma_t^{\text{rolling}}}. \quad (17)$$

По каждой метрике наибольшей амплитудой обладает оптимальный по Шарпу портфель (рис. 7). *GMV*-портфель показывает наиболее сглаженную динамику с наименьшим диапазоном колебаний. Скользящий коэффициент Шарпа оптимального портфеля в

отдельные периоды достигал значений выше 1.5, но также уходил в глубоко отрицательную зону, тогда как *GMV*-портфель удерживал этот показатель в относительно узком диапазоне.

Равнозначный портфель сочетает в себе умеренный диапазон, так и оптимальную устойчивость.

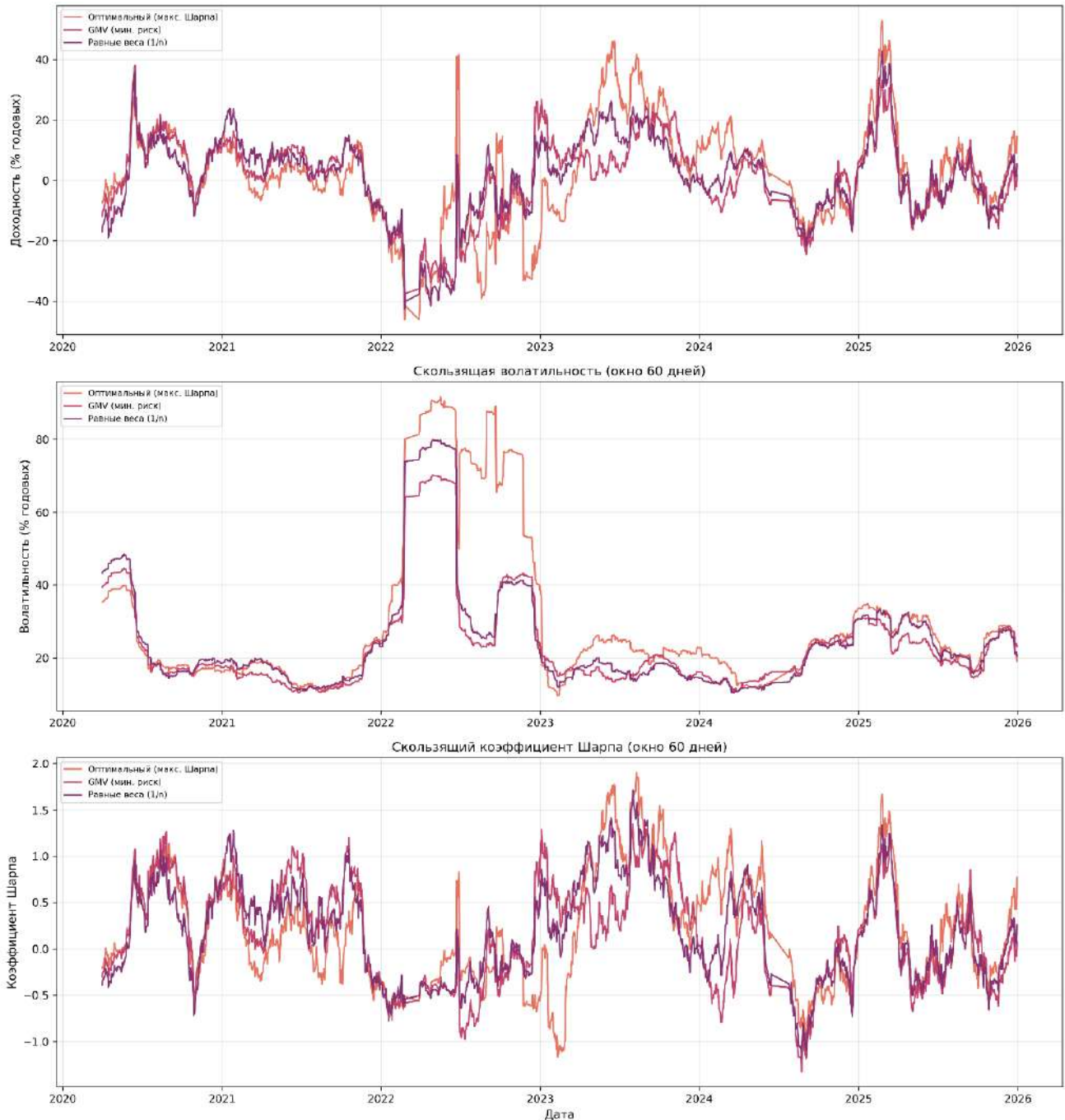


Рис. 7. Скользящие метрики эффективности.

Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

### Анализ метрик эффективности

Тепловая карта метрик представляет нормализованные значения восьми ключевых показателей для всех портфелей по годам. Нормализация проводилась по формуле:

$$x_{norm} = \frac{X - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}. \quad (18)$$

Анализ тепловой карты позволяет выявить следующие закономерности:

- 1) оптимальный портфель доминирует в 2020 и 2023 гг. по большинству метрик;
- 2) *GMV*-портфель показывает лучшие результаты в кризисном 2022 г. по показателям риска;
- 3) портфель равных весов демонстрирует наиболее сбалансированные результаты во всех периодах;
- 4) 2023 г. является аномальным по всем метрикам для всех стратегий.

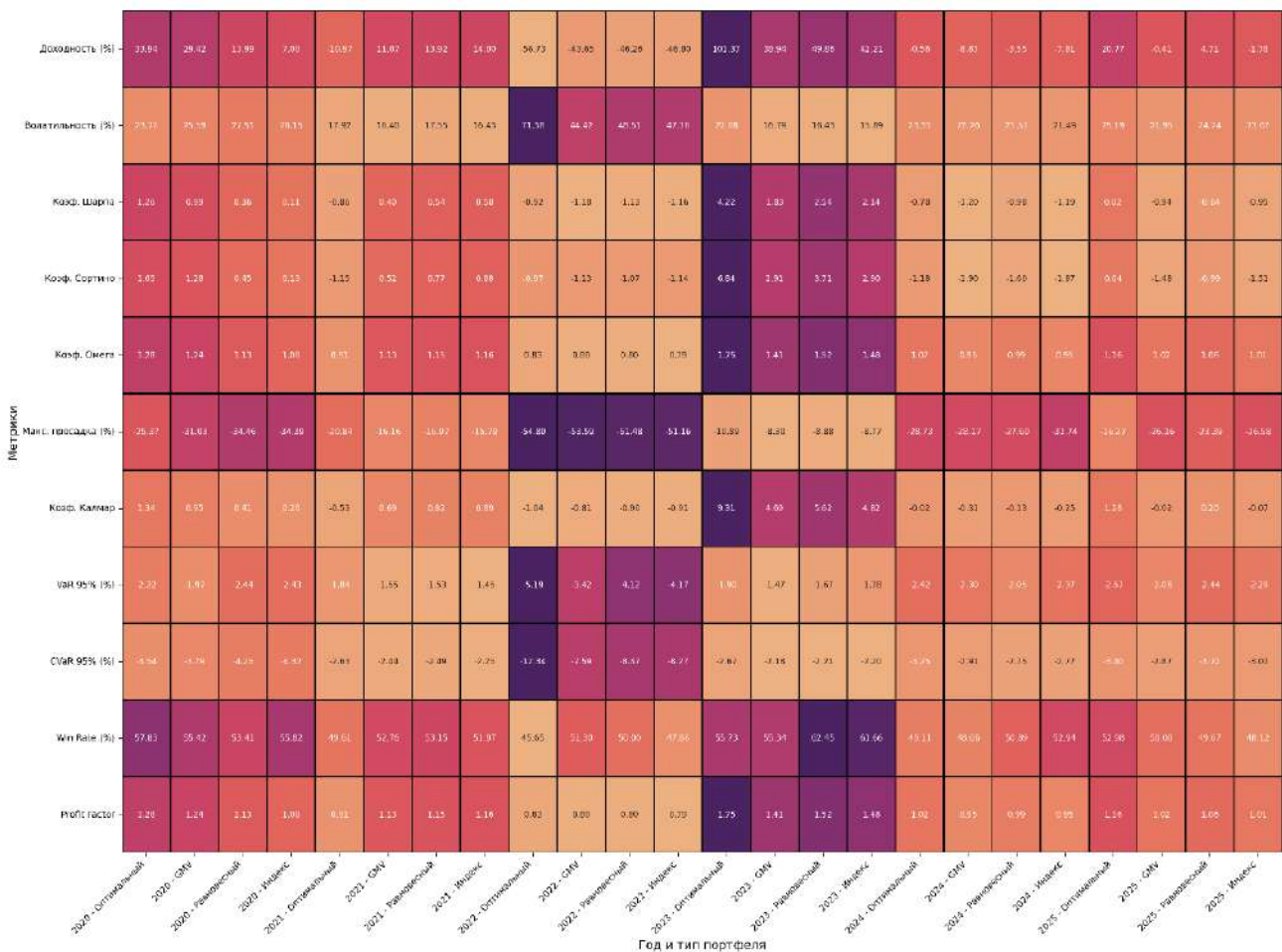


Рис. 8. Сравнение метрик портфелей по годам.  
 Источник: составлено авторами по данным ФИНАМ (Python).

### Ранжирование стратегий

Для интегральной оценки стратегий было проведено ранжирование по трем критериям: доходность, риск и коэффициент Шарпа. Итоговый ранг определялся как:

$$Rank_{total} = \frac{Rank_{return} + Rank_{risk} + Rank_{sharpe}}{3}. \quad (19)$$

Ранжирование стратегий по годам представлено в табл. 1.

Таблица 1.

Ранжирование стратегий по годам

Год	1 место	2 место	3 место	3 место
2020	Оптимальный	<i>GMV</i>	Равных весов	Индекс
2021	Индекс	<i>GMV</i>	Равных весов	Оптимальный
2022	<i>GMV</i>	Равных весов	Индекс	Оптимальный
2023	Оптимальный	Равных весов	Индекс	<i>GMV</i>
2024	Оптимальный	Равных весов	Индекс	<i>GMV</i>
2025	Оптимальный	<i>GMV</i>	Равных весов	Индекс

Источник: составлено авторами по результатам расчетов.

### Обоснование наблюдаемых закономерностей

Оптимальный по Шарпу портфель решает задачу максимизации коэффициента Шарпа. Решение этой задачи чувствительно к ошибкам оценки ожидаемой доходности, что в условиях высокой волатильности российского рынка приводит к экстремальным весам и высокой концентрации. В периоды восстановления (2020, 2023 гг.) ошибки оценки минимальны, и стратегия показывает выдающиеся результаты. В кризисные периоды (2022 г.) ошибки оценки максимальны, что приводит к катастрофическим результатам.

*GMV*-портфель решает задачу минимизации стандартного отклонения доходности, которая зависит только от ковариационной матрицы, оцениваемой с большей точностью, чем ожидаемые доходности. Это обеспечивает устойчивость стратегии в кризисные периоды, но ограничивает потенциал роста в периоды восстановления.

Портфель равных весов можно рассматривать как стратегию, которая минимизирует влияние ошибок спецификации модели и обеспечивает максимальную диверсификацию, что подтверждается наименьшим разбросом рангов по годам.

### Выводы и рекомендации

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

1. Отсутствие универсально лучшей стратегии: каждая из рассмотренных стратегий демонстрирует свои преимущества в определенных рыночных условиях. Оптимальный по Шарпу портфель показывает наилучшие результаты в периоды восстановления и роста, *GMV*-портфель обеспечивает лучшую защиту в кризисы, а портфель равных весов характеризуется наибольшей стабильностью результатов на длительном горизонте.

2. Преимущества *GMV*-подхода: портфель минимальной дисперсии, ориентированный исключительно на минимизацию риска, парадоксальным образом показывает конкурентоспособную доходность в долгосрочной перспективе при существенно более низкой волатильности. Это делает его привлекательным для консервативных инвесторов.

3. Устойчивость наивной диверсификации: стратегия равных весов, не требующая сложных оптимизационных расчетов, демонстрирует результаты, сопоставимые с оптимизированными портфелями, а по показателям стабильности и фактору прибыли часто их превосходит.

4. Низкая корреляция стратегий: корреляция между оптимальным и *GMV*-портфелем составляет лишь 0.698, что открывает возможности для построения комбинированных портфелей, объединяющих преимущества разных подходов.

5. Специфика российского рынка: высокие значения показателя Херста указывают на наличие трендовой составляющей, что создает благоприятные условия для применения стратегий, следующих за трендом, и объясняет успех оптимального по Шарпу портфеля в периоды устойчивых движений.

6. Реализация инвестиционных стратегий на фондовом рынке предполагает высокий уровень профессиональной подготовки специалистов, осуществляющих анализ и управление финансовыми инструментами. Поэтому важное значение для развития организаций финансового сектора имеет формирование кадрового резерва, который выступает одним из механизмов поддержания их конкурентоспособности на рынке (Захариадис, 2025).

Практические рекомендации для инвесторов могут быть сформулированы следующим образом:

1. Для долгосрочных инвестиций с горизонтом более 3 лет предпочтительной является стратегия равных весов, обеспечивающая устойчивый результат без необходимости регулярной ребалансировки;

2. В периоды рыночной неопределенности и ожиданий кризиса целесообразно увеличивать долю *GMV*-компоненты до 60–80% портфеля;

3. Для агрессивных инвесторов, готовых принимать высокий риск, оптимальный по Шарпу портфель может обеспечить исключительно высокую доходность в периоды восстановления, но требует активного мониторинга и готовности к глубоким просадкам;

4. Оптимальной представляется комбинированная стратегия с динамическим распределением капитала между тремя подходами в зависимости от рыночной фазы, идентифицируемой по макроэкономическим индикаторам и техническим индикаторам рыночного режима.

### Список литературы

1. Бригхем Ю., Гапенски Л. (2005) Финансовый менеджмент: Полный курс. В 2-х т. / Пер. с англ. под ред. В. В. Ковалева. СПб.: Экономическая школа. [Brigham E. F., Gapenski L. C. (2005) Financial management: theory and practice. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola. (In Russian).]

2. Воронова Н., Яковлева Е., Шарич Э., Яковлева Д. (2023) Структура и особенности принятия инвестиционных решений в хедж-фонде // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. №1. С. 95–112. DOI: 10.18334/epp.13.1.117175

3. Горелик В., Золотова Т. (2024) Построение разреженной ковариационной матрицы на основе анализа статистических данных и использование ее при выборе оптимального портфеля ценных бумаг // Статистика и экономика. Т. 21. № 6. С. 50–56. [Gorelik V., Zolotova T. (2024) Building a sparse covariance matrix based on statistical data analysis and using it when choosing the optimal securities portfolio // Statistics and Economics. Vol. 21. No. 6. Pp. 50–56. (In Russian).] DOI: 10.21686/2500-3925-2024-6-50-56

4. Захариадис Э. Ю. (2025) Концепция формирования и императивы развития кадрового резерва организаций в нестабильной экономической среде // Вопросы регулирования экономики. Т. 16. № 2. С. 57–65. [Zakhariadis E. Y. (2025) The concept of

formation and imperatives of development of the personnel reserve of organizations in an unstable economic environment // Issues of economic regulation. Vol. 16. No. 2. Pp. 57–65. (In Russian.) DOI: 10.17835/2078-5429.2025.16.2.057-065

5. Севрюгин Ю. В. (2009) Экономико-математические методы оценки риска портфеля ценных бумаг // Экономика и управление. № 11 (49). С. 75–78. [Sevryugin Yu. V. (2009) Economic and mathematical methods for assessing the risk of a securities portfolio // Economics and management. No. 11 (49). Pp. 75–78. (In Russian).]

6. Соловьев А. А. (2012) Стоимость собственного капитала компании: сравнительный анализ модели капитальных активов (CAPM) и арбитражной модели (APM) // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. № 4. С. 160–164. [Soloviev A. A. (2012) The cost of a company's equity: a comparative analysis of the capital asset model (CAPM) and the arbitration model (APM) // Economics and Management in the 21st century: Development trends. No. 4. Pp. 160-164. (In Russian).]

7. Шарп У. Ф., Александер Г. Дж., Бэйли Дж. В. (2001) Инвестиции / Пер. с англ. М.: ИНФРА–М, 2001. [Sharpe W. F., Alexander G. J., Bailey J. V. (2001) Investments. Moscow: INFRA–M. (In Russian).]

8. Balter A. G., Chau K. W., Schweizer N. (2024) Comparative risk aversion vs. threshold choice in the Omega ratio // Omega. Vol. 123. Is. 11. Pp. 02992. DOI: 10.1016/j.omega.2023.102992

9. Black F., Litterman R. (1992) Global Portfolio Optimization // Financial Analysts Journal. Vol. 48. No. 5. Pp. 28–43. DOI: 10.2469/faj.v48.n5.28

10. Clarke R., De Silva H., Thorley S. (2006) Minimum–Variance Portfolios in the U.S. Equity Market // Journal of Portfolio Management. Vol. 33. No. 1. Pp. 10–24. DOI: 10.3905/jpm.2006.661366

11. DeMiguel V., Garlappi L., Uppal R. (2009) Optimal Versus Naive Diversification: How Inefficient is the 1/N Portfolio Strategy? // Review of Financial Studies. Vol. 22. No. 5. Pp. 1915–1953. DOI: 10.1093/rfs/hhm075

12. Fabozzi F. J., Gupta F., Markowitz H. M. (2002) The Legacy of Modern Portfolio Theory // Journal of Investing. Vol. 11. No. 3. Pp. 7–22. DOI: 10.3905/joi.2002.319510

13. Jorion P. Value at Risk: The New Benchmark for Managing Financial Risk. New York: McGraw-Hill, 2006.

14. Lintner J. (1965) The Valuation of Risk Assets and the Selection of Risky Investments in Stock Portfolios and Capital Budgets // Review of Economics and Statistics. Vol. 47. No. 1. Pp. 13–37.

15. Markowitz H. (1952) Portfolio Selection // The Journal of Finance. Vol. 7. No. 1. Pp. 77–91. DOI: 10.1002/9780470404324.hof002001

## **The Russian stock market over the past five years: a comparative analysis of the effectiveness of investment strategies**

*Mariya V. Chernova,*

*PhD (Physical and Mathematical Sciences), Associate Professor, Department of Financial Markets, Technologies, and Regulation, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA, Presidential Academy), Moscow, Russia.*

**Savin Vladimir Yurievich,**

*Specialist of the Currency Control Department of JSC «Expobank», Moscow, Russia.*

*The article presents a comparative analysis of the effectiveness of three investment portfolio formation strategies in the Russian stock market during the period 2020–2025, which includes crisis phases and recovery periods. The object of the study is the portfolio that maximizes the Sharpe ratio, the portfolio of global minimum variance (GMV), and the equal-weight portfolio. The relevance of the work is due to the high volatility of the Russian market, the need to choose the optimal strategy in the context of sanctions pressure, macroeconomic instability, and structural changes in the economy.*

*Based on the daily quotes of the 11 most liquid Russian stocks and the dynamics of the IMOEX index, the authors calculated advanced performance metrics: the Sharpe, Sortino, Kalmar, and Omega ratios, risk indicators (VaR, CVaR, and maximum drawdown), as well as the distribution characteristics of returns and the Hurst exponent for assessing the trend component. The use of optimization methods within the framework of the efficient frontier theory allowed for the ranking of strategies by year and the identification of their specific features in different market conditions.*

*The results demonstrate that none of the strategies is universally superior: the optimal Sharpe portfolio performs best during periods of market recovery (2020, 2023), but is characterized by high investment concentration, volatility, and sensitivity to shocks; the GMV portfolio provides the best capital protection during a crisis (2022) due to its broad diversification; and the equal-weight portfolio demonstrates the most stable and balanced performance over the entire investment horizon. The research results can be used by private and qualified investors to optimize risk management and increase the profitability of their investments.*

**Keywords:** *portfolio theory, Sharpe ratio, GMV portfolio, diversification, Russian stock market, risk management, efficient frontier.*

**JEL codes:** *G11, G17, C61.*

Статья поступила в редакцию 15.02.2026 г.

**ПОСТРЕЛИЗ / POSTRELEASE**

**О проведении Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Хасбулатовские чтения»**



Рабочие языки: **русский, английский**

Формат: **очно, онлайн трансляция**

Место проведения: **г. Москва, Стремянный пер., 28с1**

Пленарное заседание: **13:00 – 18:00 (корпус 1, зал 145)**

Молодежная секция: **11:00 – 14:00 (корпус 3, ауд. 605, аудитория имени Р.И. Хасбулатова)**

Организатор: кафедра мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

**Участники:** научные сотрудники, преподаватели, представители бизнеса и государственных служб, аспиранты, студенты, заинтересованные в указанной проблематике

**Цель встречи:** обсуждение ключевых тенденций, угроз и возможностей, связанных с обеспечением устойчивости национальных экономик и компаний, перспективных драйверов экономического развития в условиях санкций, геополитической напряженности, технологических и климатических вызовов.

#### **Круг вопросов:**

1. Теоретические и практические аспекты экономической устойчивости.
2. Новые точки роста: технологический суверенитет, инновационные кластеры, МСП-экосистемы.
3. Перестройка глобальных и локальных цепочек поставок.
4. Международный опыт цифровизации в государственном и в частном секторах.
5. Отраслевые аспекты цифровизации экономик стран и регионов.
6. Энергетический переход и «зеленые» драйверы роста.
7. Экономическая безопасность и финансовая устойчивость в эпоху повышенных рисков.
8. Экономика данных, искусственный интеллект и цифровая трансформация как фактор устойчивого роста.
9. Новые тренды международной торговли.
10. Конкуренция и сотрудничество: новые стратегии в условиях глобальных вызовов.
11. ESG-инициативы и новые подходы к устойчивому развитию.
12. БРИКС+, ШОС, ЕАЭС и другие форматы южного сотрудничества.
13. Глобальные вызовы и их влияние на экономику.
14. Бизнес-стратегии в условиях неопределенности.
16. Государственная политика и международное сотрудничество.

К.э.н., доцент

*Асмятуллин  
Равиль Рамилевич*

